

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

3/2005

**РАЗРЕЗАЮЩИЙ
ВРЕМЯ**

ДОРОГИЕ НАШИ ЧИТАТЕЛИ!

Обратите внимание на 3-ю сторонку обложки, где представлены книги новой серии.

Открыта досрочная подписка на 2-е полугодие на все наши журналы. Оформить «досрочку» (она несколько дешевле) вы можете в феврале-марте.

Захватывающий роман Е. Глинкавой «Когда позовет смерть» читайте в первом номере журнала «Детективы «Искателя»; в «Мире «Искателя» — фантастический рассказ Б. Грея «Всемогущество» и остросюжетный детективный роман А. Ивахненко «Последний контракт».

ПОДПИСАТЬСЯ НА ВСЕ НАШИ ЖУРНАЛЫ МОЖНО С ЛЮБОГО МЕСЯЦА

Индексы:

«Искатель» — 70424, 42785 и 40940,
«Мир «Искателя» — 40920,
«Детективы «Искателя» — 38304,
детский журнал «Колокольчик» —
79035 («Пресса России»),
26089 («Роспечать»).

Эти издания можно приобрести в редакции
или заказать по почте.

127015, Москва, Новодмитровская ул., 5а, офис 1607.
Телефоны: (095) 685-39-27, 285-39-27,
(095) 685-47-06, 285-47-06.

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

ежемесячный литературный журнал издается с 1961 года
3/2005

Станислав
РОДИОНОВ

3

**КРОВАВЫЕ
КРАСКИ**

детективная повесть

Михаил
СТАРЧИКОВ

167

**РАЗРЕЗАЮЩИЙ
ВРЕМЯ**

*фантастический
рассказ*

Анатолий
ГЕРАСИМОВ

177

**ВЕГА С ПЛАНЕТЫ
ЗЕМЛЯ**

*фантастический
рассказ*

Кирилл
БЕРЕНДЕЕВ

187

СРОЧНЫЙ ВЫЗОВ

*фантастический
рассказ*

3 (315) 2005

Главный редактор	Евгений КУЗЬМИН
Художники	Иван ЦЫГАНКОВ Александр ШАХГЕЛДЯН
Технолог	Екатерина ТРУХАНОВА
Верстка	Вячеслав КОЗЫРЕВ
Адрес редакции	127015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а, офис 1607
Телефон редакции	285-47-06, 685-4706
Телефоны для размещения рекламы	285-47-06, 685-47-06, 285-39-27, 685-39-27
Служба распространения	285-59-01, 685-59-01, 285-66-87, 685-66-87
E-mail	iskatel@orc.ru mir-iskatel@mtu.ru

Учредитель журнала
ООО «Издательский дом «ИСКАТЕЛЬ»
Издатель
ООО «Книги «ИСКАТЕЛЯ»
© «Книги «ИСКАТЕЛЯ»
ISSN 0130-66-34

Свидетельство Комитета
Российской Федерации
по печати
о регистрации журнала
№ 015090 от 18 июля 1996 г.

Распространяется во всех регионах России,
на территории СНГ и в других странах.
Подписка проводится с любого месяца

Подписные индексы:

*по Объединенному каталогу
«Почта России»
(карточная система)*
70424 — на полгода
42785 — на год
40940 — комплект «Искатель»
и «Мир «Искателя»

*по каталогу
агентства «Роспечать»
(адресная система)*
на полгода — 79029

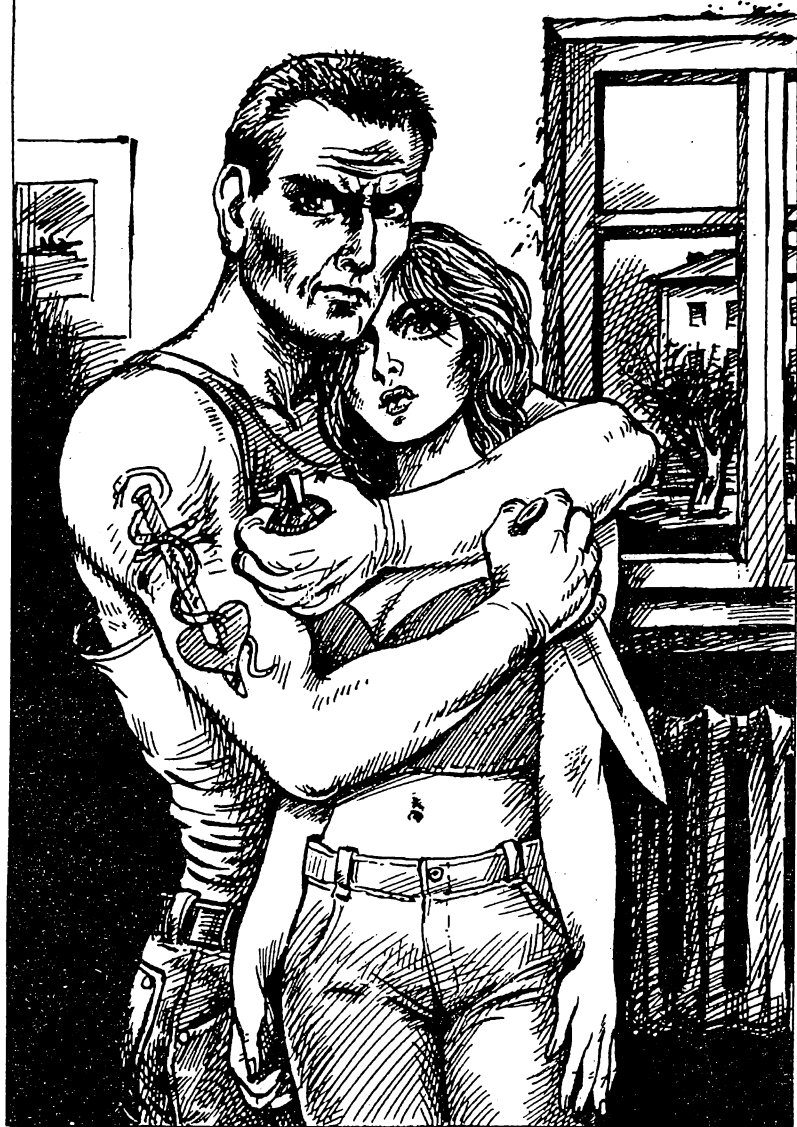
ИСКАТЕЛЬ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Станослав РОДИОНОВ
КРОВАВЫЕ КРАСКИ
детективная повесть

Названия ресторанов соревновались в оригинальности. «Болеро», «Какаду», «Королевские ножки», «Морской волк», «Эль Фаро»... Этот, дабы избавиться от приторности разных «Капри», «Изумрудных Будд» и «Клеопатр», долго именовался прикольно — «Бяка». Но от названия пришлось отказаться, поскольку выпивохи приколов не понимали, полагая, что здесь дешевая водка и халявная закуска. А как иностранцам перевести слово «Бяка»?

Поэтому теперь ресторан звался «Мираж». Над входом неоновые красные завитки скрутились в фигуру, похожую на японку в кимоно. Эти завитки и буквы названия были настолько яркими, что выкрасили входившего в ресторан мужчину — пиджак красный, борода розовая. Он сел за дальний столик: пиджак оказался розовым, борода — цвета сосны. У подошедшей официантки мужчина спросил:

— Инга, ресторан стал японским?

— Нет, интернациональный, но с небольшим японо-китайским уклоном, Анатолий Захарович.

— Что мне взять из японского?

— Салат из цветков камелии, мясо щитомордника...

— Щитомордник же змея.

— А мясо нежное, — официантка улыbnулась брезгливо. — Или возьмите хвостики рыбы-лягушки.

— Ты еще посоветуй ядовитую рыбу-фугу. — Анатолий Захарович взял карту блюд и нужное высмотрел мгновенно. — Инга, а вот мясо по-гусарски?

— Есть.

— Давай и японское блюдо — пиво «Асахи».

— Анатолий Захарович, только баночное.

Он кивнул и оперся на столешницу из итальянского мрамора. Рядом, в емкости из такого же мрамора, рос папоротник. У окна щетинилось хвоей невысокое

деревце, походившее на карликовую тую. Под нею горка мокро блестящих камней, на которые откуда-то подавалась вода. В углу зала на деревянном выступе играл скрипач, негромко и монотонно. День. Посетителей мало.

— Инга, а почему ресторан называли «Мираж»?

Официантка поставила тарелки и усмехнулась:

— Анатолий Захарович, спрашиваете, потому что еще не выпили.

— Значит, миражи начинаются после выпивки? Тогда неси.

— Чего желаете?

— А что есть?

— Водка и три сорта коньяка.

Эти сорта он знал: три звездочки, четыре и пять.

— Инга, а марочный коньяк?

Она пригнулась и сообщила как бы по секрету:

— Анатолий Захарович, только в нашем ресторане появилось норвежское виски «Аппер тэн». Вроде бы градусов пятьдесят.

— Как раз для миража, неси.

— Знаете, в ресторане «Братан» водку крепят змеиным ядом, как в Японии.

Мясо по-гусарски было порезано так, что походило на толстолистый блокнот. Анатолий Захарович усмехнулся: мясо по-гусарски, салат японский, виски норвежское, мрамор итальянский, скрипач грузин... Художественная мешанина.

Он погладил трапециевидную бороду и выпил, делая глотки протяженными и не закусывая. Чтобы не портить букета. Но букет штука тонкая, исчезающая, поэтому пришлось взять еще бокал. И только потом развалить ряд нарезанного мяса. Теперь закуска уже ничего испортить не могла, поскольку виски ее опередило: дошло до головы скорее, чем мясо в желудок.

Не мираж, а привычная и приятная истома обволакивала ресторан. Сохранить это состояние, не усилить

его новой порцией. Прислушаться к скрипке, запевшей проникновенно.

— Инга, кофейку.

— Сделайте вам кофейный пунш?

— Нет, чашку натурального, без сахара и огненно горячего.

Со стороны бара валко шел человек. Анатолий Захарович мысленно прочертил его путь, который должен оборваться здесь, в этом углу, где больше никто не сидел. Человек был в шортах, гетрах и кроссовках. Как его пустили в ресторан? Эта работа норвежского виски — мираж.

— Разрешите сесть за ваш столик? — спросил подошедший с напором, не сомневаясь, что разрешат.

— Полно свободных столов.

— Вы меня унижаете пренебрежением.

— Пожалуйста, садитесь за мой.

Вкус и запах виски остался на губах, но его заглушил грубый дух водки, идущий от незнакомца. Анатолий Захарович поморщился: выпить кофе и уйти. Незнакомец перекосил лицо выжатой улыбкой:

— Виски пить непатриотично.

— Почему же?

— В России гонят водку, а не виски.

— А вы патриот? — неосторожно спросил Анатолий Захарович, зная, что нарывается на разговор с пьяным человеком.

— Меня воротит от таких стихов, как «твои глаза цвета виски, от меня они очень близко». Почему цвета виски, а не цвета водки?

— Водка бесцветна.

— А виски желтое. Лучше иметь глаза бесцветные, чем желтые.

— Виски взято для рифмы. Виски — близко.

— А водка — селедка?

Его взгляд казался трезвым, поэтому требовал ответа. Не дождавшись, он приблизил лицо, словно захо-

тел нюхнуть бороду своего собеседника. Анатолий Захарович разглядел цвет его глаз: не водки и не виски, а провально-темные. Как бы наполненные му́кой, которая, разумеется, черная. Он спросил вполголоса:

— Бабу хочешь?

— Какую бабу?

— Нью.

— Ты сутенер?

— Нет, но баба есть. Голая, по-вашему «ню».

Эта «ню» Анатолия Захаровича насторожила: термин, как правило, употребляемый художниками. Для случайного алкаша взгляд слишком осмысленный, для сутенера и одет слишком непотребно. Футболка, придавленная желтыми подтяжками.

Подошедшая с кофе официантка удивилась:

— Гражданин, попрошу вас ресторан покинуть. В таком виде!

— Только закончу разговор. Борода, хочу получить с тебя должок.

— Какой должок? — изумился Анатолий Захарович.

— В долларовом исчислении.

— Мы не знакомы и никаких денег я у тебя не брал.

— Верно, не брал. А моральный ущерб?

— Парень, шел бы ты и проспался.

Анатолий Захарович порозовел, как и его пиджак. Он хотел расплатиться, выпить кофе залпом и уйти, но чашка оказалась слишком горячей. Ему, плечисто-кряжистому, ничего не стоило отшвырнуть худосочного пристава. Удерживала стоявшая рядом официантка.

Парень шелкнул подтяжками и развязно хохотнул:

— Борода, брюнетка «ню» рассказала много криминального.

— Не знаю никаких брюнеток.

— Да ну? Елизавета, Лиза, Лизетта, просто Лиз. А?

Анатолий Захарович хлебнул кофе и поперхнулся — очень горячий. Он привстал и гаркнул на весь ресторан:

— Пошел вон!

В зале стало тихо. Парень дернулся, словно хотел вцепиться в бороду своего противника — его рука взметнулась. Слишком высоко, поэтому удар пришелся куда-то за голову, за плечо. Анатолий Захарович вскочил и опрокинул на руку кофе, который обжег десятком пчел. Боль отвлекла парня в желтых подтяжках, и этого вполне хватило, чтобы вылететь из ресторана пулей.

— Шпана, — заключил Анатолий Захарович. — Инга, знаешь его?

— Впервые увидела.

— По спине ударил-то сильно. Инга, глянь-ка там.

Он встал и повернулся к ней. Официантка вскрикнула — в спине торчала рукоятка ножа...

Зал точно спугнули. Редкие посетители сбежались на крик официантки. Одни хотели нож выдернуть, другие советовали не трогать. Инга звонила по мобильнику. Анатолия Захаровича осторожно увели в кабинет директора.

«Скорая помощь» приехала минут через десять. Нож вынули и спину забинтовали. Врач утешил:

— Вам повезло: или удар не сильный, или нож запутался в пиджаке.

— Почти не болит, — согласился Анатолий Захарович.

— Лезвие вонзилось всего на полсантиметра. Непроницающее ранение. Ну, госпитализацию не предлагаю.

— Дома отлежусь.

«Скорая» уехала. Остался работник милиции, который все это время мурыжил вопросами официантку. Теперь он взялся за раненого. Анатолий Захарович рассказал про инцидент короткими вязкими фразами. Оперативник удивился:

— И вы не знакомы?

— Ни разу не встречал.

— Тогда за что же ударил?

— Сам бы хотел узнать.

— Ну что же... Возбудим уголовное дело.

— Зачем?

— Анатолий Захарович, покушение на убийство.

Оперативник не понимал, чего не понимает потерпевший. Точнее, почему этот потерпевший благодушен. Где же естественная человеческая злость на преступника?

— Анатолий Захарович, официантка говорила, что потерпевший упоминал какую-то Лизу...

— лейтенант, — перебил его потерпевший, — а если я не хочу никакого уголовного дела... Вы все равно будете расследовать?

— Почему же вы не хотите?

— Пойдут разговоры, сплетни... Неприятно. Я напишу заявление, что претензий не имею.

Оперативник усмехнулся: понимает ли этот интеллигентный бородач, что хочет спасти преступника? Во всем винят милицию... А трусоватые граждане?

2

Свидетельница, которая явилась только после третьей повестки, отвечала на мои вопросы, как из берлоги. Односложно, глухо, отрицательно. На бровях платок, ползущий к глазам. Дышит тяжело. Короче, в берлоге.

Парадокс: проработав следователем прокуратуры более двадцати лет, я акценты, что ли, сместил? Хочу сказать, что меня перестали злить преступники и начали раздражать свидетели. Поведение злоумышленников ясно — им надо выкрутиться. А свидетели и потерпевшие, с которыми мы в одном окопе против преступности? Вот чего эта тетка переползла из окопа в глухую берлогу?

Если о парадоксах: почти всю жизнь проработал на следствии, а уязвим, как школьник. Злило не то, что

тетка утаила какую-то информацию, — злила мещанская тупость. Ее никто не знал, ей никто не угрожал, ее ни в чем не подозревали... Боишься огласки, скажи не для протокола.

Я знал множество способов, как улучшить собственное настроение. Один из них — поговорить с единомышленником. Тем более что он вошел в мой кабинет. Майора Леденцова я понизил в статусе, обозвав его единомышленником, — друг больше, чем единомышленник.

— Всё сидим? — спросил он, имея в виду следственную работу.

— Всё бегаем? — спросил я, имея в виду работу оперативную.

С возрастом брюнеты светлеют, шатены белеют, а рыжие? Ежик майора стал цвета бледной луковой шелухи. Я знал, что Леденцов зашел бездельно, по пути. Слово «бездельно» к должности майора из уголовного розыска не шло, как, скажем, «деловитый» к слову «покойник». Тем более что Леденцов в своем кабинете почти не сидел, а бегал вместе с оперативниками.

— Что кислый? — разглядел он мое лицо.

— Правительство врет, что преступность снижается.

— Сергей, что правительство... Барометр врать научился: показывает сухо, а льет второй день.

Все-таки я не утерпел и кислинку в лице объяснил, посетовав на тетку и вообще на свидетелей, как на проблему уголовного процесса.

— Сергей, что твоя тетка...

— Так ведь и барометр врет, — вставил я.

— В ресторане «Мираж» было покушение на убийство. Лейтенант Палладьев выезжал, и что? Потерпевший отказался жаловаться.

— Для возбуждения дела его жалоба не обязательна.

— Но показания-то обязательны.

Леденцов описал событие довольно-таки бесстрастно. Не может работник милиции переживать сильнее,

чем жертва. Да и ни к чему майору портить статистику и вешать на район еще одно преступление. Поскольку в моем сейфе лежало несколько глухих дел, я спросил на всякий случай:

— Рецидивистов примеривал?

— Какие рецидивисты... Они бить ножом умеют, а этот лишь пиджак испортил.

— Маньяк?

— Псих, в натуре. На нем были желтые подтяжки.

— Опер что-то записал?

— Да, на одной страничке.

— Пришли мне ее.

Леденцов хитренько улыбнулся. Пожалуй, только он знал, что я собираю материал впрок. Для давно задуманной книги. И несколько названий готовы. Нет, не дневник следователя и не записки — в наше время сюжетами и мыслями не привлечешь. Нужны приколы. Что-нибудь «Жизнь среди трупов». Или «Ужин в морге» — распивать чай в прозекторской случалось. А еще неплохо «Секс с покойниками» — и такое дело расследовал.

В рассказанном майором эпизоде меня заинтересовало упоминание преступником какой-то Лизетты. Видимо, в покушении была замешана женщина. В предполагаемой книге мне виделась солидная глава о любви и криминале, в которой я попробую доказать, что из-за любви не убивают.

— Боря, адрес потерпевшего из «Миража» есть?

— Да, записан, но мужик в прокуратуру не явится.

В памяти всплыла картина: ночь, улица, труп на проезжей части... Снег, мороз... Нужно составить протокол осмотра, а нет двух понятых — никто не соглашается. На этом месте происшествия я впервые ощутил одиночество следователя в противостоянии с накипью человечества. Вот только дружба... Леденцов ее подтвердил, достав из сумки пакет, блестящий от масляных пятен.

- Пирожки, доставай кипятильник.
- Напек?
- Одна потерпевшая напекла.
- С чем?
- С черникой.
- Лучше бы с мясом, — проворчал я.
- Сергей, ты очки носишь, а у орла невероятная зоркость. И знаешь почему?
- Почему же?
- Он чернику клюет.

3

Геннадий не понимал, почему после смерти бабушки, вроде бы не имевшей ни плоти, ни голоса и не занимавшей никакого пространства, квартира словно онемела.

Считается, что студенты народ веселый и компанийский. Геннадий держался на отшибе, проводя время в картинных галереях и библиотеках. Он полагал, что студенту Академии художеств, будущему искусствоведу не пристало ходить по улице с пивной бутылкой, фанатить на стадионах и дуреть от видеофильмов.

Но одиночество... Может быть, лучше дуреть-фанатить, чем филином торчать в квартире? Позвонить Севке? Эротические беседы пополам с эротическими анекдотами. Позвонить сокурснице? Разговоры о курортах и зарубежных турах. Зайти к соседу? Ноль пять на двоих. Включить телевизор? Сериалы без конца и без начала. Все-таки надо было поехать с группой за город.

Геннадий надел легкую куртку и вышел из дома. Побродить среди людей и выпить чашку кофе в тихом заведении под названием «Уют».

Автомобилей в городе больше, чем прохожих. Не доходя до перекрестка, Геннадий на той стороне улицы опять увидел сумасшедшего парня, которого примечал уже пару дней. В ярко-красном спортивном

костюме, в бейсболке... Он стоял, выжидая зеленого света. И как только на перекрестке его дали и поток машин ринулся по улице, парень прыгнул в этот поток, как в воду. Нарушая все правила и светофоры, он пересек проезжую часть по диагонали. Если до сих пор поток был мощным, но ровным, то теперь вскипел бурунами. Автомобили резко тормозили, словно ударялись о валуны; задевали друг друга, издавая визгливый скрежет; сигналили каким-то предсмертным звуком; почти касались бегущего, который даже перелетел через капот; одна машина выскочила на панель... С перекрестка побежал милиционер. Но дикий нарушитель уже пересек улицу и ввинтился в табунчики прохожих. Милиционер порыскал туда-сюда и вернулся на перекресток.

Поведение этого парня было вне логики. Дождавшись движения, бросался под колеса. И уже не впервые. Подросток или психически больной?

Геннадий вошел в кафе. После автомобильной кутерьмы здесь показалось особенно уютно. Он решил выпить чашку кофе за стойкой и пошел меж столами.

Не заметить эту девушку мог только сильно близорукий: ярко-красный спортивный костюм, пунцовое лицо и черные волосы, лежавшие на плечах свернуто, как пушной зверек. Она за столом пила кофе. На коленях лежала бейсболка. Удивленный Геннадий споткнулся на ровном месте и встал рядом:

— Это вы... сейчас на улице?..

— Это я сейчас.

Знакомиться Геннадий не умел, но любопытство пересилило стеснительность. Он стоял приклеенно.

— Хоть кофе возьми, — усмехнулась девушка.

Геннадий сходил за чашкой и сел за ее стол. Она вновь усмехнулась:

— Ну?

— В каком смысле?

— У чайника есть вопросы?

— Какого чайника?

Она не ответила. Геннадий вспомнил, что чайниками зовут крайних простаков. Неужели он похож на чайник? Он бы спросил, но девица уточнила:

— Который лох.

Геннадий знал, что лох еще похуже чайника. Неужели он похож на лоха? Любопытство не позволило обидеться.

— Зачем бегаешь поперек движения?

— Ты мент?

— Я учусь в Академии художеств.

— И кем же станешь?

— Искусствоведом. Так почему же рискуешь жизнью?

Цвет ее глаз было не разглядеть: узкие, словно только что прорезаны острым ножичком. Но в лице ничего восточного, кроме загара. Вероятно, она размышляла, отвечать ли на вопрос. Но из-за узких глаз Геннадию казалось, что девица в него прицеливается.

— Не поймешь, — решила она.

— Я во всех художественных измах разбираюсь, а твои гонки не пойму.

— Хорошо. У тебя адреналин есть?

— Где? Дома?

— В крови.

— Как у всех...

— А мне мало, как у всех. Жить-то скучно.

Видимо, его лицо отразило непонимание связи бега по улице, скуки и адреналина. И жить не скучно, а грустно, особенно после смерти бабушки. Геннадий хотел объяснить ей разницу между скукой и грустью, но она попросила:

— Еще чашку кофе не принесешь?

Пока он ходил, прорезалась догадка:

— Тебе не хватает острых ощущений?

— Да, я — экстремалка.

— Но ведь есть экстремальные виды спорта...

— А чем хуже увернуться от колес? Убежать от гаишника? Скрыться от разъяренных водителей?

Геннадий еще не уловил, нравится ли ему эта девушка, но было очевидно, что она личность необыкновенная. Он таких не встречал. На курсе больше спесивых жеманниц и каких-то подобных, как те самые классические треугольники. Вопрос вырвался сам собой:

— Как тебя звать?

— Нонна. А ты?

— Геннадий. Работаешь, учишься?

— Преподаю в школе физкультуру.

Ну конечно. Крепко сбитая фигурка, зоркий взгляд, четкий голос, вьевшийся загар, спортивные брюки... Уворачиваться от машин могла только преподавательница физкультуры.

— Какой тут гадкий кофе, — сказала Нонна.

— А ты кофеманка?

— Само собой. Кофе способствует выделению адреналина.

— А ты пила кофе по-берберски?

— Что за кофе?

— С чесноком и медом.

— Экстрем!

— А кофе по-бедуински? С красным и черным перцем?

— Круто.

У Геннадия в голове сформировалась мысль. Не сформировалась, а промелькнула торопливым экстремом, правда, успев зацепиться. Часто ли встречаются оригинальные люди? Можно жизнь прожить среди одного и того же, среди одних и тех же. А что его ждет вечером? Сериальные боевики, которые можно переключать с одного на другой и не замечать разницы. И он спросил:

— Нонна, хочешь этого кофе?

— Здесь натурального-то нет, тем более экзотики.

- У меня дома, живу рядом...
- Приглашаешь в гости?
- Именно.
- Сегодня не могу, тренировка.
- Тогда завтра.

Геннадий на салфетке черкнул номер телефона. Нонна взяла ее удивленно и неуверенно: видимо, такой экстрем ей был в новинку.

4

Удивляюсь я на тех следователей, которые влекут своих детей идти по родительской дорожке. Обрекают их на людскую грязь, нервотрепку, усталость ежедневную... Выезды на происшествия, допросы, очные ставки... Бывают такие места убийств, что после них ходишь в дурмане и мир кажется диким и подлым.

Я возвращался из морга. Вообще-то следователь прокуратуры на вскрытии присутствовать должен, но мы этой процедуры избегаем. Сегодня меня вытащил молодой судмедэксперт на не понятый им случай: пулевое отверстие в верхней части груди и такое же отверстие в нижней части спины никак не соединялись траекторией полета пули. Судмедэксперт даже заподозрил второй выстрел в спину. Он еще плохо знал отличие входного пулевого отверстия от выходного. Вскрытие все объяснило.

Вскрытие... Жизнь человека кончается не болезнью и не пулей; мне кажется, что даже и не смертью — вскрытием она кончается. Я шел и, наверное, от меня плохо пахло прозекторской: медицинскими препаратами, чем-то сладковатым и человеческой плотью. Запах выветрится, а чем снять запечатленную в мозгу картинку?

Хотя бы вот этим... Картинная галерея. Пять часов вечера: домой рано, в прокуратуру поздно. Я купил билет и вошел в просторный и светлый зал.

Покой и прохлада. Батальные сцены, портреты, ню,

абстракции, натюрморты... В живописи я не разбираюсь. Мне без разницы, реалист ли художник, импрессионист ли — душу бы грело. Мне ввек не понять «Черного квадрата» Малевича, но я не могу оторваться от «Вазы с сиренью» Эдуарда Мане...

Посреди зала как-то странно замерла пожилая женщина, в позе человека, потерявшего деньги. Я подошел:

— Вам плохо?

— Но ведь не может быть...

— Что?

— Музей реставрировал все картины. Или это сплошные копии?

— Нет, разумеется.

— Раньше на портретах дамы были разновозрастные, а теперь все молоденькие.

— Давно музей не посещали?

— Лет двадцать.

Я усмехнулся горьковато — время. И не стал огорчать старушку объяснением, что в молодости женщины на портретах казались ей в возрасте, а теперь, когда сама постарела, эти же дамы выглядят молодыми. Портреты не старятся.

Зал ню меня не заинтересовал. Вот портреты... Человеческие лица влекли профессионально. На допросах я спрашивал, думал, слушал... Но, главным образом, изучал лицо, которое говорило не меньше слов. Я даже завел пухлый блокнот под названием «Лицо — зеркало души». Нет, не глаза, которые, по-моему, ничего не выражают. Бандиты смело глядят в прорези своих масок, не боясь опознания по глазам. Да, глаза говорят, но в сочетании с бровями-щеками-губами. Впрочем, где-то я прочел, что Лев Толстой описал восемьдесят пять оттенков выражения глаз.

Ноги остановились сами. У портрета женщины... Их много, портретов женщин, но что в этом? Подпись. «Мона Лиза». Нет, дело не в названии картины...

Над бровями две угловатые морщины. В уголках глаз «гусиные лапки», а в уголках рта морщины, направленные вниз. Горькая складка у рта... Нависшие веки делали глаза усталыми. Или женщина плакала?

— Да она в маске, — вырвалось у меня.

— С чего вы взяли? — буркнул стоявший рядом мужчина с бородой.

— Психомоторика измеряется долями секунды. Значит, женщина находилась в таком состоянии часами. Это же невозможно.

— Профессиональная натурщица.

— У нее ведь дрожат губы...

— А вы присмотритесь к глазам.

— Что «глаза»? — присмотрелся я.

— Серые. Люди с таким цветом глаз решительны, но беспомощны.

Мои знания о глазах пополнились. Только как этот бородач разглядел беспомощность в сером цвете? Бородач решил просветить меня дальше:

— Сеченов утверждал, что любая психическая деятельность выражается в мышечном движении.

— Я не согласен.

— С Сеченовым?

— Мысль — это психическая деятельность? А интуиция? Разве они мышцами фиксируются?

— А что вы скажете о художнике?

— Оригинальный талант.

Бородач протянул руку с силой, точно хотел воткнуть ее в меня:

— Анатолий Захарович.

— Сергей Георгиевич, — представился и я на каком-то автомате.

— Моя картина.

— Ах, вы художник...

Мой взгляд с картины перескочил на творца. Среднего возраста и среднего роста. Впрочем, ничего среднего в нем не было. Художник сам походил на чело-

века, только что сошедшего с картины, на которой горело закатное солнце. Красная рубашка-поло, летние брюки цвета «бордовый металлик»... Борода пышная, прямоугольная. Прическа, видимо, копировала бороду: тоже прямоугольная, только как бы поставлена на попа. Не знаю почему, но светлые волосы бороды и прически чуть заметно розовели. От рубашки?

— Сергей Георгиевич, хочу угостить вас кофе.

— А где он?

— Через зал есть маленький буфетик.

Я согласился из-за профессиональной и врожденной любознательности. Уж слишком приелись люди, отштампованные модой. Коли встретился интересный человек... Но похоже, что Анатолий Захарович тоже был в моде, только мне непонятной.

Буфет представлял угол зала со стойкой и тремя столиками. Приняв от моего нового знакомого чашку с кофе, я не удержался от неделикатного вопроса:

— Анатолий Захарович, а что вас, так сказать, побудило пригласить меня?

— Увидел неподдельный интерес к искусству.

Я не стал поправлять, что меня больше интересует умение при помощи краски дать лицо и, главное, психологию человека. Вот как ему удалось выразить муки женщины — при помощи краски?

— Анатолий Захарович, а почему Мона Лиза?

— Потому что Елизавета Монина.

— Реальная женщина?

— Моя постоянная натурщица.

— Интересно бы на нее глянуть...

— Вы, случаем, не журналист? — похоже, насторожился он.

— Юрист.

— Э-э, уголовный или гражданский?

— Разнообразный.

— Значит, адвокат.

Уточнять было ни к чему. Да и кофе мы допили. Он

достал из нагрудного карманчика и протянул мне визитку, краткую, как справка. «Уманский Анатолий Захарович, художник». И адрес.

— Это моя мастерская. Надеюсь на визит.

— Спасибо, непременно загляну.

Я понимал его интерес ко мне: поэты любят читать свои стихи, артисты рассказывать истории, художники показывать картины. Тем более я поразился его женским портретом.

— Сергей Георгиевич, я познакомлю вас с Лизеттой.

— Какой Лизеттой?

— Моной Лизой.

Он улыбнулся широко: его крупные зубы показались мне розоватыми. От рубашки. Но и в светло-карих глазах что-то розовело. Светло-карие с розовым — цвет коньяка. Человек с коньячным цветом глаз? Впрочем, коньячком от него слегка пахло — от глаз.

— Анатолий Захарович, говорят, что ярко-красный цвет вызывает дискомфорт и агрессию. В природе красного цвета почти нет.

— Да, только кровь.

5

На следующий день Нонна позвонила ранним утречком и очень удивилась, что Геннадий отказался идти на пляж. А он не мог, готовился к ее приходу: протер стеллажи с книгами, вымыл накопленную посуду, смахнул пыль со своего письменного стола... Около трех начал продумывать ритуал приема гости: на газетке, по-студенчески, не хотелось.

Бабушка была кофеманкой, поэтому Геннадий в этом напитке знал толк. Смешав зерна арабики и робусты, он обжарил их и смолот. И квартиру заполонил крепко-дразнящий запах — настой Востока; Геннадию

даже почудились раскаленные пески барханов. Это еще не сварил...

После пляжа и купанья Нонна наверняка захочет есть. Он не знал, что идет к кофе. Не супом же угощать? Коробочка с шестью пирожными стояла в холодильнике — все разные, на выбор. Геннадий открыл баночку крабов еще из бабушкиных запасов и нарезал сыр...

Десять минут пятого в дверь позвонили. Щелкнув замком, он попятился, потому что в переднюю шагнуло виденье. Никакой широкоплечей экстремалки... Туника, брошенная на девичью фигуру, не достигала колен и едва прикрывала нежно-могучие бедра; не достигала, потому что вздымалась полуоткрытой нежно-могучей грудью. Ее челка дрожала от крепкой улыбки.

— Ух, какая хоромина, — удивилась она квартире.

— Бабушкина, вернее, дедушкина.

— А кто был дедушка?

— Искусствовед мирового класса.

— Что он делал?

— Определял подлинность картин.

Нонна ходила по квартире, разглядывая на стенах акварели. Достав из серванта чашки старинного фарфора, Геннадий пошел на кухню варить кофе. Он спешил, спотыкаясь и обжигая пальцы...

За стол Нонна села грациозно, как птица на ветку:

— Гена, значит ты по происхождению буржуй?

— Искусствовед... разве буржуй?

— А кто же?

— Интеллигент.

Он смотрел на нее со скрытым вопросом: неужели перед ним та бесшабашная девица, которая ради ощущений увертывалась от колес? Она не походила и на ту спортсменку, с которой познакомился в кафе. Женщина-хамелеон? Геннадий разгадал, точнее, рассмотрел, в чем ее сегодняшняя необычность... На тунике

рисунок в стиле акварельной живописи японских мастеров, плюс отточенно-узкие глаза — экстремалка страны Восходящего солнца.

— Нонна, а кто твои родители?

— Не олигархи и не из среднего класса.

— Я спросил только потому, что ты завела разговор о моем дедушке. Вообще-то, предки не имеют значения. Мы с тобой молоды и можем добиться, чего хотим.

— Да? Ты где родился?

— Здесь, в городе.

— А я в деревне Нижние Мошонки.

— Нижние... мышонки? — не понял он.

— Нет, не мышонки, а мошонки. Способен ли человек из деревни с таким названием занять свой банк или хотя бы торговый ларек?

Геннадий хотел ответить, но ухо поймало слабый лязг входной двери. Видимо, показалось. Второй звук, уже внутриквартирный, его поднял. Геннадий вышел в коридор...

Мгновенная резкая боль от головы до ног... Обо что-то ударился лбом... Стены падают... Он ползет или его волочет какая-то неведомая сила...

Сознания он не терял — лишь стены зашатались. И по ним тоже ползали акварели... Человек...

Над Геннадием склонился узкотелый мужчина с узенькой бородкой. Он не то улыбался, не то оскалился.

— Кто вы? — почти беззвучно спросил Геннадий.

— А тебе не все равно?

— Что вам надо?

— Этот вопрос по существу.

Геннадий не испугался — для испуга нужно время. Ему казалось, что он не дома; он слишком глубоко нырнул, кончается воздух и тело слабеет. Надо сделать рывок и вдохнуть в полную силу легких. Он рванулся.

— Не будь фанычем, — посоветовал бородатый.

— Кем?

- Чайником, говорю, не будь.
- Немедленно меня отпустите.
- Куда?
- Домой.
- Так ты дома.

Геннадий попробовал сесть. Затекие ноги стянуты ремнем. Он иногда принимал на ночь снотворное. Может быть, съел пару таблеток, забыл и никак не может проснуться? Но худощавый человек с тощей бородкой... Иссикающим голосом студент проямлил:

- Что вы хотите?
- Вот деловой разговор.
- Ну, так что?
- Выкупа.
- Деньги на столе в коробке.

Бородатый прошел к столу, глянул в коробку и скривился, показывая крупные желтые зубы:

- Шутишь, фраер?
- У меня больше нет, я студент.
- А мне деньги твои до лампы.
- Что же вам нужно?
- Картина.
- Берите со стены любую.

Бандит вздохнул, обдав Геннадия алкогольным смрадом, когда пьется и курится не сегодня и не вчера, а постоянно. Не перепутал ли алкаш квартиры? И где Нонна? Видимо, закрылась в ванной.

- Фраер, а любая картина мне не годится.
- Какая же годится?
- Та, которая стоит двести пятьдесят тысяч долларов.
- Я вас не понимаю.

Геннадий закрыл глаза, чтобы не видеть этого изможденного алкоголем лица. Бородку грязную, висющую серой мочалкой. Позвать Нонну? Экстремалка и преподает физику... Но ведь девушка. Навлечь на нее опасность?

Бандит ребром ладони ударил его по шее. В глазах потемнело, затем позеленело и поголубело. Геннадий задышал часто, словно в квартире кончился воздух.

— Фраер, это не удар, а так, вроде пощечины. Глянь на мою руку. Видишь на запястье пять точек наколки? Это значит «в кругу друзей». А кисть? Костяной нарост. Не рука, а клешня. Я твою башку расколю одним ударом. Так где картина?

— Нет никакой картины.

— Как же нет... Художника Филонова.

— Откуда?..

— Родственница Филонова подарила твоему деду.

Геннадий пошевелил руками. Свободны... Вцепиться в жилистую шею бандита... Или ударить наотмашь... Отключить на минуту и позвать Нонну. Распутать ноги... Вскочить... Сознание Геннадия крепло, придавая крепость и телу.

— Фраер, так где же картина?

— Не знаю.

— Ты горбатого не лепи.

— Я ничего не помню.

Черепаша втягивает голову под панцирь, ежик сворачивается в клубок... Геннадий закатил глаза: его ведь шарахнули по голове и он мог все пере забыть. Он застонал:

— Голова болит, отключилась...

— Значит, хочешь?

— Чего хочу?

— Стать инвалидом первой группы.

— У меня провал в памяти.

— Сейчас тебе память вернем. Бить такого дохлого фраера не интересно. Слыхал, что СПИД неизлечим?

— Не понимаю...

— Сейчас тебя СПИДом заразим, образованец долбаный.

Геннадий скосил глаза: как заразят... Уколют? Деревянные пальцы бандита не годны для такой мелочи,

как шприц. Лечить СПИД скоро научатся... Лишь бы кости не ломали.

— Фраер, не пугайся, колоть не буду. Мы тебя заразим в натуре, путем секса.

Мысль, как холодная вода, плеснула студенту в лицо — это же сон. Подобного в его жизни не было и быть не может. Надо проснуться... Он рванулся и сел.

— Ничего у тебя не выйдет!

— У Нонки-то? Она покойника сделает сексуальным маньяком. Сейчас она тебя трахнет, а у нее СПИД. Нонка, входи!

Дверь распахнулась. Теперь студент уже не сомневался, что этот кошмар происходит во сне. Потому что вошла Нонна. Она, глаза стали еще уже; словно их только что прорезали... Темная челка дрожит от скрытого нетерпенья... Скорым движением рук она начала раздеваться. Туника уже на полу... Лифчик брошен под ноги... Бандит от радости хлопнул себя по лбу и взревел:

— Нонка, лезь на него, как в американском кино, а я с него брюки стащу!

Ее груди неожиданно провисли мокрыми тряпками, словно потекли на плоский серый живот; соски не розовели, а белели, как свежее сало. Нонка медленно стянула трусики, перешагнула их и коленями прижмнула к его груди. Рыжеватый и какой-то щипаный лобок оказался на уровне его глаз. У Геннадия перехватило дух от страха: свиные соски, щипаный лобок... Это от СПИДа?

— Перестаньте, — громко сказал он и добавил уже шепотом: — Картина под обоями.

6

С возрастом трудностей прибывает. Разных, в том числе психологических. Например, лица молодых коллег скучнеют, когда я рассказываю о расследовании прошлых уголовных дел. Им все это кажется устарев-

шей чепухой, не достойной внимания. Мои молодые коллеги поклоняются современности: то, что прошло, — то устарело. Подходят к жизни, как к телевизору новой модели.

Да, киллеров и компьютеров не было. Но жизнь-то не от достижений техники, а от людских взаимоотношений. В мире мало что меняется, потому что не меняется человек.

Прокурор района, которому я частенько перечу, отправляя меня на место происшествия, улыбнулся значительно: «Вы таких дел не расследовали».

Взрыв в развлекательном центре «Бум-Бараш», в котором были накручены все современные забавы. Дискотека, бары, рок-музыка, бильярд, подиум, казино, ресторан, боулинг... В этом боулинге один шар и взорвался, разворотив зал и ранив человек десять. Цель покушения выяснилась довольно скоро — конкуренция.

Я понял значительность улыбки прокурора: мол, раньше боулингов не было и шары не взрывались. Но пятнадцать лет назад я вел дело — да не одно такое, — когда конкурент швырнул в кооперативный ларек бутылку с зажигательной смесью. В чем же отличие? Вместо модного шара для боулинга бутылка из-под водки? Психология преступлений едина до зеркальности.

Весь день я писал протокол осмотра и допрашивал людей. От менеджеров и администраторов, от директоров и со-директоров, от барменов и секьюрити у меня отяжелел затылок — вся усталость скопилась в нем. Я отказался от милицейской машины и побрел домой пешком, чтобы затылочная тяжесть распределилась по всему телу. Чашку бы кофе...

Название улицы показалось знакомым. Ну да, по визитке художника. Вот и его дом, номер которого — сто — легко запомнился. Зайти? Чашку кофе...

Мастерскую искать не пришлось — она занимала всю часть полуподвала. Я позвонил...

Художник молчаливо уставился на меня незнающим взглядом. Оно и понятно: после случайной встречи на выставке прошел почти месяц.

— Анатолий Захарович...

— А-а, юрист. Сейчас вспомню: Сергей Георгиевич. Прошу.

Мастерская оказалась просторной до бесконечности и сумбурной, как сюрреалистическое нагромождение. Проще говоря, художественно оформленная свалка. Мольберты, кисти, холсты... Начатые рисунки, неоконченные картины, какие-то намалевки... Рамы, гипсовые маски, бутыл с уайт-спиритом... Художник водил меня, как экскурсовод по музею.

— Сергей Георгиевич, знаете, почему есть художники?

— Ну, искусство...

— Человек видит красоту. Например, рябину с красными гроздьями, облитую солнцем. Хочет запечатлеть. Но ведь дерево с собой не унесешь.

— Фотографию.

— Плоско и бесчувственно. Только живопись!

Мы прошли, вероятно, жилой отсек. Две узкие тахты, покрытые махровыми попонками. Над одной, видимо над мужской, картина раскоряченной дамы почти без лица; лицо и верно ни к чему, поскольку главным были ослепительные колени, бедра, и таинственный мрак меж ними. Над женской тахтой висела небольшая акварелька — ромашки на длинных стеблях, похожие на голенастых девочек-подростков. Из-под тахты выглядывали, как два котенка, тапочки с меховой опушкой, а в изголовье лежала дамская сумочка.

Мы оказались в небольшой комнатке-отсеке, среди которой стоял полированный широченный пень. Не иначе как от баобаба. Кофейник, чашки, бокалы, бутылка коньяка.

— Сергей Георгиевич, не откажетесь преломить хлеб? В смысле, по рюмочке?

Я не отказался, потому что одолевала усталость. Отпив половину, похвалил:

— Отменный коньяк.

— Французский.

— Наверное, дорогой? — бестактно спросил я.

— Могу себе позволить. Я художник модный.

— Анатолий Захарович, модный и талантливый — синонимы?

— Отнюдь. Сейчас полно мальчишей, продающих свои творения иностранцам по триста долларов. Десятками картин, поштучно.

— Наверное, стать современным Ван-Гогом трудно?

— А я бы и не хотел. За свою жизнь продать единственную картину за четыреста франков... Да и то, когда находился в сумасшедшем доме.

— Но в 1987 году на аукционе «Сотбис» его картину «Ирисы» продали за пятьдесят миллионов долларов.

— А какой смысл быть знаменитым после смерти?

— Анатолий Захарович, вашу мысль легко довести до абсурда.

— Я и доведу: поскольку человек смертен, то ничего на земле не имеет смысла.

Художник был одет иначе, чем в музее. Ничего красного. Какая-то серая поддевка, подпоясанная шнурком, и штаны неохватно-свободного размера. Борода лежит причесанно на груди, как волосная лопата. А красное-то есть: шнурок на поддевке и коньячный оттенок глаз.

Он налил по второй порции:

— Сергей Георгиевич, хочу выпить за вас.

— Ну почему за меня?..

— За человека, который чувствует искусство.

— Как это определили?

— Вас поразил портрет Моны Лизы, моей, разумеется.

— Да, работа бесподобная.

— Знаете, одной даме от этого портрета стало плохо.

— Допускаю, страдания женщины переданы почти сверхъестественно.

Мы выпили. Я хотел согнать усталость, но она, усталость, похоже, объединилась с коньяком и двинулась к затылку с новой силой, поторапливая меня. Я же хотел глянуть на женщину...

— Анатолий Захарович, а где оригинал?

— Какой оригинал?

— Сама Мона Лиза.

— Елизавета Монина? — поскущел он. — Нет ее.

— Скоро придет?

— Не придет.

— Почему же?

— Ушла.

— Все-таки вернется?

Я понимал, что неприлично дотошен, но хотелось сравнить лицо с портретом. Многие полагают, что следователь главным образом подбирает преступнику статью из уголовного кодекса. Нет, следователь — это психолог. Ну, и по статье привлекает.

— Сергей Георгиевич, Лизетта ушла две недели назад.

— Ушла... домой?

— Здесь ее дом.

— По месту работы справлялись?

— Здесь ее место работы — моя натурщица.

Он раздраженно затеребил на животе красный шнурок. С расспросами я перегнул, но привычка расспрашивать шла от привычки допрашивать.

— Вернется, — утешил я.

— Нет, забрала свой чемодан.

Художник по-детски шмыгнул комковатым носом. По глазам я не смог определить, обижен ли он на

свою Лизу или злость его распирает. Хотелось расспросить или просто затеять разговор с человеком интересной специальности; хотелось пошататься по мастерской, разглядывая картины и наброски... Но усталость тяжелила сознание. Я поблагодарил за прием. Он радушно сказал:

— Надеюсь на второй, более продолжительный визит.

Я не удержался от зудежа, именуемого любопытством:

— Анатолий Захарович, вы ее любите?

— Сергей Георгиевич, а что такое — любить?

Я не ответил, поскольку задал вопрос первым. Тогда ответил художник:

— Любовь — это нарядно оформленный секс.

7

О годах человека судят по лицу, но у старости много признаков. Один из них особенно раздражал Марию Гавриловну: ее перестали слушаться вещи. Выскальзывали из рук, путались под ногами, не стояли и не лежали. Что вещи — люди не слушались и не слушали. Вчера она звонила в «Скорую помощь» и, как положено, сообщила свой возраст: семьдесят пять лет. Там рассмеялись и положили трубку.

Мария Гавриловна перестала понимать нравственное состояние общества. Без конца говорили и писали о правах человека ... И в то же время газеты в объявлениях, зовущих на работу, предупреждали о возрасте: только до тридцати или до сорока. Разве это не ущемление прав человека? Молодым уступают, помогают, обещают... Потому что у молодых есть право на жизнь. А у стариков только право на смерть, да и того, в сущности, нет. Если вдуматься: многие старухи копят деньги на свои похороны... Не надеются, что молодое поколение их похоронит?

Мария Гавриловна пошла вдоль стены с картинами

небольших размеров. Портреты, эскизы, наброски, пейзажи... Натюрморты... Покойный муж собирал всю жизнь, а она уже начала потихоньку распродавать. Жалко.

Кроме этой. Какая-то жутковато-кровавая сцена мексиканской художницы Фриды Кало. Откуда картина у мужа? Или копия? Разве можно это держать в квартире? Не купят. Муж рассказывал, что эта Фрида Кало была любовницей Троцкого. Ее полотна с черепами и скелетами висят в Лувре — значит, и эта картина найдет покупателя. Дело не в Лувре, а в дикой моде на все безобразное. В книгах матерщина, в кино драки и кровь, юмор только о сексе... Среди артисток нет миленьких девушек, а больше нахально-разбитые; среди артистов нет красивых благородных лиц, а какие-то мордатые, свирепые, бритоголовые...

Звонил телефон. Она сняла трубку и услышала деловитый мужской голос:

— Здравствуйте, Мария Гавриловна. Вас беспокоит атташе по культурным связям японского консульства.

— Да, слушаю, — не так удивилась, как чего-то испугалась пожилая женщина.

— Нам известно, что у вас есть картина Репина «Русалка». Так?

— Нет, не картина, а эскиз к его известной картине «Садко у подводного царя». Если только не ошибаюсь в названии...

— Мария Гавриловна, — перебил атташе, — у нас к вам оригинальная просьба. Приезжает один из родственников императора и хочет взглянуть на эскиз.

— Я не против, покажу...

— Мария Гавриловна, родственнику микадо не пристало ездить по квартирам.

— А как же?

— Эскиз вы отправите на два-три дня в японское консульство.

— Господь с вами, по телефонному звонку, ценную вещь...

Ей показалось, что он удивился ее ответу. Видимо, начальник — атташе. Помолчав, он заговорил с долей раздражения:

— Госпожа Лариохина, вы так себя ведете, словно я требую вернуть один из наших японских островов.

— Дать картину без всяких документов...

— Почему без документов? Будет бумага с официальной просьбой, оставим расписку и заплатим по сто долларов за каждый день.

— Картину мне самой везти?

— Зачем же? Через два часа приедет женщина из нашего консульства.

— Как я узнаю, что от вас?

— Узнаете, она японка.

Атташе положил трубку. Доллары не помешают. Может быть, глянут на эскиз да и приобретут. Во сколько его оценят? Наверняка, в несколько тысяч долларов. Надо бы сходить в закупочную комиссию музея.

Мария Гавриловна всполошилась. Как принимают японцев? Чем угощать? Сварить рис? Они это делают по-особому, да и палочек нет. В серванте давно стояли еще приобретенные мужем деревянные лакированные чашечки. Для риса, для чая? Да, чай. Они же любители, чайные домики...

Мария Гавриловна извлекла с полки пыльный справочник. Организовать чаепитие оказалось непосильно: сухой чай растирается до порошка, заваренный взбивают до пены, разливают бамбуковым ковшом. А если предложить кофе? Впрочем, есть коробка зеленого чая...

В дверь позвонили как-то не по-русски: растянуто, дребезжаще, с мелкими паузами. Мария Гавриловна открыла и отпрянула перед непонятным раскрашенно-волосным созданием, утыканным булавками. По

гребенкам и цветкам жасмина стало ясно, что это высоченная прическа. Как бы вслед за ней всплыла и женщина, тут же представившись:

— Привет, я госпожа Кабаяси.

— Проходите, — выдавила хозяйка.

Ее ослепило жгуче-красное кимоно, подпоясанное широким поясом с бантом на спине. В одной руке гостьи белело что-то; похожее на веер, в другой — сосновая ветка и один тюльпан. Она поклонилась и протянула растения хозяйке:

— Поставьте эту икебану в вазу.

Мария Гавриловна слышала о культе цветов и о карликовых деревьях в Японии. Цокая подошвами, видимо, деревянными, гостья прошла к дивану и села.

— Госпожа Колбаси...

— Кабаяси, — поправила японка.

— Извините. Право не знаю, чем вас угощать.

— Мы, японцы, люди простые. Фонари у нас бумажные, ширмы бамбуковые, чайники чугунные.

Мария Гавриловна не могла оторвать взгляда от красок ее лица. Черные брови, малиновые губы и почти слепящая белизна кожи. Глаза настолько узкие, что казались двумя темными нитями. Не лицо, а маска. Где-то Мария Гавриловна ее видела. Да, в театре на сцене — мадам Баттерфляй.

— Госпожа Кабаяси, может быть, чаю?

— Чашечку бы саке.

— Извините, нет.

— А что есть прохладительного?

— Домашнее вино, из черноплодки.

— Плесните.

Мария Гавриловна налила фужер, в который вешалась пара стаканов. Вино вышло кисловатым, поэтому пришлось слегка укрепить водочкой. Станет ли его пить иностранка? Иностранка пригубила, вежливо поморщилась и выпила бокал одним духом.

— Мария Гавриловна, теперь о делах. Ознакомьтесь.

Она протянула бумагу. Золотое солнце, на фоне которого силуэт не то цапли, не то дракона. Под лучами машинописный текст с уже известным предложением от самого атташе.

— Госпожа Кабаяси, а почему именно Репин?

— Секрет императорского двора. Но я, как представитель японского консульства по культурным связям, тайну приоткрою. Есть версия, что когда художник изображал русалку, ему позировала японка.

— Даже так...

— Скажу больше. Вы знаете, что Репин наполовину японец?

— Неужели?

Удивленная Мария Гавриловна расписалась на красивой бумаге, которая исчезла в широком рукаве кимоно. Оттуда же, из рукава, появились доллары.

— Мария Гавриловна, рисунок берем на три дня. Вот триста долларов, по сотне за день.

Все шло скоро и четко. Мария Гавриловна, подчиняясь ритму, достала из шкафа упакованную картину и вручила японке. Хозяйке хотелось похвалить гостью за свободный русский язык, но передумала, потому что японка неприятно сюсюкала. Сюсюкнув, она общилась значительно:

— У вас душно.

— Воды?

— Фужерчик этой чернопопки...

8

Что съедает наше время? Не работа, не учеба, не любовь и даже не телевизор. Время съедает пустяшность. Поэтому я избегаю ненужных разговоров и необязательных дел. Как в классическом примере со скульптором, который, ваяя, от куска мрамора отсекал

все лишнее. Дело за небольшим: определить нужность разговоров и обязательность дел.

Ну, с делами просто — их дает прокурор для расследования. Людей же приходится выбирать. Я с годами заметил, что предпочитаю человека простого, с жизненным опытом, не проштампованного высшим образованием и модой. Если приходил такой свидетель, то я мог перескочить на постороннюю тему и проболтать минут сорок.

У телефона есть деловое качество — выводить из праздных дум. Он и вывел звонком. Назидательным голосом прокурор сообщил:

— Сергей Георгиевич, вы ведь интересуетесь замысловатыми делами?

— Да, — опасливо подтвердил я, зная, что за этим последует.

— Тут материал интересный из милиции поступил. В квартиру студента ворвались мужчина с девицей, избили его и забрали картину.

— Юрий Александрович, что же тут интересного? Заурядное разбойное нападение.

— Картина-то знаете кого? Художника Филонова.

— Откуда она у студента? — удивился я.

— Наследство.

— Мне казалось, что все картины Филонова известны...

— Студент предъявил документ. Беретесь?

— Юрий Александрович, по делу о боулинге мне надо допросить пятьдесят человек.

— Ладно, верну в милицию, их подследственность.

— Тем более в ГУВД есть антикварный отдел...

Прокурор отключился. Он не любил, когда с ним не соглашались даже в пустяках. Но уголовное преступление интересно для следователя не ценностью украденного, а оригинальной личностью преступника, головоломным замыслом и закрученной психологией. Такие дела выпадали редко: косяками шли кражи,

убийства по пьянке и бандитские разборки с участием киллеров.

Я стал прикидывать график — допросить пятьдесят человек. Выписать пятьдесят повесток, по десять свидетелей в день. Да какие это свидетели, гулявшая молодежь...

В дверь стукнули, будто не рукой, а одними костяшками. Я встал и открыл: в дверь стукнули не костяшками, а палкой. Старушка.

— Вы ко мне?

— А можно?

— Входите и садитесь.

Это я зря, потому что она наверняка пришла с какой-нибудь коммунально-семейной драмой. Ей к помощнику прокурора. Но не гонять же старушку с палочкой по кабинетам. Разглядев меня, она сообщила:

— Дома хожу без палочки, а вот на улице...

— Что у вас случилось?

Она решила соблюсти формальность и выложила на стол паспорт. Мария Гавриловна Лариохина, семьдесят пять лет. Как-то задумчиво начала она историю про картину — везет сегодня мне на живопись. Слушал я рассеянно, скорее делая вид. И был рассеянным и делал вид ровно до того момента, пока она не упомянула про японское консульство.

— Мария Гавриловна, а кто художник?

— Илья Репин.

— Разве не все его картины изучены и, так сказать, пронумерованы?

— Не картина, а эскиз. Он их много писал. А дед моего мужа жил в Куоккале, где была дача Репина. Видимо, эскиз получил в подарок.

— Мария Гавриловна, а как эти японцы узнали про эскиз?

— Ну, о нем известно в закупочной комиссии музея, да и коллекционеры знают.

Из-под белой шляпки, похожей на каску, меня изу-

чали голубые тревожные глаза. Прочесть ей лекцию о ротозействе? Если бы знала бабулька, сколько в городе мошенников и какие комбинации они сочиняют... Все-таки я упрекнул:

— Мария Гавриловна, неужели вы ничего не заподозрили?

— Документ предъявила, деньги дала, натуральная японка...

— Неужели сотрудница консульства станет разъезжать по городу в кимоно?

— Теперь все возможно. На пляжах голые ходят.

Я кивнул понимающе. Моя соседка с верхнего этажа выходила к мусоропроводу в одних босоножках. На теле ни тряпочки. Груды болтались, как заячьи уши. Она не смущается — смущаюсь я. До сих пор не могу взять в толк, почему визитной карточкой нашей демократии стала безнравственность, и прежде всего проституция, гомики, бомжи и пьянство с хамством. Уж о преступности не говорю.

— Я две ночи не спала, — призналась женщина.

— Почему же?

— Все-таки тревога шевельнулась. Когда она черноплодку назвала чернопопкой.

— Выгнали бы эту японку, и картина осталась бы у вас.

Пожилая женщина моим словам вроде бы удивилась. Видимо, не поняла или не расслышала, но она смотрела на меня так, словно я не понял или не расслышал. Поскольку я молчал, то она сочла нужным объяснить:

— Картина у меня.

— Японка ее вернула?

— Как и обещала на третий день.

Какого черта... Чтобы не спросить «какого черта», я улыбнулся, как бы затыкая грубость:

— Мария Гавриловна, какого... в смысле, тогда на что же вы жалуетесь? Она требует вернуть деньги?

- Эскиз блесит.
- Почему блесит?
- Краска свежая.

В живописи я не разбираюсь, но отчего блесит краска, сообразил.

— Хотите сказать, что картину подменили?

- Именно.
- Но ведь надо было сделать копию.
- Мало ли в городе художников.

Я смолк под напором своих профессиональных вопросов, уж чисто оперативных. О лице японки, о цвете ее глаз, о росте, о манере говорить... Подождав, женщина спросила с неуверенностью:

- Поможете?
- Попробую, но есть трудность.
- Какая?
- Мария Гавриловна, в нашем городе нет японского консульства.

9

Кафе «Ежик» считалось почти детским. Оправдывая название, под потолком висел громадный ежик с красными глазами и метровыми подсвеченными иглами. Здесь не держали крепких напитков: сухое вино, кофе, мороженое. В отличие от других подобных заведений, оно заполнялось днем и пустело к вечеру. Лишь несколько парочек, ищущих уединения и тишины.

Людмила сидела неподалеку от входа, за первым столиком. Одной в ресторан не пойти. Да и глупо бежать в ресторан или в злачное кафе после оздоровительной работы над своим телом. Здесь есть то, чего хотелось после физической нагрузки: тишина, чашка кофе и мороженое.

Людмила обернулась. В кафе вошла девица почему-то шумно. Чем же она шумит? Спортивный костюм, кроссовки, короткая стрижка... Не дверью же, легкой и податливой?

Девушка прошла к буфету и взяла стандарт: кофе и мороженое. Оглядевшись, она села к Людмиле.

— Не помешаю?

— Пожалуйста.

Пустые столики были, но не все любят одиночество. Людмила вспомнила про какой-то закон не то парных чисел, не то парных тел. Она разглядывала подсевшую. Ладная, крепкая, плечистая — хоть штангу клади. Наверное, спортсменка. Или приехавшая на заработки из ближнего зарубежья. Скорее всего, с юга: узкоглазая, обветренно-загорелая, порывистая. Малышка. Нет, скорее всего, торговля, ларьки и всякие секунд-хэнды.

— От тоски сдохнешь, — усмехнулась девушка.

— Где? — не поняла Людмила.

— Да тут. Хотя бы музыку пустили.

— В этом кафе рок неуместен.

— Зачем рок? Например, лаунж.

— Что это такое?

— Легкая инструментальная музыка.

— Ну, она для концертных залов.

— Лаунж для коктейлей и секса.

Нет, не торговка. И на девиц из офиса не тянет. Теперь столько затейливых специальностей, что ни запомнить, ни выговорить. Кем бы эта девушка ни работала, в ней проступала какая-то необычность. Кофе, который от жара бродил в чашке, она выпила залпом и тут же вскочила:

— Возьму еще. Тебе принести?

Спросила просто, словно у подруги. Людмила не удержалась от вежливого кивка. Принесенный кофе новая знакомая уже пила не торопясь.

— Я Динара. А ты?

— Людмила.

— За день намнешься так, что и жрать неохота.

— Динара, а ты где работаешь?

— В рекламном бизнесе.

— О, интересно...

— Сочинять рекламу? Например, о восстановлении мужской потенции. Или в костюме ниндзя рекламировать лекарство из водорослей. А так: «Вот Сиси: ей очень идут колготки от кутюр. А вот Сиси без колготок — тоже неплохо».

Людмиле нравилось, как Динара говорит. Со страстью, словно речь с трибуны. Видимо, работу свою ненавидела. С тем же напором спросила:

— Людмила, а ты где корячишься?

— Библиотека.

— Ну, блин, кто теперь книги читает?

— А почему не читать?

— Лучше купить кассету с порнухой или бутылку пива.

— Есть же культурный слой общества.

После этих слов Динара прищурила и без того узкие глаза, принявшись изучать лицо Людмилы с какой-то тщательностью, по квадратному сантиметру. Кончив это занятие, она усмехнулась:

— В библиотеке сидишь, а загар у тебя крутой.

— Посещаю солярий.

— Лежишь под лампой?

— Вертикальный солярий, просторный, музыка, танцевать можно.

— Пушисто живешь.

— Динара, ты, наверное, занимаешься спортом?

— Фитнес с элементами йоги и восточных единоборств. — Последнее слово ее словно подбросило для боевой стойки, и Динара вскочила. — Людка, а давай вденем по бокалу сухонького за наше знакомство и за мой счет, а?

— Вденем, — бесшабашно согласилась Людмила и протянула сотню, пытаясь внести свою долю.

Динара деньги не взяла. Хихикнув, она спортивным шагом унеслась к буфету. Людмила удивлялась на себя: обычно замкнутая и малоразговорчивая, легко

сошлась с незнакомым человеком. Ей всегда казалось, что быть просто собой — это быть смешной. Но работница рекламного агентства мгновенно освободила ее от этого комплекса.

Два вместительных бокала с рубиново-прозрачным вином и две конфетки, цветастые и крохотные, как мотыльки. Людмила знала, что вино смакуют глоточками. Но Динара, махом отпив половину бокала, поделилась:

— Загара йога... Для нашего здоровья нужно только одно.

— Что?

— Мужик.

— Какой мужик?

— Который бойфренд.

Людмила не была уверена, что способна поддерживать эту деликатную тему. Расспросить хотелось, но так, чтобы не казаться дурой. Своим появлением помог как раз мужик, вошедший в кафе: неопределенного возраста и одетый неряшливо. Он взял бутылку вина, рубиново-прозрачного, и сладкую булочку, одну.

— Динара, бойфренд у тебя есть?

— Трется.

— Он... хороший?

— Какой?

— Что «какой»?

— Бойфренд у меня не один. Так про какого спрашиваешь?

— А их... много? — растерялась Людмила.

— Секс у меня на первом месте, выпивка на втором, еда на третьем.

Пришедший мужчина оказался с жиденькой бородкой. Свою бутылку он уже ополовинил и расселся посвободнее. Здесь, в молодежном кафе, он казался темным пнем в клумбе.

— Дина, а любовь?

— Любовь для слабых, секс для крепких.

— Неужели ни к одному не возникло чувства?

— Почему же... Был у меня Колька Овцелупов. Иногда сердце пощипывало. Когда я выходила из ванны, он языком слизывал капли с моей груди.

Людмила вдруг заметила, что мужчина с бородкой раскачивается. Опыанел. Ведь сейчас упадет... Людмила глянула на новую подружку, но та тоже легонько качнулась в такт с бородатым и предложила:

— Допьем?

Они допили. Людмила догадалась: она слишком давно не пила вина. И не ужинала. Плюс новое впечатление. Но хотелось разговор о сексе продолжить — на работе не поговоришь. Она вспомнила где-то читанное:

— Динара, самыми сексуальными мужчинами считаются испанцы.

— У быков насмотрелись.

И качнулась. Ее тревожный взгляд навел на догадку, что качается она, Людмила. Надо локтями упереться в стол. Но и он вроде поехал...

— Что с тобой? — спросила Динара.

— Мне плохо...

— Надо на воздух, мужчина, помогите.

Бородатый вскочил с готовностью. Они подхватили Людмилу, ноги ее волочились по асфальту. За углом была захудалая гостиница. Эта тройка, смахивающая на загулявших друзей, подошла к входу, где стояли два чернявых парня. Одни спросил:

— Гейша, ты?

— Ну. Телка нужна?

— Продаешь?

— Да, за двести долларов.

— Загнула.

— Так на всю ночь.

— Ладно.

Парень достал деньги и отдал Динаре. На какой-то

момент Людмила проснулась-очнулась, дернула руки и, осознавая реальность, забормотала:

— Ребята, пустите... Я не проститутка...

— Заткнись, деньги за тебя уплачены...

10

Когда слышу о жертвах в Чечне или о количествах трупов при ликвидации мафиозных структур, то чувствую осязаемый укор. От кого, за что? Там где много жертв, там и борьба с преступностью. А у меня? Бандформирования и озверевшие маньяки редки — пожары чаще. Конечно, случаются шумные разборки... Поэтому и занимаюсь старушками, у которых подменяют картины.

Если вдуматься, то о преступности помалкивают и пресса, и литература, и кинематограф с телевидением. Как? Все пестрит от крови и выстрелов. Бандиты, мафия, киллеры... Но по серьезному счету это выдумки, потому что восемьдесят процентов убийств совершаются на бытовой почве. Восемьдесят! О них пишут, их изучают? Нет, потому что обывателю это неинтересно.

Ну, о дамских романах сказать нечего: авторы ни криминала не знают, ни жизни. Выдумывают глупо и бесталанно. Мне представляется весь процесс: писательница на кухне пьет кофе и сочиняет, читательница на диване вяжет и читает.

А вот никак не избавиться от печального образа старушки, у которой подменили картину. Она принесет ее. Но что я понимаю? Позвонить в антикварный отдел ГУВД, где есть специалисты? Впрочем, я же знаком с художником...

В конце дня, когда от сидения за столом и допросов во мне все отупело, я запер кабинет и вышел не проспект. Врачи говорят, что в день надо сделать десять тысяч шагов. А сколько шагов до художника?..

Похоже, он мне обрадовался. С чего бы? Как радуется любой выпивоха новому гостю. Не знаю, был ли

он пьян, но его обволакивал осязаемый коньячно-дезодорантный запах.

— Творите, Анатолий Захарович?

— Что делать, если случай не подворачивается?

— Как понять «случай»?

— В Амстердаме чужак за один доллар купил у букиниста книгу. А в ней три листочка с набросками. Показал спецам. Рука Рембрандта. Оценили в пятьдесят тысяч долларов.

— Анатолий Захарович, я думал, что художники мечтают не найти рисунок Рембрандта, а творить как Рембрандт.

— Это невозможно.

Разумеется, мы оказались в комнатке-отсеке у полированного пня, блестящего не столько своей поверхностью, сколько стеклом бутылок и рюмок. Одна из них оказалась в моей руке, само собой, с коньяком.

— Анатолий Захарович, за ваше творчество.

Мы выпили и закусили грушей. Художник не то чтобы возразил, но легонько посетовал:

— Истинное творчество теперь не в почете.

— Помню, признавались, что художник вы успешный...

— Да, но не продвинутый.

— Не понимаю.

— Я работаю в реалистической манере. А в моде арт-драйв. Надо не восхищение вызывать, а зрителя ошарашивать. В Латвии есть Художественная академия для животных. На разлитую гуашь выпускают кошек, собак, кур... А потом их на чистую бумагу. Затем в рамку. Картина готова. Этого сюра уже была выставка.

В лице художника краски прибыло, но, похоже, красный цвет он любил. Бордовый жилет и розовеющая от него борода... На полу бутылка со светло-коричневой жидкостью: когда я менял ракурс, она тоже розовела. Какой-то лак или коньячок?

— Анатолий Захарович, но ваша Мона висит в музее...

— Всего одна картина.

— Кстати, где же ваша модель?

— Что вы имеете в виду?

— Натурщицу.

— Ах, Лизетту...

Художник порывисто налил себе коньяку и также порывисто выпил. Затем долго оглаживал бороду, словно хотел придать ей правильное, более вертикальное направление. Этой заминки я не понимал.

— Сергей Георгиевич, Лиз отлучилась.

— Надолго?

— Мне неизвестно.

— Как?..

— Смылась она.

Брошено как можно беззаботнее. То ли сказала моя профессия, то ли въедливый я от природы, то ли его борода дрогнула, но мой вопрос прозвучал излишне строго:

— Смылась — куда?

— Куда смываются женщины?

— Ну, к родственникам, домой...

— Здесь ее дом.

— Анатолий Захарович, вы намекаете на любовника?

— Вернется.

Я огляделся. Краски, рамы, холсты... Какие-то рулоны... Один стол завален каталогами музеев и галерей Европы... А где признаки дома? Чайник, кастрюли, банки с крупой...

— Анатолий Захарович, дамский плащ висит... Ее?

— Да.

— Тапки под тахтой...

— Ее.

— У нее были две дамские сумочки?

— Почему... Одна.

— Вон та, которая на стеллажке...

- Да, ее.
- Сбежала без сумочки?
- Лиза сумасбродна.

Следователь не то чтобы всех подозревает, но он видит мелочи, другими не замечаемые; для многих событий следователь допускает иное развитие, поскольку привык мыслить версиями. Тут версий могло быть с десятков, поскольку я не знал характера Лизетты, да и жизни художника не знал. Мне просто захотелось ему помочь.

— Сергей Георгиевич, а чего вы так запали на мою натурщицу?

— Еще в музее вам сказал, что меня поразила ее мученический взгляд.

— Это не ее взгляд, а мой талант.

— Вот и хотелось бы сравнить.

Я ведь пришел сюда за информацией: что за картина про Садко и подводного царя, могли быть к ней эскизы и Репин не японец ли? Глаза художника красновато блеснули.

— Если через неделю не явится, приму меры.

— Какие?

— Вы же юрист... Где найти частного детектива?

— Анатолий Захарович, моя помощь не устроит?

— Вы же не частный детектив.

— Нет, я следователь прокуратуры.

11

У майора был жизненно полезный принцип: если можно двигаться, двигайся. Поэтому меж окном и сейфом упрямо тяжелела двухпудовая гиря, дожидаясь, пока ее двинут. То есть выжмут. Майор хватал ее, стоило кабинету опустеть, но оперативники в нем толпились постоянно.

О принципах: в юности их было много, но с годами они тускнели и выходили из употребления, как поношенные костюмы. Гирию жал множество раз, а те-

перь вроде бы надоело; раньше утренний душ принимал ледяной, а теперь слегка подпускал воды горячей; раньше перед работой съедал миску каши, а теперь тарелочку...

Сработала внутренняя связь. Угрюмо-приказной голос сообщил:

— Леденцов, из музея звонили...

Майор не отозвался, потому что дел по его линии в музее быть не должно. В голосе звонившего угрюмости прибавило:

— Чего молчишь?

— Товарищ полковник, неужели в музее труп?

— Картину украли.

— Я же курирую убойную группу...

— Леденцов, врубись. Общероссийский музей, картина известная всему миру, стоимостью в миллионы долларов... И я пошлю на происшествие рядового опера?

— А двенадцатый отдел ГУВД, антикварный?

— Само собой. Но территория-то наша.

— Еду, товарищ полковник.

Картины и антиквариат стали дороже валюты. Чаще воруют у частных коллекционеров, но стали покушаться и на музеи. Не так давно похитили две картины Василия Перова. Майор не помнил, нашли их или еще нет: занимался двенадцатый отдел ГУВД и прокуратура города.

В музеях Леденцова прежде всего удивляли не картины и скульптуры, а тишина. Есть же места в городе, где люди работают спокойно... В кабинете директора музея стояли цветы и пахло кофе.

— Покажите, где висела картина.

Директор, изящная женщина в прямоугольных очках, повела майора в зал, как она сказала, русского авангарда. Пока шли, она горестно поделилась:

— У нас почти двести тысяч единиц хранения.

Майор понял: мол, не уследишь. И он поддакнул:

— Две единицы хранения и то не уберегут.

— Где? — удивилась она.

— Частники. Три года назад у пенсионера увели картину «Провинция» Кустодиева, «Девочка в саду» Борисова-Мусатова и что-то Коровина. Ущерб под четырнадцать миллионов.

Зал русского авангарда показался Леденцову веселым и даже легкомысленным. Не то что суровые лица и темные краски полотен прошлых веков.

Прогал от украденной картины в глаза не бросался — кусок пустой стены. Если бы не деревянная рейка да свисавший шнурок. И майор спросил:

— Картина небольшая?

— По-моему, семьдесят на девяносто.

— Кто автор?

— «Натюрморт» Кандинского, 1918 год. Музей приобрел ее у бывшего ученика Филонова. Правда, наш атрибутор говорит, что авторство предположительное.

— Значит, картина дешевая?

— Что вы! Не один миллион долларов по ценам зарубежных аукционов. Справку я составлю.

Следователь Рябинин говорит: место преступления, что распахнутая книга — только надо уметь читать. На блеском полу ни соринки, на стене ни царапины... Что тут делать эксперту-криминалисту? Искать отпечатки пальцев на витом шнурке? Под силу ли криминалистике обнаружить их без четкой поверхности? И майор задал стандартный вопрос:

— Кто первый обнаружил пропажу?

— Как понять ваш вопрос?

— Что же тут непонятного? — удивился Леденцов. — Кто первый увидел эту пустоту?

— Никто.

— А вот как понять ваш ответ? От кого вы узнали о краже?

В стеклах ее очков плясали какие-то цветные шарики, словно перескочившие с ближайшей картины. Че-

го она не понимает? Испугалась? Но ведь еще не допрос.

— Видите ли, картина уже неделю здесь не висела.

— А где она висела?

— Лежала в реставрации.

Майора раздражали люди, которые выдают информацию мелкими порциями, словно крошат хлеб. Потому что не понимают конечной цели разговора, но эта образованная женщина знала цель, очевидную, как день за окном. Она спохватилась:

— Дело в том, что раму картины кто-то повредил. Испачкал чем-то синим и ввевшимся. Пришлось отправить в реставрационную мастерскую.

— А там кто первый обнаружил пропажу?

— Я.

— А почему вы нервничаете?

— Как же... Картина больше недели пролежала без дела. Не найти специалиста.

Нервозность свидетеля частенько ставила в тупик. Поди догадайся, чего он волнуется — человека убили или утюг не выключил? Директора, видимо, беспочвенно или административные упущения. Но майора дергало иное:

— Расскажите подробнее.

— Я пришла в мастерскую первая. Картины на столе не было.

Кажется, появилось место происшествия, годное для осмотра и работы криминалиста. Майор оживился:

— В каком состоянии была дверь?

— Замок без всяких повреждений.

— Полагаете, вор подобрал ключи?

По лицу директрисы майор понял, что эту версию она не разделяет. А какую? Ключи были не у одного человека?

— Днем в мастерскую свободный доступ.

— Как понимать «свободный доступ»?

— Не закрываем на замок. Реставраторы работают.

Нанятые женщины и студенты убирают помещения, вытирают пыль...

— Их много?

— Да, надо глянуть в списки.

Ночью мастерская на замке, а музей на сигнализации и под вневедомственной охраной. Нет места происшествия, нет отпечатков пальцев, потому что картину унесли днем. Небольшая, без рамы. Скорее, кто-то из посещавших реставрационную.

Приехали опера из антикварного отдела ГУВД. Директриса спросила:

— Картину найдете?

— Зря вы придумали реставрацию, — высказался майор.

— Рама же измазана...

— А без рамы.

— Не понимаю...

— Рамы слишком пышные, в золоте. Отвлекает внимание от живописи.

12

Меня числят в старомодных не из-за возраста. Я, к примеру, не люблю карьеристов. Нынче же карьеризм в почете. Теперь учат не трудиться, не работать, не быть счастливым от любимого дела, а учат делать карьеру. Я мог бы порассказать о поломанных жизнях ради очередной ступеньки на бесконечной лестнице материально-административного успеха. Да, я бы мог порассказать о кровавых преступлениях ради карьеры...

Все это секундно промелькнуло в голове, стоило услышать в трубке голос прокурора. В нем была далекая просительная нотка, несвойственная ему:

— Сергей Георгиевич, звонили из центральной прокуратуры, интересовались вами.

— С какой стати? — удивился я.

— Спрашивали про здоровье, — полухихикнул он.

— Здоровье неважно.

— Что такое?

— Душа болит.

— Что-нибудь дома?

— В стране, Юрий Александрович. Преступность растет, а мы не боремся.

Он не возразил, но его раздражение струилось по проводам. Прокурор считал, что преступность мы успешно одолеваем. Голос его изменился, став официальным:

— Сергей Георгиевич, из Музея украдено полотно Кандинского. Вы знаете, что с кадрами напряженка. А здесь нужен опытный следователь.

— Юрий Александрович, — поспешил я перебить. — У меня свои дела в сейфе не помещаются...

— Ваше имя назвал прокурор города, — поспешил и он пресечь мои возражения. — ГУВД, антикварный отдел, следственное управление помогут.

И прокурор отключился. Он мог бы черкнуть резолюцию и передать дело через секретаря. Но ведь я бы пришел разбираться: например, преступление не нашей подследственности... Опять-таки о карьеризме. Прокурор заинтересован, чтобы следователь взялся за расследование с огоньком. Тем более за дело, которое на контроле у прокурора города. Тут есть где себя показать. Но Юрий Александрович не знал, чем пре-льстить следователя, то есть меня, который не раз отказывался от перехода в центральный аппарат и от должности прокурора района. Меня интересовали не громкие дела, а психологически сложные.

Дверь моего кабинета открылась с той силой, с которой ее распахивали оперативники, вводя задержанного. Но вошла женщина в черной куртке и с черной сумкой на плече. Волосы и глаза были, естественно, черные. Сумка удивляла — кожаный чемодан на ремне. Что в ней — пишущая машинка? Мое неприветливое лицо даму не остановило:

— Сергей Георгиевич, пришла за советами.

— Их много?

Она достала блокнот, чтобы посчитать:

— Можно выразиться, что вина преступника была доказана только на девяносто процентов?

— Нельзя.

— Почему?

— Значит, вообще не доказана.

— А можно сказать, что расследование уголовного дела похоже на охоту за зверем?

— Можно.

— Да, это образно.

— Можно, но не нужно.

Обозреватель криминального еженедельника Антонина Борисовна была для меня символом чего-то среднестатистического. Среднего возраста, среднего роста и, по-моему, средних способностей. Она усмехнулась обидчиво:

— Сергей Георгиевич, вы не любите журналистов.

— Не люблю журналистов сюсюкающих.

— Имеете в виду мою последнюю статью?

— Именно. Преступник отбыл наказание... И вы захлебываетесь от жалости к нему в заботах. Мол, обиженный. А ведь он перед людьми виноват.

— Но интервью же с ним удалось?

— Антонина Борисовна, извините, я за это интервью из еженедельника вас бы уволил.

Она, привыкшая к почтению — как же, четвертая власть, — обидчиво умолкла. Кроме законодательной, исполнительной, судебной и СМИ, есть и пятая — мафиозная.

— Сергей Георгиевич, что же вам не понравилось в интервью?

— Дословная запись слов рецидивиста. Видите ли, следователь его бил, суд дал срок ни за что, преступления он не совершал, отсидел напрасно... А вы его слова проверили?

— Интервью, без комментариев.

— О читателе подумали? Он же печатному слову рецидивиста поверит. Вот, мол, опять тридцать седьмой год. А вы знаете, что во время ареста этот тип пытался швырнуть гранату, да не простую.

— А какую же?

— Начиненную цианистым калием, все живое погибло бы.

Не знаю, как насчет цианистого калия, но в кабинете атмосфера меркла. Воздух как бы голубел. Я огляделся — из сумки газетчицы валил дымок. Спохватившись, она выдернула оттуда руку с раскуренной сигаретой. Наверное, прожгла очередное интервью с убийцей или статью о маньяке, который душил женщин, потому что они его не любили.

Боевая журналистка слегка обмякла. И я упрекнул себя в нелогичности: пишут потому, что люди читают. Пробуя как-то сгладить свою резкость, я попытался отойти от родной горячей тематики:

— Антонина Борисовна, вот потеет где-нибудь в США шахтер или вкалывает фермер... И никто про них не знает. А о бандитах Бонни и Клайде снято шесть фильмов и написаны десятки книг. Почему, а?

Журналистка курила молча. Обиделась. Да и не было у нее ответа, как его не было и у меня: почему люди смотрят кровавые сериалы и читают пошлые книги.

— Антонина Борисовна, пришли ко мне по делу?

— Да, вы будете расследовать кражу полотна Кандинского...

— Откуда знаете?

— В музее сказали.

— Но почему расследовать буду именно я?

— Узнала в милиции, что дело передали в прокуратуру.

— Да, в центральную.

— Там сказали, что оно направлено сюда, в район. А кому здесь расследовать кроме вас, Сергей Георгиевич?

И эти слова, и выжатая улыбка значили только одно: информацию по делу давать ей первой. Я не карьерист, но слова газетчицы щекотали. Но она раскопегарила вторую сигарету: значит, пришла надолго. Время журналистки и мое не совпадало: что для нее одно интервью, то для меня пять допросов. Спасла пожилая женщина, заглянувшая в кабинет. Я торопливо ее пригласил. Антонина Борисовна откланялась.

— Была у помощника прокурора. Он послал к следователю, — объяснила женщина.

Через десять минут пойдут люди по повесткам, а мне придется выслушивать что-нибудь про квартирные дразги или про пьющего зятя.

— Слушаю, — вздохнул я.

— Мою дочку Людмилу изнасиловали...

Ее история показалась непонятно-невероятной. Вникать я не стал.

— Гражданка, пусть придет сама дочка.

— Она не хочет.

— А уголовное дело по изнасилованию возбуждается только по заявлению потерпевшей.

Ответ я дал грамотный. Позже, когда женщина ушла, подумал запоздало: а если дочку запугали, стесняется, не хочет огласки?.. Но без ее информации не помочь.

Граждане со вкусом костерят ментов и следователей, а дать показания их не дозовешься.

13

Замуж надо выходить до тридцати. Инну не так тревожил собственный возраст — двадцать восемь, — как пример ее подружек. Особенно двух, современных и продвинутых. Девчонки прибегли к Интернету. Результат: одна вышла замуж за пивного бизнесмена из Германии, вторая — за сына песков, богатого бедуина.

Страстной Инна себя не считала. Но жизнь в стране стала какой-то сексуальной. Песни, реклама, кни-

ги, фильмы — все о сексе. У шестнадцатилетних девчонок завелись бойфренды. Говорят, есть срочная сексуальная помощь. А телевидение к полуночи вообще гонит порнуху, как якобы художественные фильмы.

Но вечера, ночи... Квартира в старинном доме со звуконепроницаемыми стенами. Какая-то пенсионная тишина. Телевизор — единственное живое существо.

Есть Интернет. Искать друга при помощи электронных средств информации? Как-то не по-людски. Инна понимала, что это не хуже, чем познакомиться на дискотеке. Но муж по Интернету? Отдавало пробирками, что-то вроде знаменитой овечки Долли.

Инна начала просматривать газеты с брачными объявлениями. Не электроника. Все-таки стыдуха объявлять всему городу свой вес и размер бюста.

И тогда она наткнулась в рубрике знакомств на строчки «Молодой энергичный человек, переполненный спермой, желает познакомиться...». Инна поняла, что вступает в область, где такие понятия, как «девичий стыд», кажутся смешными.

Этот переполненный дурак ей не нужен. Она сочинила объявление краткое и строгое, сообщив о себе лишь возраст и образование. «Хочет познакомиться с истинным мужчиной для серьезных, долговременных отношений...» И номер телефона. Оставалось ждать.

Теперь у Инны возникло ощущение, что на улицу она выходит не совсем одетая. Если встречный парень бросал на нее любопытствующий взгляд, то она ускоряла шаг. Ей казалось, что в городе все знают о ее объявлении...

Через два дня она купила газету. Вот: «Хочет познакомиться с истинным мужчиной...» Оставалось ждать. При каждом телефонном звонке Инна вскидывалась, как испугнутая птица. И, как назло, телефон забарахлил: звонил, смолкал, не отзывался... В трубке что-то хрипело и гудело. То ли аппарат, то ли на станции.

Лишь поздним вечером прорвался деловитый женский голос:

— Алло-алло, вы Инна?

— Да.

— На связи Мурманск. С вами будет говорить Сорокин, капитан сейнера...

И длинная пауза, заполненная шумами. Инна вежливо ждала: некому было сказать, что в Мурманске у нее знакомых нет. Тем более капитанов сейнера. Наконец хрипловатый мужской голос словно прочистил линию:

— Здравствуй, дорогая!

— Кто это?

— Капитан Вадим Сорокин.

— Разве мы знакомы?

— Нет, но будем.

— Не понимаю...

— Дорогая, прочел твоё объявление в газете.

— Но я не давала в Мурманск.

— Дорогая, есть авиация. Приятель мне газету доставил.

Инна молчала. Ей не понравились разухабистый тон и эта «дорогая». Ну да, она же вроде просительницы, вернее, предлагает себя. Что-то вроде проститутки. Капитан паузу не додержал:

— Дорогая, надо встретиться.

— Сразу?

— А что тянуть!

— Мы же ничего друг о друге не знаем. Хотя бы обменяться письмами, фотографиями...

— Я о тебе знаю главное.

— Откуда?

— Из твоего объявления. Молодая, двадцать восемь лет. С образованием. Тебе нужен не просто мужчина, а истинный мужчина. Значит, ты не дура. И нужен не только для секса, а для серьезных отношений. И не на месяц или на год, а для долговременных. Верно?

— Да, так. Ну а про вас?

— Дорогая, я буду звонить ежедневно. В это же время. Твоих домашних не разбужу?

— Живу одна.

— Тогда до завтра, дорогая.

Теперь «дорогая» прозвучало мягче, без голосового напора. Инна села на диван, словно ослабела. Ослабешь... Капитан из Мурманска. Внешностью не интересуется. Надо пошутить, что горбатая или кривоватая. Завтра, когда позвонит, если только позвонит. Его внешность Инну мало интересовала: для мужчины не внешность главное, а здоровье. Дохлых в капитаны не берут...

И этот вечер, и следующий день Инна провела в непонятном состоянии — словно выпила бокал шампанского. Она заметила, что шевелит губами, сочиняя те вопросы, которые надо задать. Их множество, но главных три: сколько ему лет, почему не женат и не пьет ли. Все-таки моряк.

Инне показалось, что она и на работу не ходила. В оговоренное время сидела у телефона, удерживая зуд в ногах. Почему в ногах, разве ей куда-то бежать?..

Напористый и веселый голос сообщил из трубки:

— Здравствуй, дорогая! Говорит Мурманск.

— Здравствуйте, Вадим, — удивилась Инна собственному радостному тону.

— Согласен дать интервью о себе.

— Возраст?

— Сорок.

— Вадим, извините за вопрос, но общероссийская проблема...

— Смелее!

— Не пьешь? — перешла она на «ты».

— На сейнере «сухой закон». А на берегу лишь по праздникам и по радостным дням.

Инна помялась. Зря спросила про пьянство: из-за хриплого голоса, но ведь моряк, ветра и воды. Да и

хрипотца у него звонкая. Следующий вопрос, может быть, главный:

— Женат был?

— Развелись пять лет назад.

Она и не сомневалась, что мужчина сорока лет женатым побывал. Главным оказался следующий вопрос:

— Вадим, трудно представить, чтобы здоровый мужчина в цветущем возрасте не мог найти подругу...

— Уже нашел.

— Я серьезно...

— Дорогая, хочешь сказать, что только мужик с изъязном станет искать жену по объявлению?

— Столько одиноких женщин...

— Дорогая, а ты бы меня спросила, почему разошелся с женой.

— И почему?

— Я матрос, ухожу в море не на день и не на неделю. Какая жена выдержит? Моя не выдержала.

— Вадим, прости...

— Ладно, до завтра.

Неужели обиделся? Инна моряков считала людьми крепкими и даже грубыми. Ранимый матрос? Она виновата, заподозрив его в каком-то физическом недостатке. А вдруг больше не позвонит? Ведь других звонков не было...

Но на следующий день, минута в минуту, видимо, по какому-то морскому хронометру Инна услышала из трубки: «Здравствуй, дорогая!» Ни тени обиды. Она вздохнула радостно. Не дождавшись ее слов, Вадим озадачил:

— Дорогая, тебе не кажется, что ты занимаешься сексом по телефону?

— Разве?

— Не пора ли сблизиться?

— Как?

— Путем через железную дорогу.

— Не понимаю...

— Мой сейнер встал на ремонт, а я в отпуске. Ну, прикинь!

— В смысле...

— Да, в этом. В понедельник встречай мурманский поезд.

— Как я тебя узнаю? — вырвалось у нее.

— А сердце на что? Подскажет. Стой в зале ожидания под часами и никуда не отходи.

И разговор оборвался. Или сердце оборвалось? До понедельника время есть, но и дел возникло множество. Сперва Инна прилипла к телефону и выяснила, когда прибывает мурманский поезд. А потом пошли нервным косяком вопросы...

Встречают ли мужчин, да еще незнакомых, с букетом цветов? Целуют ли их, незнакомых? Везут ли их с вокзала сразу домой? Угощают кофе или готовят обед? Прилично ли купить бутылку водки? А что надеть? А сходить к парикмахеру?..

14

Удивляюсь своей памяти — плохая. Пока не касается уголовных дел. Ведь помню все крупные преступления, многих обвиняемых, ярких свидетелей и выезды на места происшествий. Сейчас допрашиваю десяток человек по разным делам, по двум сложным: взрыв в клубе и хищение картины. Ни секретаря у меня, ни компьютера — все держу в голове. Да и не стал бы во время допроса тыркаться в компьютер и нарушать контакт с человеком.

Кража полотна Кандинского вызвала шумный интерес — убийства так не будоражили. Информацию дало телевидение и все газеты. Звонили мне постоянно из Центральной прокуратуры, из Союза художников, коллекционеры, из музеев страны, даже из-за границы. Отвечать пока было нечего. Дело не в тайне следствия, а не было ни зацепок, ни намеков. Я уже допросил всех причастных лиц: реставраторов, смот-

рителей залов, охранников, уборщиков... Администрацию музея, искусствоведов, художников-копиистов...

И никак не распутать с уборщиками, поскольку временных оформляли кое-как. Например, по ведомостям проходит один человек, а работает десять студентов — деньги потом делят на всех.

Я набрал книг и справочников по искусству. Найду ли что-нибудь полезное и когда их прочту? На исследование мне отпущено всего два месяца. И тогда вспомнился художник, специалист, отменный советчик...

Он встретил меня... Точнее, полу-встретил, полу-открыв дверь и как бы полу-впустив.

— Анатолий Захарович, заняты?

— Нет.

— Не рады моему визиту?

— Визит кого, следователя прокуратуры?

В прошлый же раз я обозначил свою должность. Ну и что? Обывательская неприязнь к органам правопорядка?

— Анатолий Захарович, не любите следователей?

— Когда приходят не по служебным делам.

— А я, думаете, по служебным?

— Картину-то в музей украли...

— Анатолий Захарович, вы несправедливы: я познакомился с вами в музее и заходил еще до хищения картины.

Он что-то промывчал, давая мне проход. Я же поймал себя на маленькой лжи, вернее, на недоговоренности. Пришел ведь советоваться именно насчет картины, о чем надо сказать прямо. Но художник, проводя меня в гостиничную комнатенку, не то удивился, не то возмутился:

— СМИ раскудахтались... Картину украли... Да в двадцатом веке похищено и не найдено более ста тысяч художественных раритетов. В США даже издан «Каталог украденных произведений искусства».

— Кандинский все-таки.

— Кандинский? В 1911 году украли самую знаменитую и самую дорогую картину в мире: «Мона Лиза» Леонардо да Винчи. И она два года пролежала у похитителя под кроватью среди обуви.

— Как же его поймали? — сработал во мне следователь.

— Вора схватили, когда он надумал продать картину директору галереи «Уффици». Сергей Георгиевич, что там музеи... Воруют у живых людей: к талантливому белорусскому Александру Исачеву ворвались домой в масках и забрали несколько картин стоимостью более 20 тысяч долларов каждая. Одну, «Благословение хлеба и вина», я видел.

Он разволновался сильнее меня, того, который вел следствие. Художник, натура творческая. Или же корпоративная обида, поскольку задета честь всего цеха. Он не пил и меня не угощал, но воздух был насыщен коньячными парами. Может, запах лака и дерева?

— Анатолий Захарович, каковы у похитителя шансы на продажу картины? Ваше мнение как специалиста.

— Специалиста по кражам? — глухо спросил он откуда-то из-под бороды.

— Художника, знавшего цену полотен...

— Чем дешевле картина, тем меньше шансов на ее возвращение. Легче сбыть. Ценную картину ведь не выставишь.

— А Кандинский?

— Могут найти коллекционера, могут отправить за рубеж, могут держать у себя и взять под нее большой кредит...

Его прямоугольно-розовая борода невероятно взлохматилась, закрыв рот и, похоже, доставая до комковатого носа. Не то он злился, не то нервничал. Я допустил ошибку, сообщив, где работаю: узнав мою должность, люди частенько замыкались. Не преступники, честные, даже знакомые.

Я огляделся. Запах дерева и лака. Мне чего-то не хватало. Заноза... Подсознательная мысль. Может ли мысль быть подсознательной? Может. Я вдруг понял, что пришел к художнику не за советом об украденной картине.

— Анатолий Захарович, Мона Лиза пришла?

Он скривился, по крайней мере, борода съехала набок. Голос опал, словно художник ушел в другую комнату:

— Нет, не вернулась.

— А вы ее искали?

— Знакомых обзвонил, больницы... Исчезла бесследно.

— Бесследно не исчезают.

— Как не исчезают, если Лиза исчезла?

— Но не бесследно.

— Что имеете в виду?

— Следов через милицию вы же не искали.

Но я имел в виду другое: женщина ушла из дому без всякой одежды. Без сумочки. И я не удержался от вопроса прямого:

— Сбежала босиком?

— В сапогах.

— Значит, уходила при вас?

— Без меня, но нет резиновых сапог и дождевика.

— Куда же одна, в сапогах?

Он словно прильнул ко мне — борода щекокнула мою щеку. Комковатый нос раздувался, отчего стал еще комковатее — художник задышал тяжело. Уж не вознамерился ли он меня поднять?

— Сергей Георгиевич, Лизетта погибла.

— В переносном смысле: погибла для вас?

— Ее нет в живых!

— Яснее, пожалуйста.

— Она обожает природу. Если взяла сапоги, то пошла в лес.

— И там погибла? — усмешку я сдержал, зная наши леса, походившие на парки.

— Сергей Георгиевич, дело в том, что Лиза месяц назад сделала аборт.

— И что?

— Но ведь это убийство: плод улыбается, все слышит, издает звуки... Живая душа.

Еще раз спросить «и что?» не хотелось. Наверное, выгляжу туповато. Но я не понимал. Допустим, он беспокоился о здоровье Мониной, но тогда при чем улыбки плода и живая душа? Или художник сегодня хватил коньяка больше нормы? Нет, не хватил, потому что недоумение на моем лице засек:

— Сергей Георгиевич, не понимаете?

— Не врубаюсь.

— По народным поверьям, женщине, сделавшей аборт, в лес ходить запрещено — нечистая задушит.

— Ерунда.

— А почему же за рубежом плод хоронят и даже отпевают в церкви?

Наша беседа ушла не только от хищения картин, но и от исчезновения Мониной. Я посоветовал ему сделать официальное заявление в милицию, он пообещал составить мне список всех коллекционеров города. Уже у двери Анатолий Захарович спросил:

— Кражу Кандинского расследует прокуратура какого района?

— Нашего.

— Если не секрет, кто следователь?

— Я.

15

В понедельник Инна не пошла на работу и за полчаса до прибытия мурманского поезда стояла под табло, игравшим зелеными огоньками цифр и букв. Часы, расписание поездов, их уход и приход... Она давно не была на вокзале и удивилась многолюдности.

Входные двери в зал ожидания постоянно распахнуты. Неиссякаемый поток пассажиров, вроде бы не связанный с прибытием поездов. Неужели приходят каждые полчаса?

До мурманского осталось пятнадцать минут.

В руке Инна держала газету; тот еженедельник, в котором было ее объявление. Оознавательный знак. Ни к чему он, ее легко узнать: Инна физически чувствовала, что ожидание легло на лицо, словно его стянула фальшивая резиновая маска. Женщина, ожидающая незнакомого мужчину.

Мурманский поезд пришел — по времени он должен прийти...

Инна подалась вперед, навстречу. Поток людей, вереница чемоданов и сумок. Лица веселые, сумки набитые. Прошла группа моряков, но военных. Инна шевелила губами, мысленно повторяя те придуманные слова, которые она скажет. Прошло минут десять... Конечно, Вадим пропустит бурливую спешащую толпу. Которая текла и текла. Инна глянула на часы — прошло уже двадцать минут.

Не крыша рухнула и не пол провалился. Перед ней мгновенно вырос штабель... нет, не чемоданов, а каких-то емкостей на колесиках. Что-то вроде прямоугольных сундуков. На вид неподъемных, но женщины их поднимали и перетаскивали. Инна догадалась — «челноки». Но их товар загородил ее, как замуровал. Пришлось отойти.

Легкое беспокойство, похожее на знобливый сквознячок, задело ее. Прошло сорок минут, как мурманский здесь. Она же слышала по вокзальному вещанию о его прибытии... Неужели «челноки» так ее закрыли, что Вадим проглядел? Вряд ли, он мужчина энергичный, моряк. Ей даже казалось, что он где-то здесь и следит за ней...

Инна огляделась, словно только что пришла. Не следят, а посматривают, и не мужчина, а женщина,

какая-то восточная красавица. В яркой одежде, напоминающей халат. Узбечка или китаянка. И нетерпеливо посматривала на всех, видимо, тоже уставшая от ожидания. Смотря чего ждать. Если своего счастья, разве устанешь?

Людской поток давно обмельчал, став равномерным движением с перронов и обратно. Но этот поток вновь забурлил, уже с другого пришедшего поезда.

Инна вскинула голову и глянула на электронные часы. Неужели минул час?

Рука, сжимавшая газету, мгновенно вспотела: рассекая жиденькую толпу, как ледокол мешавшие льдины, к ней двигался мужчина. Шаткой ломаной походкой. Высокий и пожилой. Люди перед ним расступались, поэтому он оказался перед ней как-то мгновенно. Инна глубоко вздохнула — костыль. У мужчины не было ноги.

Хрипло и нетерпеливо он спросил:

— Ты?

— Я.

— Ждешь?

— Жду.

— Рудольфа Николаевича?

— Вадима.

— Ты Нелли Мамедовна?

— Нет.

Ругнувшись, он пошел искать Нелли Мамедовну. Видимо, ждущую узбечку. Но та, глянув на Инну и усмехнувшись, вдруг ушла. Не Мамедовна или не дождалась?

Инна дернулась: а что же она стоит? Больше часа в ожидании. Не приехал, передумал. Она знала, что всегда бросается в крайности, как большинство слабых характерных. Да мало ли почему они не сошлись? Не нашел, заблудился на вокзале, опоздал на поезд, заболел, сейнер отремонтировали... Может быть, он телефон ей оборвал...

Инна выскочила на площадь и взяла частника. Через двадцать пять минут она влетела в парадное, и лифт, понукаемый её волей, взметнулся на четвертый этаж. Пальцы, будто замерзшие, с трудом выловили в кармане ключи. Но они не потребовались...

Дверь была лишь прихлопнута — книга бы пролезла меж створками. Ничего не понимая, Инна шагнула в квартиру...

Что тут произошло? На полу газеты, посуда, одежда... Белье, подушки... Диван вспорот. Шкафы опустели — все на полу. С антресолей сброшен накопленный хлам: даже синтетическая елочка, хранимая с января до января. Ковер скатан, телевизор сдвинут...

Инна ходила по квартире, высоко поднимая ноги, точно по лужам. Что, кто, зачем? Сейчас в моде полтергейст, который в квартирах безобразничает дико. Или проникли хулиганы. Походив и немного успокоившись, Инна позвонила в милицию...

Оперативники приехали скоро. Их начальник, рыжегато-белесый крепыш, показался Инне злым. Еще бы, времени майору Леденцову не хватало, а тут не нашлось свободных сотрудников, и ему самому надо разбираться с банальной квартирной кражей.

— Что пропало? — взялся майор за главное.

— Не знаю.

— Проверьте.

И это «не знаю» раздражало: пришел он, эксперт-криминалист, понятые... Следователь приедет. Полная бригада. А тут «не знаю».

— Ничего не пропало, — призналась Инна.

— Деньги, ценности...

— Две тысячи и безделушки. Все цело.

— А документы?

— Паспорт был со мной.

— Куда вы ходили?

Инна замялась. Помолчав и побормотав, она сказала, что делала на вокзале, добавив обидчиво:

— Но к разгрому в квартире это не имеет никакого отношения.

— Еще какое, — усмехнулся майор.

— Нет связи.

— Ваш адрес так называемый Вадим уже знал. По телефону вы ему сказали, что живете одна.

— А зачем свидание на вокзале, мурманский поезд?..

— Чтобы на часик-другой выманить вас из квартиры.

— Да зачем?

— Я не знаю, но вы должны знать.

— И я не знаю.

— Надо поработать.

— Вновь мне копать в белье?

— Нет, думать, что ценного могло быть в вашей семье.

— Сидеть и думать?

— Зачем сидеть... Можете варить кофе и думать. А, по чашечке?

Инна этого начальника не узнавала. Злость с его лица как смыло, потому что майор почувствовал незаурядность происшествия. Инна собрала все чашки в доме: неудобно угостить милиционеров и не предложить понятым, дворникам своего же дома. Майор попросил еще раз описать вокзальное томление. Инна заподозрила мужчину без ноги, но оперативника заинтересовала женщина в цветастой одежде.

— Почему вы думаете, что она узбечка?

— Или китаянка.

— Что в ней китайского?

— Глаза узкие.

— Казашка, монголка, японка...

— Не знаю, но что-то восточное.

Инна пила кофе и думала. И чем дольше длился этот процесс, тем сильнее крепла мысль, что оперативник ошибся. С какой целью Вадиму отвлекать ее от квартиры, что он тут потерял?

— Инна, раньше вы жили с родителями... не было ли у них какой тайны?

— Старые, тихие люди.

— Может быть, они что-то хранили?

Слова майора как оцарапали. Ей показалось, что память набухла от чего-то далекого, чуть ли не из детства. Хранили...

Инна взяла стул, пронесла на кухню и словно вспрыгнула на него — Леденцов ей помог. Она заглянула на антресоль, пошарила там рукой и сказала, как уронила с высоты:

— Нету...

— Чего?

— Папки.

— С чем?

— С картинами.

— Каких художников?

— Не знаю. Вроде бы натюрморты. Небольшие полотна... Мама увлекалась.

— Вспомните хотя бы одну.

— Да, Рерих, рисунки гималайского периода...

Майор еще налил себе раскаленного кофе, выпил почти залпом, выдохнул жар, достал мобильник, набрал номер следователя прокуратуры Рябинина и спросил:

— Сергей Георгиевич, кто, думаешь, бродит по городу?

— Маньяк?

— Нет.

— Привидение?

— Не угадал, по городу бродит гейша.

16

В восемь утра он вылез из машины и поежился от ветерка. Сиденья мягкие, ночью не дуло, дезодорантом все пропахло... А спать непривычно. Он запер дверцу.

— Это какая марка? — спросила девица, похоже, одна из тех, которые ночью вообще не спят.

— «Феррари».

— О!

— Не «О», а не моя.

— Тогда что вы в ней делали?

— Спал, охранник я.

Он не стал объяснять, что был нанят на одну ночь, за которую вечером получит с хозяина деньги.

— А как вас звать? — не поверила девица.

— Пузырек.

— Пузырь, что ли? — хихикнула она.

— Пузырь будет Витька-крупный, а я Пузырек.

— Такое имя?

— Кликуха, я люблю пузырьки с боярышником, лекарство такое.

— Как можно любить лекарство?

— А оно на спирту.

Девица поверила, что он не хозяин автомобиля, когда его разглядела: небритый, одет в армейский ватник, в какие-то разношенные ботинки... Вдохнув, она ушла.

Фифа, не слыхала про боярышник на спирту, который есть в любой аптеке. В понедельник Пузырек отведал водки, настоящей на брукве. Бывшая жена чем только его не поила, чтобы отвести от спиртного. Он лекарства принимал, терпел, пока супруга не применила какое-то снадобье, полученное из полости молодых поросят.

Пузырек тоже вздохнул. Денег не было даже на бутылку пива. Гвоздики, которые он вчера собрал с могил на кладбище, вчера продал — на бутылку хватило. Греха в этом он не видел, поскольку мертвым цветы ни к чему, а живому в радость.

Пузырек направился к логову. И, пока шел, улыбался от приятного, прямо-таки ласкового воспомина-

ния от того, что случилось в прошлом месяце и что случается раз в году.

В тот день терся он в магазине. Его внимание привлек один зигзаг: мужик в одежде потерто-ношенной, видать, из секонд-хэнда, браі икру красную и колбасу копченую. Плюс маслины. Мужик-то черненький, сын гор. К нему вдруг подкатывается девица с предложением: «Милый, тебя к телефону». Который в «Мерседесе», стоявшем у магазина. Пузырек смекнул, что баба этого сына гор по утрам пьет кофе в постели.

Теперешняя жизнь так повернулась, что мохнорылые толстосумы вынуждены маскироваться под бомжей. А бомж Пузырек мечтал хотя бы недельку прожить мохнатым толстосумом. Он встал возле «мерса» так, что тому не проехать. Короче, путь закрыл. Водила, он же сын гор, вышел, отчего затеялся интимный разговор. Один на басах, второй со слезинкой. А конец для Пузырька сложился, как в кино. Его увезли за город и дали работу — озеленить культурными растениями участок перед коттеджем.

Недели две пришлось колотиться. Пузырек лазал по старым дачам и обочинам дорог, накопал кустов двести. Жасмин, шиповник, какие-то ягодники... Пальм не нашел. Олигарх заплатил круто, но, главное, угостил на прощание так, что Пузырек едва уцелел. Еще бы, коли скушал литровую металлическую емкость водки.

Но все в прошлом. Логово, а точнее лежбище, представляло лестничную площадку лестницы на чердак. Здесь соединился ряд полезных обстоятельств. Тишина, жилыцы дома на чердак поднимались редко, и тут по-кошачьи урчала батарея. А что может быть лучше тепла и покоя. Только водка, но здесь Пузырек не пил и компаний не водил — дорожил местом. Потому что классная нычка.

Он растянулся у горячей батареи. Лето, а топят, трубы продувают. Шаркающе-постукивающий звук приближался — это швабра уборщицы. Пузырек про-

должал лежать, потому что отношений с уборщицей не портил. Она спросила ворчливо:

— Все лежишь?

— Не курю здесь, семечки не щелкаю.

— В церковь бы ходил.

— Зачем?

— Может быть, Господь наставил бы тебя на путь истинный.

— А я не ворую.

— Работать надо. Распустила вас демократия.

— Не в чем мне в церковь идти. Шмотье обветшало.

— Церковь всяких принимает, не театр.

Она зашаркала шваброй по ступенькам, мыла лестницу. Однообразное постукивание и позвякивание удалились. Пузырек впал в дрему...

Крик снизу его поднял:

— Пузырек, иди сюда!

Он подчинился и резво побежал вниз. Уборщица стояла у входной двери и протягивала ему небольшой плоский сверток:

— Зачем ты это засунул?

— Куда засунул?

— За паровую батарею. Возьми.

Пузырек спорить не стал, потому что уборщица есть хозяйка лестницы. Приняв сверток, он поднялся на два этажа и встал у окна. Надо развернуть — не труп же. Он оборвал бечевку и снял полиэтилен. Рогожка? Какая-то плотная ткань, выкрашенная с одной стороны. Мазня. Да нет, цвета и оттенки. Даже красиво... Картина...

Мысль, почти радостная, вытеснила сонливость, словно выжгла, ведь за эту картину могут дать бутылку.

Даже самое неприятное и трудное дело бросать жалко, потому что вложен труд. Любая работа — это кусок прожитой жизни, а жизнью не разбрасываются.

У меня папка раздулась от протоколов допросов, Анатолий Захарович готовил мне список коллекционеров живописи... Я наметил встречу с закупочной комиссией музея и с толковым атрибутором... Я изучал справочники музеев, галерей и аукционов; всех этих «Кристи», «Метрополитен», «Сотби», «Тейт»...

И картина нашлась. Уголовное дело я прекращаю за отсутствием состава преступления. Если строго, то какой-то состав был. Ну, кража с последующим отказом от преступления... Но чего обременять милицию поисками этого человека, если картина возвращена? Звонил директор музея и рассыпался в благодарностях. Я принимал, хотя ни моей заслуги, ни заслуги уголовного розыска в этом деле не было.

Оставалось допросить бомжа по кличке Пузырек и написать бумагу о прекращении уголовного дела. Но сразу отключиться я не мог: любое расследование оставляло в моем податливом сознании след, как проектор на мягком грунте.

Уголовный розыск поработал. Бомж Пузырек в кражах не замечался, кроме мелких на кладбище. Жилой дом, где обнаружили полотно, никакого отношения к музею и криминалу не имел. Тогда что? Вор не нашел покупателя? Картину потерял? Подкинул? Бессмыслица.

Но ведь есть специалист, профессионал, который в консультации не откажет...

Художник ухмылку спрятал в бороду:

— Пришли меня допрашивать?

— Допрашивать я вызываю, — ухмылку мне спрятать было некуда.

— Тогда чем обязан?

Не нравилась художнику моя профессия. Исчез былой контакт, и, чтобы его зачистить, я обронил безмятежно:

— Коньяк у вас терпкий, Анатолий Захарович.

Он кивнул согласно и провел меня к заветному столу-пню. По запаху я понял, что терпкий коньяк ху-

дожник уже принял, и, похоже, принимал его ежедневно, и добавил со мной как с гостем. Видимо, новая порция толкнула на откровенное удивление:

— Сергей Георгиевич, я думал, что украденное ищут милиционеры, а не следователи прокуратуры.

— Правильно думали.

— В Лондоне, в Скотланд-Ярде есть отдел по антиквариату. Даже в Египте создана антикварная полиция.

— Считаете, я ищу у вас картину?

— Значит, пришли за списком коллекционеров полотен.

— Анатолий Захарович, картина нашлась.

Удивился он вяло. Чего ему беспокоиться о музейных экспонатах? Я рассказал, кто и где отыскал полотно. Зачем говорил теперь? Меня занимала психология этого преступления, точнее, мотив заключительного поступка вора. Идти на заведомый риск и отказаться от кучи долларов? Художник объяснил:

— Украсть легче, чем продать.

— Вы же сами говорили, что в городе полно собирателей живописи...

— В нашей стране Кандинского дома на стену не повесишь и людям не покажешь. Да и денег хороших не получить. Значит, только за рубеж. А пути туда надо знать.

Ответ на вопрос, ради которого пришел, мне дан. Парадокс: лицемерного человека определяю, а вот собственное лицемерие не замечаю. Ради чего пришел... Мы выпили торопясь, словно художник подозревал о другом вопросе и не хотел его слышать.

— Анатолий Захарович, Мони́на не проявлялась?

— Нет, — рубанул он громко, с примесью затаенного крика.

— Ее подруг знали?

— Некоторых видел мельком.

— Говорите, Елизавета, иногда работала в музее,

вытирала пыль в запасниках. Была ли там корейнка, или казашка, или японка?.. В общем, узкоглазая.

— Откуда мне знать?

Художник оперся локтями о стол и глянул на меня порозовевшими глазами. От красной ли рубахи, от залетевшего ли солнечного лучика — хотя окон в мастерской не было — его борода желтовато светилась, будто в ней горела лампочка карманного фонарика. Завис над столом массивными плечами, тяжелой головой, широкой спиной... Как валун светло-коричневого гранита. Ему бы, валуну, землю пахать.

— Анатолий Захарович, в милицию заявили?

— Да, по вашему совету.

— Про беременность и про вашу мистическую версию сказали?

— Будут прочесывать лес. Но это ложь!

— Ложь про беременность?

— Про нечистую, Сергей Георгиевич, я обманул вас!

Отпихнув рюмку, он схватил пустой стакан, замазанный краской, разумеется, красно-бурой, и налил коньяку больше половины. Дорогой напиток булькал из бутылки, как заурядное пепси. Выпил так скоро, что этот момент я прозевал, поскольку за компанию хлопнул свою рюмку. Наша беседа оживилась:

— Анатолий Захарович, в чем обманули?

— Нечистая ни при чем.

— Значит, Мони́на жива?

— Нет, задушена.

— Кем?

— Сама собой.

— Самоубийство, что ли?

— Оно.

— А где?

— Не знаю, но скорее всего в том лесу.

Я не то оторопел, не то опьянел. Перепадик, как на голову камнепадик. Как говорится, две большие раз-

ницы: натурщица ушла от бойфренда или женщина покончила самоубийством? Но ведь трупа нет.

— Анатолий Захарович, а откуда вы знаете, что она с собой покончила?

— Много раз говорила, что жизнь не мила.

— Почему?

— Безмотивно, психозы. Были суицидальные попытки, не одна. Последний раз... Нашли мы в лесу ржавую гранату времен войны. Говорю Лизе, не бери. Подняла да как шарахнет о камень. Хорошо, что не взорвалась.

Исчезновение женщины без одежды и без личных вещей подтверждали слова художника. И я видел в музее на картине ее взгляд — он не был ни бессмысленным, ни безмотивным. Он был мучительным.

— Анатолий Захарович, но без повода с жизнью не расстаются.

— Женщина.

— И что?

— У них все зависит от настроения.

Дел по самоубийству я не вел давно. Месяца четыре назад у одинокой старушки украли породистую собаку и потребовали выкуп. У нее лишь пенсия. А бандюга, стимулируя старушку, отрубил собаке хвост и прислал хозяйке. Та с горя повесилась. Из-за этого дела вышел конфликт с прокурором района: Леденцов вора поймал, и я предъявил обвинение: кражу собаки и доведение до самоубийства. С доведением до самоубийства прокурор не согласился.

— Анатолий Захарович, адрес Мониной знаете?

— Никогда у нее не был, — пробурчал он.

Художник уже не казался гранитным валуном: лег грудью на стол и как-то растекся по нему тестообразно. Дальше беседовать не имело смысла.

На колченогом столике лежал полусвернутый лист ватмана. Из-под него торчала книжечка. Я вытянул и

глянул название. «Маленький учебник для желающих повеситься». Издана в Эстонии.

Кто ее читал: Елизавета Мони́на или Анатолий Захарович?

18

Неоновые завитушки над входом в ресторан «Мираж» обманывали: заведение средней руки. Ни оркестра, ни варьете, ни поваров-иностранцев. Уж не говоря про стриптиз. Ресторан относился к тем предприятиям, которые пребывают в постоянной реорганизации.

Лейтенант Палладьев сидел в проходной комнатенке, что-то вроде подсобки, расположенной меж кухней и залом. Здесь официанты формировали свои подносы. Вальяжная Инга на незваного гостя косилась:

— Надолго?

— Мешаю?

— Да сиди, клиентов почти нет.

Днем в ресторане скучно. Приходили в основном гости города, приезжие, обедать. Весело станет к вечеру, когда начнут пить и гулять. Скуки добавлял скрипач, тянувший безмотивную ноту.

Палладьев озира́л зал через сетчатую портьеру. Столики крапчатого мрамора, хвойное деревце в углу, горка влажных камней под ним...

— Директор хочет поменять название ресторана, — сообщила Инга.

— На какой?

— «Мираж» на «Зомби».

— Зря, пить станут больше.

— Почему?

— До состояния зомби.

Инга возразила в том смысле, что это директору и надо, но лейтенант уже не слушал, прицепившись взглядом к нужному ему столику. Лица мужчины, си-

девшего спиной к раздаточной, не было видно. Оперативника сейчас он и не интересовал, а вот девушка... Ее трудно не заметить: не то халат особого покроя, не то какая-то восточная накидка, ярко-свекольная.

— Инга, парочка у вазы с корягой... Одежда на ней какого цвета?

— Насыщенного бургундского вина.

— Ты француженка?

— Почему?

— Нет бы сказать «цвета крепленого портвейна».

Инга, она тут часто бывает?

— Заходит.

— Глаза какие?

— Нету.

— Чего нету?

— Глаз, одни прорези, азиатка.

Лейтенант не понимал, зачем ходить дорогами кривыми, когда есть пути короткие? Зачем наружка, если можно эту пару задержать и проверить документы? Установить личности. Может быть, провести обыск по месту их жительства. Но майор Леденцов был для Палладьева загадкой: лейтенанту казалось, что начальник эту парочку знает, как и знает все криминальные личности в районе.

Оперативник поймал идущую мимо Ингу:

— А ее напарник?

— Что напарник?

— Азиат?

— Вот из-за таких, как он, ресторан и переименовывают.

— То есть?

— Да с этой азиаткой сидит натуральный зомби.

Оперативнику пришло оперативное желание. Зал полупуст, но если пройти в дальний угол за столик, полуприкрытый громадным папоротником, росшим в приземистой керамической вазе, то парочка будет как

на экране. Правда, и он станет заметным. Палладьев вновь придержал официантку:

— А что они едят-пьют?

— Чайники. Стоило идти в ресторан.

— Почему, Инга?

— Взяли котлеты и водку. Правда, закуску фирменную, корейскую, маринованную говядину.

— Инга, это парочка влюбленных?

— Нет.

— Почему так думаешь?

— Разве влюбленные станут в ресторане угощаться водкой с котлетами?

Оперативник кивнул: влюбленные заказали бы шампанское. Пришли бы на весь вечер, а эти сидят всего полчаса. Лейтенант осудил себя за недовольство этой слежкой: забыл, как сутки пролежал за кучей мелкого угля в котельной, выслеживая, когда привезут сжигать труп. А здесь? На стуле, тепло, светло, аппетитные запахи... Инга мимо ходит, не ходит, а таскает подносы и свою тряскую грудь. Тряская грудь полу-прижалась к его виску:

— Лейтенант, закусить принести?

— Спасибо, не надо.

— Ветчинки, а?

— Нет-нет, а чашечку кофейку...

Выпил он две чашечки. То ли Инга сварила для него особенный, то ли кофеин придал зоркости, но на столике наблюдаемых он только сейчас заметил какую-то нелогичность. Столик на четверых, два стула заняты, третий и четвертый свободны, но перед ним, перед четвертым, на столе виднелся вроде бы фужер, чем-то прикрытый. Далеко, не разобрать.

— Инга, а что на столике, на краешке их стола против третьего стула?

— Фужер.

— Пустой?

— С водкой, сто граммов налили.

- А сверху что лежит?
- Бутерброд с колбасой.
- И как это понимать?
- Наверное, кого-то ждут.

Нудность пребывания в подсобке и усталость как смыло. Не бывает работы трудной, а бывает работа бесполезная. Не зря он сидел. Кто третий? Надо лишь дожидаться.

Минут через двадцать он и она встали и вышли из зала скорым шагом. Видимо, в туалет. Оба? Палладьев вскочил, заглянул на кухню и поманил официантку:

- Инга, они расплатились?
- Полностью.
- Значит, ушли?
- Конечно.
- А...

Начал было лейтенант и умолк, потому что продолжение вопроса получилось бы бессмысленным до идиотизма. Ушли, не дождавшись третьего?

- Инга, а водка в фужере...
- Оставили. Хочешь ее выпить?

Лейтенант вылетел из ресторана скоро и бессмысленно, как пуля из пистолета. Догнать, задержать, опросить? Почему, зачем и о чем? Оперативник должен быть скорее пули, летящей в него, но это возможно, если только мысль способна пулю обогнать. Его мысль гнала ноги до самого кабинета начальника...

Леденцов выслушал доклад с какой-то брезгливостью:

- Палладьев, где ты вырос?
- Вам назвать географическое место?
- Мне назвать национальность твоих предков.
- Русские, товарищ майор.
- И ничего не знаешь о поминках?
- Поминки справляются сразу после похорон.
- Не только.

— По-вашему, товарищ майор, они ждали покойника, чтобы угостить?

— Юморишь? Неужели не знаешь про девятый день и сороковой?

— А, что-то слышал...

Леденцов полосовал каким-то перекрестным взглядом. Палладьев неуютно поежился. Майор приказал:

— Игорь, надо пораскинуть мозгами.

— В смысле?..

— Кого эта парочка могла поминать?

— Есть пораскинуть мозгами, товарищ майор.

19

С возрастом седеют волосы, меняется походка, выпадают зубы... У меня другое — начала раздражать цивилизация. До прокуратуры обычно хожу пешком, а если спешу, то четыре остановки мчусь в метро. Насчет цивилизации, компьютеров, интернетов... Вошел я в вагон. Парень лет девятнадцати в красной вязаной шапочке и с раздутыми щеками, которые краснее шапочки, читает журнал. Под названием «Компьютер» и что-то там еще. Не журнал, а франт: широкий, многоцветный, глянцевый... А рядом стоит бабушка с ищущим свободного места взглядом. Ей никто ничего не уступает. Так что я думаю насчет развития цивилизации и всеобщей компьютеризации! Взять бы в руки компьютер и огреть бы этого краснорожего...

Что же будет с моими нервами в шестьдесят? Начну материть заключенных, выпивать и пропитаюсь запахом следственного изолятора?

Раздеться я успел, но даже сейф не отпер, как вызвал прокурор. Встречи с ним мою нервную систему не укрепляли.

— Сергей Георгиевич, знаю, что выезжать на проишествия не любите...

— Кто любит? — бросил я, как огрызнулся.

— А если необычное?

— Убийство?

— Не совсем.

Что значит «убийство не совсем»? На телесные повреждения следователь прокуратуры, как правило, не выезжает. Я попытался определить:

— Взрыв?

— Нет.

— Пожар?

— Нет.

— Дом обвалился?

— Нет.

— Утопленник, массовое отравление, транспортная катастрофа?

— Сергей Георгиевич, не угадаете.

Интригуя, прокурор был не прав; следователь должен знать, на какое преступление едет. Подготовиться морально и технически. Но подготовиться я не успел, потому что за мной приехал Леденцов. Мы не любим обсуждать предстоящую работу. Тем более что у майора была свежая информация из ресторана «Мираж». Всю дорогу мы пробовали угадать, кого поминала эта парочка, так называемая гейша с напарником. Я не мог взять в толк, чего майор не задерживает их и не доставляет ко мне: хищение двух картин доказать просто — лишь провести опознание. Ждет моей команды?

Машина свернула во дворы. Нас встречали участковый и несколько любопытствующих. Я по привычке направился к парадному, в квартиру, но участковый показал в сторону помойки. У мусорных бачков стояли два дворника, две дворничихи. Прибыла еще одна машина с судмедэкспертом. Значит, все-таки труп.

Мы подошли, но трупа видно не было. Не в бачке же. Разговор с прокурором... Вот что он имел в виду: труп в бачке. Мною забыты убийства новорожденных, которые случаются все чаще.

Я приблизился к бачку вплотную и спросил дворников:

— Где?

Они дружно показали на бачок. Даже не потрудились его открыть, видимо, боялись. Я взялся за крышку, но одна из дворничих мою руку перехватила и отвела ее в сторону, к краю. Там что-то лежало, какая-то пустяковина. Мешочек из полиэтилена.

Я хотел взять, но вовремя спохватился, надел резиновые перчатки и тронул, словно горячий утюг. Не завязан. Полиэтилен мутный, сквозь него видны лишь очертания. Очертания чего? Не бомба. Что-то мелкое, корявое. Я решил, схватил за край и вытряс мешочек на крышку бачка...

Дворники ахнули и отшатнулись. Я смотрел непонимающе, вернее, понял, но не верил собственным глазам, поэтому спросил:

— Что это?

— Палец, — ответил судмедэксперт.

— Человеческий? — глупо уточнил я.

— Бесспорно.

В кабинете думать проще — стены помогают; на тебя не смотрят любопытствующие глаза и не ждут веских умозаключений; и, главное, есть время. Я должен составить протокол. При осмотре трупа описываешь позу, одежду, повреждения... Что описывать тут? Скрюченность, желтую какую-то чешуйчатую кожу, ноготь, залитый спекшейся кровью...

— Откуда он здесь?

— Кто-то выбросил, — ответил участковый.

— Скорее всего, из этих жилых домов, — предположил Леденцов.

Больниц и поликлиник рядом не было. Кто-то выбросил... Человек отрубил себе палец и выбросил? Или человеку отрубили палец и выбросили в бачок?

— Заявлений о членовредительстве или драках не поступало? — спросил я участкового.

— Никак нет.

За палец взялся судмедэксперт. Не сейчас, позже, он скажет о нем много: пол, возраст, группу крови, способ его отъема... Про ДНК скажет и, возможно, сумеет определить профессию... Пока же он сообщил:

— Отрублен грубым оружием, непрофессионально. Значит, не врачом и не мясником.

Тут же на бачке я начал составлять протокол. Мне нужно было привязаться к адресу. Я спросил участкового:

— Двор какой улицы?

— Симферопольской.

Минут пять я заполнял графы протокола, но рука работала все медленнее, мешала какая-то мысль, которая словно заползла в мое сознание.

Я оглядел двор, который на три дома. Угловой выходил на Симферопольскую улицу и на другую...

— А та, которая пересекает, как зовется?

— Стекольная.

— Номер углового дома — сто?

— Да, — подтвердила дворничиха.

Бывал я в том доме, только заходил с улицы Стекольной. Я усмехнулся, видимо, плотоядно:

— Борис, я знаю, чей это палец.

— Чей? — спросил майор равнодушно, полагая, что последуют общие рассуждения.

— Моны Лизы.

— Которая в Лувре, в Париже?

— Елизаветы Мониной, которая жила вон в том доме у художника Анатолия Захаровича Уманского.

Судмедэксперт не то чтобы усмехнулся, а как-то иронично поиграл губами.

— Не ее.

— То есть? — поиграл губами и я, потому что судмедэксперт как бы пересек границу своей компетенции.

— Рябинин, палец мужской.

Люди в поселке Кивалово жили разным. Кто держал козочек, кто размахал огуречные парники, кто в городе работал... Старушки, основное население, тихо обходились пенсиями. В сущности, поселок, как сямский близнец, прилепился к недалекому областному центру.

Корытообразная тачка дребезжала, потому что заброшенную дорогу летние дожди размыли, обнажив узловатые корни и лобастые камни. Кативший тачку парень пнул ее ногой. Его спутница усмехнулась:

— Это лопата тарахтит.

Проселочная дорога шла в карликовом соснячке — взрослые деревья давно вырубili. Парень остановил тачку и простер руку вперед:

— Оля, глянь на чудо.

Среди жиденьких, каких-то полупрозрачных елочек высилась зеленая трехметровая пирамида, расцвеченная собственными оттенками: темной зеленью старых веток и светло-зелеными лапками этого лета. Вырубщики дерево пощадили.

— Кипарис?

— Туя.

— Володя, я даже на самолете не летала.

Нелогичности ее фразы он не удивился. Ольга продолжала давно начатый разговор, который, похоже, не имеет конца и смысла. Чтобы отвлечь, он показал на полянку:

— На одном краю сидели девчата, на другом — парни.

— Как узнал?

— Там конфетные фантики, а вон там банки от пива.

— В поселковом ларьке и конфет приличных нет.

— Зато пиво всегда есть.

Он не понимал ее жалоб. Отстроили дом, из бруса и под шифером, мебель сменили, тридцать соток зем-

ли, яблоневый сад, парник... Где может быть лучше? И все еще впереди, потому что молодые.

— Володя, неужели тебя не тянет?

— Куда?

— Хотя бы в Турцию по туру.

— Знаешь, что мне сегодня приснилось? Береза.

— Чего ей сниться, коли в огороде растет?

— Приснилась береза весенняя, листочки только что появились, еще липкие.

Она смекнула, что Турцией мужа не прельстишь. В рекламе этих туров было, что сорняков в огороде. Виллы, пальмы, волны, яхты...

— Володь, есть острова не чета твоей березе.

— Например?

— Растут диковинные цветы. Крупные и красные, формы женских ягодич.

От придушенного смеха он дернулся так, что лопата в тачке отозвалась звоном, правда, тоже придушенным. Володя понимал тоску молодой женщины по иной и красивой жизни — он не мог понять, как можно сравнивать березу с какими-то красными заподобными цветами.

— Оля, осенью куплю машину, «Фиат-ритмо», модель старая, но на ходу.

— Хотя бы в город станем ездить, — примирилась она, чувствуя свой промах с цветами.

Мелколесье перешло в пустошь, заросшую вереском. Раньше здесь полно было маслят, а теперь почвенный слой, тонкий, как тетрадка, иссекли колеса частных автомобилей. Туристы, те, которые не поехали в Турцию, жгли здесь костры и пили водку. Пустошь с каждым годом чернела и потихоньку становилась местом, по которому отгулял пожар.

— Володя, в тебе есть хозяйственная жилка. В городе ты бы стал бизнесменом.

— Ты их видела, молодых бизнесменов?

— А что?

— Все как на подбор. Шеи толстые, щеки пухлые, крутозадые, не кулаки, а кулачищи...

— Потому что добро должно быть с кулаками.

Пустошь оборвалась. Ее рассек неглубокий карьер, похожий на овраг с плоским дном, по которому шла дорога. Здесь когда-то брали песок, но он кончился, перекрытый пластами супеси. В ней попадались крупные линды глины, за которой они и пришли с тачкой. Прежде чем копать, молодые супруги присели на обрыв.

— Володь, Таньку Животягину помнишь, телятницей работала?

— Которая в город переехала?

— Всего два года там живет, а уже процветает.

— Она же писала, что в морге скальпы снимает...

— Не в морге, а на киностудии, и не скальпы, а клипы снимает... Однокомнатную квартиру приобрела.

Заброшенный карьер походил на кусок пустыни. Что-то вроде барханов. Когда налетел ветерок, то пыльным столбам ничто не мешало свободно перемещаться от обрыва к обрыву. Самый высокий конус даже слегка курился мелкой песчаной фракцией. Но Ольга думала о своем.

— Володь, до нас даже городские приколы не доходят.

— Что за приколы?

— Та же мода...

— Я расскажу, как сейчас модно ходить в городе: он с бутылкой пива, она с обнаженным пупком. Эх, Оленька, ты только прислушайся...

— Ничего не слышу.

— Правильно, в городе звон да гром. А тут тишина хрустальная...

Они переглянулись: в хрустальной тишине что-то прозвучало. Но взгляды тут же отвели, решив, что в полях и лесах тайных звуков множество. Да и показаться могло.

Звук повторился. Теперь они вертели головами, пробуя определить, откуда он исходит. Ниоткуда. Вокруг ни одной живой души. Лес далековато, да и до вересковых зарослей сотня метров. Звук повторился.

— Володя, птица?

— Нет.

— Какой-нибудь грызун...

— Непохоже.

— Тогда что?

Опять. Глухой и тяжелый, словно кто-то невидимый хотел крикнуть и не мог. Оля схватила мужа за руку:

— Володя, земля дышит.

— А не стонет?

— Да, звуки из-под земли...

Он схватил лопату и начал спускаться в карьер. Жена шла за ним. Они двигались, медленно и высоко поднимая ноги, словно боялись провалиться. Желтая супесь была в мелкой ряби, как в игрушечных волнах, — здесь давно не ходили...

Звук другой, стукоподобный и далекий, их остановил. Володе показалось, что этот звук прилетел сверху, откуда они ушли. Но Ольга показала на высокий конус, от ветра курившийся пылью. Они подступили к нему осторожно, как к заминированному...

Внутри отчетливо звякнуло. Володя вонзил лопату в песок и начал его разгребать. Жена вскрикнула непроизвольно:

— Ой, не надо!

— Почему?

— Там сидит.

— Да кто?

— Покойник.

— И постукивает?

Минут через десять спорой работы лопата во что-то уперлась. Володя начал грести осторожнее, пока не

расчистил крошечную твердую площадь. Под лопатой она росла: плоская, крепкая, блестящая.

— Да это автомобиль! — вскрикнула Оля.

Володя скинул с себя всю верхнюю одежду и принялся машину откапывать скоро, молча и терпеливо. Пока не высвободил одну дверцу. Он дернул за нее, отшатнулся от стона и крови, залившей переднее сиденье...

— Олька, будь здесь, а я побегу звонить.

— Не останусь!

— Почему?

— Боюсь.

— Тогда беги ты к соседу, у него машина. Нужно везти в больницу...

21

Лейтенант Палладьев в ресторане «Мираж» прописался. Он вновь дежурил в промежуточной комнатенке, стоял у кисейного полога и озирали столики. Вернее, следил за одним, не отрывая глаз. Там сидело, как обозначил лейтенант, живописное трио.

Мужчина с прямоугольной розовой бородой и в красном пиджаке, художник — его оперативник знал. Второй была женщина в длинном красном струящемся платье; ее лейтенант вроде бы не знал, но предполагал, кто это, — узкие глаза он все-таки высмотрел. Третьего человека не знал и никогда не видел: на темном лице ничего лишнего, даже необходимого — череп, обтянутый тонкой кожей, а на плечах цветастая шаль. Короче, негр.

Сегодня дежурить было неуютно, потому что вместо Инги работал официант, глядевший на оперативника с косым неодобрением. В конце концов официант не выдержал:

— Вообще-то стоять тут не имеете права.

— А кто дает это право?

— Директор ресторана.

— Я принесу санкцию районного прокурора.
— Мы не подчиняемся районному прокурору.
— А генеральному? — внушительно спросил Палладьев.

В ногах правды нет... Глупейшая пословица: как будто правда в том месте, на котором сидят. Лейтенант стеснялся воспользоваться стулом: что за наружка сидя? Майор Леденцов, похоже, в оперативниках ценил, главным образом, ноги. А вот следователь прокуратуры Рябинин, говорят, вывел математическую формулу, которая звучит примерно так: вероятность задержания злоумышленника прямо пропорциональна затраченному на обдумывание времени.

Ресторан пустовал, заняты лишь два столика, поэтому официант толкся рядом. Видимо, Палладьеву дежурить тут придется еще не раз. И он ради контакта примирительно спросил:

— Неужели работать тут интересно?

— Не всегда я был официантом, — буркнул парень и, помолчав, мысль развил: — Служил арт-менеджером в ночном клубе-ресторане.

— Чего же ушел?

— Караоке замучила: стоит очередь, поют, орут всю ночь...

— А здесь тихо, как на лекции.

— Вечером зашумят.

Лейтенант понимал, что работа официанта нелегкая, почти физическая. Но в голове не укладывалось, как это молодой плечистый парень разносит котлеты и забирает грязную посуду? Ему бы в милиции дежурить да по адресам бегать. Чтобы законтачить, Палладьев спросил почти дружески:

— Небось за день набегаешься?

— Ноги гудят.

— Зато питание деликатесное. Кролик в вине, шашлыки...

— Мне нельзя, гастрит.

— Что же ты ешь?

— Бульоны.

— Тоже неплохо. Жизнь на земле зародилась в бульоне, — утешил лейтенант.

— В курином? — хохотнул в кулак официант.

— Не в курином, а в протобульоне. Ученые говорят.

— Они и «в супе» скажут.

Поняв, что легкой беседы о науке не выйдет, оперативник перескочил на тему иную, как локомотив на другой путь. Он кивнул на стол:

— Эта троица, наверное, не бульон кушает?

— Они вообще не кушают.

— А что делают?

— Только пьют.

— Без закуски?

— Мандаринчиками.

— Водку?

— Они пьют напитки Телавского винного погреба, — с достоинством защитил он клиентов.

— Это какие же?

— «Кахети», «Тбилисури», «Ахашени».

Лейтенанту количество емкостей было не рассмотреть, но, судя по маркам вина, выпито три бутылки. В бокалах же его не подают. По бутылке на человека? То-то художник машет руками.

Официант сбегал на кухню, вернулся и бездельно встал рядом. Палладьев долго примерялся с вопросом, подыскивая что-нибудь нейтрально-отдаленное:

— Девица-то классная?

— Раскосая брюнетка.

— Нерусская?

— Наверное, какая-нибудь чилийка или перуанка, если пришла с негром.

— А на каком языке изъясняется?

— На нашем. Сказала, что ее стиль «гейша».

— И похожа?

— Я живых гейш не видел, но у этой на бровях татуировка.

Палладьева согрел теплый толчок, как охотника, увидевшего оборванный след — все, зверь рядом. Почему Рябинин с майором тянут? Да, ноги оперативника... Но скорой должна быть и мысль оперативника. Художника они знают, а установить личности этих двух, гейши и негра, проще, чем хлебнуть банку пива. Они выпили по бутылке вина, пойдут на улицу, наверняка пошатнутся... Тут и пригласить их в РУВД за появление в нетрезвом состоянии в общественном месте.

Лейтенант вспомнил имя официанта, слышанное от Инги.

— Михаил, о чем они говорят?

— Треплются.

— Все-таки.

— Этот, с бородой, рассказывал последние приколы.

— Анекдоты, что ли?

— Похоже.

— А гейша?

— Сообщила, что она чемпионка по стриптизу на шесте.

— Ну, а мужчины что?

— Бородатый ее поправил: не на шесте, а вокруг шеста. Пойду уберу пустые бутылки.

Ловить проще, чем следить. Там энергию выплескиваешь, а тут ее сдерживаешь. Слежка — это судорожное томление. Следовательно Рябинин утверждает, что любого преступника мучает совесть, надо только уметь это заметить. Наивный он, Рябинин, хотя ему и полсотни. Хохотавшая гейша — воровка, мошенница, насильница и еще бог знает что... С аппетитом выжрала бутылку дорогого вина, и совести ни в одном глазу.

Вернулся с посудой официант.

— Миша, о чем они говорили?

— Про улитятину.

— Про утятину?

— Нет, улитятину, мясо улиток, сваренных в белом вине.

— С чего такой разговор?

— Вспомнили какой-то ресторан.

Официант поставил опустевшие бутылки на подхватный столик и шагнул в зал опять к этим трем клиентам. Они встали и, видимо, расплатились. Уходят? Да, пошли. Лейтенант почти прыжком достиг их столика и плечом Мишу отшвырнул. В приготовленный целлофановый мешочек аккуратно, за одни ножи, уложил бокалы.

— Опер, спятил? — официант распаленно подступил, готовый броситься.

— Миша, так надо.

— Поставь посуду на место!

— Она нужна для экспертизы.

— Я за бокалы отвечаю.

— Миша, кого ты покрываешь?

— Почему покрываю?

— Негр, знаешь, кто? Людоед. Женился на русской и сожрал ее.

Официант застыл в окаменевшей позе. Но Палладьев уже ринулся к выходу, на улице он достал мобильник и позвонил Леденцову:

— Товарищ майор, отпечатки пальцев взял, но клиенты уходят.

— Кто да кто?

— Художник, гейша и негр. Задержать?

— Ни в коем случае. Молодец, лейтенант.

— Чего... молодец?

— Установил, что художник с гейшей связан.

22

С годами меня все сильнее раздражают СМИ. Особенно с криминальной тематикой. До прихода свидетеля я пробежал статью о наказании. Автор толкал замшелую мыслишку, что тюрьма не воспитывает. Он

эту мыслишку развил: на свободе, мол, преступник скорее перевоспитается. Юмор в том, что до тюрьмы человек пребывал как раз на свободе — чего же не перевоспитался?

Все чаще пишут, что негуманно лишать свободы. Конечно, негуманно. Но так и хочется спросить этих умников: что вместо тюрем? Знают ли они, что...

Дверь отлетела, как щепка. Входил свой человек, то есть она, СМИ, а точнее Антонина Борисовна. Журналистка популярного еженедельника. Чтобы отразить атаку, я напал сам:

— Новой информации нет.

— Сергей Георгиевич, мне сойдет и старая.

— Почему же? — не поверил я.

— Работаю над журнальным сериалом о гуманизме.

— Это, значит, о чем?

— О том, что в любом преступнике прежде всего надо отыскать человеческое. Разве не так?

— Антонина Борисовна, я не успеваю.

— Чего не успеваете?

— Отыскать человеческое, потому что преступник прежде всего показывает зверское.

Она закурила вдумчиво. Черная кожаная куртка лоснится, да и темные волосы блестят в тон куртке. Губы подкрашены косо. Брови выщипаны неравномерно. Что касается запаха духов, то вокруг нее поплыли тесемочки белесого дыма. Я все прощаю женщинам, кроме неженственности.

— Сергей Георгиевич, читали мой очерк о матери и двух сыновьях?

— Где вы призываете мать пожалеть?

— А как же! Любой образованный человек скажет то же самое.

— Не любой, Антонина Борисовна. Вы пляшете от литературных штампов. Матерей надо жалеть... А эта ваша мать вырастила двух пьяниц и убийц.

Журналистка закашлялась от дыма или от моих

слов. Она не знала, каково следователям, операм и участковым иметь дело с асоциальными семьями. В отдельных квартирах микрорайонов пили, дрались и насиловали. Никто их не проверял и никто с них ничего не спрашивал. Меня удивляло: критикуют президента страны, губернаторов, армию, Думу... И только в семье делай что хочешь — пей, калечь ребенка, бей жену...

— Сергей Георгиевич, — откашлялась журналистка, — не уважаете вы четвертую власть.

Значит, ее, как представительницу средств массовой информации — Всесильной прессы.

— Антонина Борисовна, не понимаю, откуда она, четвертая?

— Шутите?

— А подумайте. Первую власть, законодательную, выбирают. Значит, от народа. Вторую, исполнительную назначают те, кто был избран. Значит, тоже от народа. Судебную избирают, опять-таки народная. А четвертая власть от кого?

Антонина Борисовна скоро и затяжно докурила сигарету, но не затем, чтобы мне ответить, а ради того, чтобы закурить следующую. Поскольку она молчала, то я помог:

— Три власти от народа, а четвертая выходит от факультета журналистики?

— Я оценила ваше остроумие, господин следователь.

И она взялась за свою глыбистую сумку, которую так и не открыла. Обиделась. Следователь, журналист... А ведь я мужчина, она женщина, и она как бы мой гость.

— Антонина Борисовна, хотите кофе?

— А где он у вас? — не поверила журналистка.

— В шкафу.

Я засуетился. Чашки не очень чистые — это я их в свое время не отмыл; кофейный порошок в банке сле-

лался комочками — это майор Леденцов залез туда мокрой ложкой; кускового сахара почти не осталось — это лейтенант Палладьев его сгрыз. Включив кофеварку, я спросил:

— Антонина Борисовна, какая информация вас интересует?

— Никакая.

— Разве вы не за ней пришли?

— Наоборот.

— В каком смысле?

— Принесла вам информацию.

Ее информацию я представлял. Из жизни бомонда и всяких звезд. Какая разошлась с педиком и сошлась с лесбиянкой, какой артист запил и какой начал колотиться, где рожала певица и где купил виллу прикольный артист, куда делся олигарх и с кем сбежала его жена...

— Сергей Георгиевич, у нас в редакции есть сотрудница. Знает языки, читает зарубежные журналы и разные бюллетени и проспекты...

— Молодец.

— Говорит, что на аукционе «Кристи» была выставлена картина «Натюрморт» Кандинского.

— Другая, что ли?

— В журнале была фотография. Один к одному, как наша. И размер тот же.

— А кто продавец?

— Как всегда, анонимный.

Мы смотрели друг на друга молча. Не знаю, о чем думала Антонина Борисовна, но меня парализовала догадка. Неужели с нами сыграли элементарную двухходовку? В тишине кто-то фыркнул. Я глянул на гостью — не она, а кофеварка. На каком-то автомате наполнил чашки, о чем-то поговорил, попрощался... и тут же позвонил Леденцову. Выслушав, он заключил:

— У них копия.

— Наш музей копировать не давал.

— А как-нибудь вне музея?

— Картина музей не покидала.

— Как же не покидала? — видимо, усмехнулся майор.

Картину крали и она несколько дней была у воров. Что Леденцов хочет сказать? И я сказал то, что хотел сказать он:

— Думаешь, они сняли копию?

— И продали за границу. Ее галерея и выставила на продажу.

— Нет, Боря. Во-первых, новодел эксперты сразу бы определили; во-вторых, копировать один к одному запрещено международной конвенцией.

— Тогда как?

Я помолчал, взвешивая догадку. Хотя что теперь взвешивать, когда нас провели, как двух лохов? И музей лопухнулся. Не дождавшись ответа, майор спросил:

— Считаешь, что не скопировали?

— Нет, скопировали.

— Где же копия, если не на аукционе «Кристи»?

— Висит в нашем музее.

Теперь Леденцов помолчал, обдумывая. Недолго, тут же удивившись:

— Музей разве не проверил?

— Чего проверять... Ты вернул им краденую картину, они ее повесили.

— Зачем же вору вся эта история с копией?

— Картина на месте. Утих шум, перестали искать, таможня успокоилась... И подлинник спокойно вывезли.

— Как же мы с тобой сразу не вружились?

— Стареем, Боря.

— При чем тут возраст?

— Молод тот, кто любознателен.

Третий день стоял Палладьев у выбранной им точки, с которой был виден противоположный дом, где находилась мастерская художника. Наружка.

Лейтенант не понимал... Рябинин славился мастерством допроса. У студента отобрали картину, старушку обманули, одну девицу изнасиловали, у второй из квартиры украли рисунки — и всё это дело рук этой самой гейши. Задержать ее на трое суток и допросить по всем правилам криминалистики. Рябинин умеет. Или он хочет разобраться с кражей в музее и поэтому не спешит?

Палладьев поежился — ершистая погода. Студеный ветерок скатывался с крыши прямиком за шиворот. В наружку стоило одеваться теплее. И сменщика не дали — кофейку попить не отойти.

Кусок противоположного дома как на ладони. Зрение оперативника так сфокусировалось, что дома он не видел, а только входную дверь. На фоне этой двери возникла мгновенная фигура гейши — лейтенант выхватил из сумки камеру и успел дважды щелкнуть.

Гейша пошла к художнику. Она приходит уже третий день.

Лейтенант улыбнулся дворничихе, чтобы удержать ее от вопроса. Еще бы: третий день парень торчит во дворе. Никому не известный, не бомж, не пьяный... Фотографирует, хотя военных объектов рядом нет. Не квартирную ли кражу замышляет?

Нет ни напарника, ни прослушки, ни автомобиля... Есть уйма свободного времени, которого всегда так не хватает. Но это свободное время особое: ни уйти, ни почитать, ни музыку послушать... Вроде свободного времени заключенного.

Рядом из парадного вышла старушка, жившая на первом этаже и следившая за опером из окна:

— Милый, стульчик принести?

— Какой стульчик?

- Раскладной.
- Нет, не надо.
- А горяченького чайку?
- Спасибо, бабушка, я ухажу.

И он переместился метров на тридцать от окон сердобольной женщины. К этим старушкам у Палладьева было отношение двойственное: они могли поднять раненого милиционера и могли приютить убийцу.

Напрасно лейтенант улыбался дворничихе — она приблизилась как-то неуступчиво. В ее голосе звенела некоторая властность, полученная от участкового:

- Молодой человек, что стоим?
- Дышим.
- Третий день?
- Разве запрещено?
- Тут один тоже днем стоял, а ночью иномарку угнал.

Палладьев в силу своих возможностей искажил лицо скорбной гримасой, а в голос капнул слезливости:

— Если откровенно, караулю одного джентльмена, к моей жене ходит.

- Из РУВД?
- Почему из РУВД? — удивился он.
- Милиционер.
- Почему милиционер?
- Сам сказал, джентль...мент.
- Ага, вот и он и вместе с моей супругой...

Художник с гейшей вышли из мастерской. Лейтенант прервал беседу и последовал за ними. Он не спешил, потому что знал их маршрут, повторяемый два предыдущих дня. Театральный институт, или по-теперешнему академия? Сейчас сядут в автобус.

Чтобы не засветиться и опередить, Палладьев взял частника. Смешно, нет транспорта. Оперативник без машины, что бедуин в пустыне без верблюда, точнее, что хоккеист без коньков. Какая пустыня, если машина тут же попала в пробку? И не посигналишь, доро-

ги не потребуешь, удостоверение не предъявишь... Никаких привилегий. Палладьев вспомнил, что в Японии император обязан встать на красный свет.

Пробка задержала, но все-таки успел — странная парочка входила в институт. Лейтенант опять-таки не торопился, потому что знал, куда они идут. В буфет, сесть за столик и выпить по чашке кофе. С девушкой, видимо, студенткой. Поговорив с ней полчаса, они ушли.

Рассмотреть студентку лейтенанту пока не удалось. Вроде бы черноволоса и темноглаза. Поскольку художник лишился натурщицы, то, скорее всего, он искал замену. Но при чем здесь гейша? Кто она ему: любовница, натурщица или соучастница?

Выждав, Палладьев вошел в здание. Он двигался, словно по наледи скользил, — медленно и согбенно. Боялся попасть на глаза художнику, наверняка запомнившему оперативника, который в свое время в ресторане «Мираж» разбирался по поводу нападения с ножом. Да и гейша могла его заприметить.

Все было как и в предыдущие дни. Троица пила в буфете кофе. Лейтенант приткнулся за дверью и наблюдал за ними сквозь мутное стекло — художник что-то доказывал с тихой страстью, отчего борода мелко подрагивала. Палладьева иногда охватывало состояние глупое, но жгучее. Вот и сейчас...

Он достал из сумки берет, напялил на голову до самых глаз, прошел в небольшой залик и сел за дальний стол. Ничего не слышно. В век электроники, когда записывают разговоры морских рыб в глубинах, сидеть и дергать ушами, вроде зайца на опушке. Но художник достал что-то из кармана и протянул девушке.

Жгучее состояние неодолимо. Палладьев вскочил и прошагал к их столику, чтобы пройти мимо. Приблизившись, увидел в руке художника пачку долларов, но, когда поравнялся, гейша сидя изогнулась и вскинула

ногу, как заправский футболист, — тупой носок ее ботинка врезался оперативнику в пах...

От пронзительной боли он упал на колени. Сколько стоял? Когда вернулось дыхание и лейтенант поднялся, ни гейши, ни студентки не было. Перед ним стоял лишь художник с виновато-удивленным лицом.

— Где эта бандитка? — хрипло спросил оперативник.

— Она не бандитка.

— А кто же?

— Это моя телохранительница.

24

Почему «навязчивое состояние» психиатры считают душевным расстройством? Тогда мой рассудок мутнеет от каждого уголовного дела. Даже не от дела, а от каждого нового эпизода. Я ни о чем не мог думать кроме музея, где висела фальшивая картина. Да фальшивая ли?

Я позвонил директрисе музея и осторожно сообщил новость. Она гмыкнула неопределенно.

— Вы не удивились? — удивился я.

— Знаете, когда полотно вернули, оно мне показалось каким-то свеженьким...

— Чего же не подняли шум?

— В музее температурный режим, а на улице... Подумала, что картина запотела.

— Вы же специалист...

— Немедленно организую экспертизу.

Теперь спешить некуда. Я уже думал о другом: как связаться с аукционом «Кристи»? Через Интерпол? Или проще дождаться результата экспертизы в музее? Ясно одно: если до сих пор расследование шло по тропинкам пунктирным, то теперь оно сворачивает на колею видимую.

Телефон, мой мучитель, застрекотал. Голос проку-

рора района — суровый и вязкий, потому что тот, кто приказывает, не стрекочет, — уведомил:

— Сергей Георгиевич, происшествие.

Само собой, я стал увиливать всеми разумными и правдивыми ходами: на прошлой неделе выезжал, много работы, есть вызванные повестками, в конце концов, веду муторное дело по взрыву шара боулинга... Он пресек стенания кратко:

— По музею вы следствие прекратили?

— Какое происшествие? — сдался я, не пробуя второпях объяснять, что картина все-таки похищена.

— Сергей Георгиевич, что может быть кроме трупов?

— Сколько?

— Один, — успокоил прокурор.

Если вызвали следователя прокуратуры, то труп наверняка криминальный. Скорее всего, убийство. Нужно настроиться на серьезную работу, но сознание не механизм — кнопкой не переключить. В машине по дороге я думал только о картине.

И лишь когда вошел в квартиру, увидел Леденцова, судмедэксперта, двух понятых, участкового и, главное, лужу полувисохшей крови на полу, в моей голове бесшумно щелкнуло — я включился в осмотр места происшествия.

— Лабазин Андрей Петрович, хозяин квартиры, — участковый обозначил труп.

Погибший сидел в кресле и смотрел на нас. Я подумал, что редко видел открытые глаза — сами ли они закрывались, врач ли это делал, кровью ли их заливали?

— С кем он тут жил? — спросил я участкового.

— Один, холостяк.

Я наклонился: поперек шеи, словно по ней протаскивали толстую раскаленную проволоку, темнел запекшийся кровью узкий вдавленный желобок. Странгуляционная борозда. Та самая, которая остается у повешенных.

У меня вертелся естественный вопрос, но его накрыло воспоминание об утренней дьявольской ассоциации. Если двадцать лет созерцать кровь и мертвые тела, то что почудится созерцающему? Сегодня брюсь, вижу свою стареющую шею, и чего-то мне на ней не хватает. Именно strangulation борозды.

— Причина смерти? — наконец-то задал я главный следственный вопрос.

— Задушен.

— Откуда же кровь?

Судмедэксперт нагнулся и приподнял руку трупа — вместо одного пальца была кровавая култышка. Я поморщился непроизвольно. Тело от того пальца, который мы нашли в мусорном бачке... или палец от этого трупа...

— Пытали, — вздохнул участковый.

— Нет, сперва задушили, а затем отрубили палец, — объяснил судмедэксперт и сам же удивился: — Но зачем?

— Чтобы доказать, — предположил бывалый майор.

— Что доказать? — не понимал доктор.

— Факт убийства.

— Кому доказать?

— Заказчику.

Глаза Леденцова сверкнули почти озорным блеском. Я не сомневался, что ему пришла оперативно-озорная догадка. Он ее и выложил вполголоса только для меня:

— Сергей, теперь понятно, по ком справляла поминки та парочка в «Мираже».

Если это так... Вообще-то размышлять я буду дальше; здесь надо собирать информацию. Бывалые следователи говорят: спеши выехать на место происшествия, но не спеши оттуда уехать, и я не спешил, поэтому удивился, заметив на стеллаже баночки с красками, засохшие кисти, этюдник...

— Кем он работал? — спросил я участкового.

— Инженер.

— Кто к нему ходил? — теперь спросил у понятых его соседей по лестничной площадке.

— Только одна девушка, — ответила дама интеллигентного вида.

— Любобовница, — уточнила вторая, простоватая.

— Бойфренд женского рода, — поправила интеллигентная.

— Что вы о ней знаете?

— Вежливая и тихая, — сказала первая.

— Звать Елизаветой, но давно не приходит.

Мы с Леденцовым переглянулись, задетые, видимо, одной догадкой. Краски, Елизавета... Мони́на была любовницей гражданина Лабазина, который убит в этом кресле. Все это надо проверять. Тщательно допросить этих двух понятых, найти родственников убитого, вызвать сослуживцев... Когда нет следов — злишься, когда много следов — теряешься.

Елизавета Мони́на ушла от Лабазина к художнику? Мотив убийства лежал на тарелочке с голубой каемочкой. Только не верил я в тарелочки...

В квартиру вошел, как ворвался, Палладьев. Видимо, его привело какое-то оперативное состояние. Он приблизился к своему начальнику, намереваясь что-то шепнуть ему на ухо. Но увидел покойника...

Не может быть, чтобы лейтенант испугался трупа. Да опер смотрел не на лицо, а на рубашку.

— Что? — спросил я.

— Подтяжки...

— Ну, подтяжки.

— Желтые. Это он в ресторане «Мираж» ударил художника ножом.

Анатолия Захаровича вызвали в милицию. Не повесткой, а телефонным звонком. Он не сомневался, что по поводу вчерашнего инцидента в буфете теат-

рального института. Вышло глупо и ни к чему. Не посоветоваться ли со следователем прокуратуры Рябининым? Но художник от этой мысли отказался, потому что прокуратура и милиция — одна компания.

Художник долго мыл руки, испачканные гуашью. Потом вытер лицо салфеткой, пропитанной туалетной водой с запахом востока. Надел выходной бордовый костюм, поскольку шел в казенный дом. И уже перед выходом проглотил сто граммов коньяка, тоже с запахом востока, правда, который немного южнее.

По мере приближения к милиции, в художнике нарастало раздражение. Дело в том, что к пяти часам его пригласил один деловой человек неизвестного подданства и непонятной национальности. Его интересы лежали в области антиквариата и раритетов. Было обещано бербейж на крыше пентхауза. Что же вместо?..

Анатолий Захарович вошел в здание РУВД и отыскал нужную комнату. Пожилой капитан изобразил вежливую улыбку:

— Присядьте, Анатолий Захарович: подавали заявление об угоне автомобиля?

— Да.

— Нашли, — теперь капитан попробовал изобразить радость.

— Не может быть, — попробовал удивиться художник травянистым голосом.

— И представьте, целый и почти невредимый.

— Что значит почти?

— Вмятина на крыше да мотор забит песком...

— Откуда песок?

— Машину обнаружили за городом, в карьере, заваленную песком.

— Воров поймали?

— К сожалению, нет.

Анатолий Захарович подумал, что заявление о краже автомобиля у него принимали не в этой комнате, не в этом здании и не этот сотрудник. Вроде бы гово-

рить больше не о чем. Нет, капитан должен спросить, будет ли потерпевший забирать машину. Зачем? Она далеко, за городом, не на ходу, платить деньги за доставку, потом за ремонт, машина поношенная... И художник поднялся. Тогда капитан спросил, как слова обронил:

— Анатолий Захарович, а что в машине возили?

— Себя.

— А какие грузы?

— Не грузы, а людей.

— Что-нибудь цветное, маслянистое, липкое...

— Дикий вопрос, господин капитан. Ездил я редко и кроме друзей никого не сажал.

— Мясо не возили? — задал капитан еще более дикий вопрос.

— Не понимаю...

О тупости милиции художник был наслышан. Но не до такой же степени. Какое мясо? Может быть, у них такой следственный прием? Не подозревают же его в хищении собственной машины? Или подозревают, мол, инсценировал ради страховки.

— Анатолий Захарович, пол вашего автомобиля залит кровью.

— Откуда мне знать, что делали угонщики?!

Видимо, его голос, почти крик, вырвался в коридор. Дверь открылась. В кабинет вошел молодой человек, которого художник не сразу узнал: уже знакомый оперативник. Видимо, кабинет был его, потому что капитан исчез незаметно, как табачный дым. Смущение заставило художника непроизвольно чесануть бороду:

— Молодой человек, прошу извинить за вчерашний инцидент.

— С чего она бросилась?

— Я вам говорил, телохранительница.

— Бить-то зачем?

— Ей показалось, что вы хотите на меня напасть.

— Вообще-то, кто она такая?

— Нонна.

Анатолий Захарович догадался, что вызвали его не из-за машины, которую, может быть и не нашли. У этого молодого оперативника слишком острый зыркающий взгляд. Надо было прийти с адвокатом. Но художник вспомнил, что адвокат положен тому, кого обвиняют в преступлении, — он же потерпевший.

— Анатолий Захарович, ее фамилия, адрес?..

— Не знаю.

— Как же так? Нанимали ее через бюро?

— Нет, кто-то из художников порекомендовал.

— Почему женщину, а не мужчину?

— Модно.

Анатолий Захарович видел, что его словам не верят. При упоминании моды губы опера слегка оттопырились, готовые к иронической усмешке. Этот юный мент не подозревает, что мир живет модой и по моде. Плевать на его губы — милиция то место, где никому и ничему не верят. Все-таки растолковать следовало:

— Сила женщины в неожиданности. Хрупкая девушка, и вдруг сбивает с ног.

— Она... того... сбивает?

— Стопроцентный эффект неожиданности. В телохранительницы берут высоких, под сто восемьдесят, а Нонна мала.

— Почему же тогда наняли ее?

— Если откровенно, то из-за японства.

— Как?

— Потому что японка.

— А она японка?

— Бывшая гейша. Я видел ее в кимоно и с поясом оби.

— Анатолий Захарович, какое отношение национальность имеет к телохранительству?

— Она виртуоз в различных айкидо и прочих кунг-фу. Говорила, что имеет пояс какого-то там цвета.

Художник ощутил в себе пустоту и слабость. Он огляделся. Где сидит? В кабинете уголовного розыска: два стола, две лампы, два сейфа... На свободном столе лежит странный металлический предмет, похожий на зазубренную шестеренку. Он вспомнил: фурикен, метательная звезда с острыми краями. Нонна показывала. Но противная пустота в груди разрасталась. Художник знал, отчего она: кончилось действие ста граммов коньяка.

— Анатолий Захарович, если вы не знаете ее адреса, как же тогда общаетесь?

— Она мне ежедневно звонит.

— На квартиру?

— В мастерскую. Квартиру после смерти жены сдаю.

— Сколько вы этой гейше платите?

— Положено пятьдесят долларов в час, но я даю меньше.

Оперативник встал. Поднялся и художник, полагая, что вопросы кончились. Но у этого молодого человека в запасе была вопросительная усмешка:

— Машину заберете?

— Зачем она мне, окровавленная...

— Что же, Анатолий Захарович, вам так не везет?

— В смысле?

— В ресторане на вас покушались, автомобиль угнали, натурщица пропала... Кого вы боитесь, если завели телохранителя?

— А кого боится народ и ставит вторые металлические двери?

26

Когда в моем кабинете появлялся майор, я всю работу отодвигал. Или задвигал в сейф, поскольку ко мне пришел друг. Совместные выезды на происшествия мы за встречи не считали хотя бы потому, что там ни поговоришь, ни кофейку не выпьешь. Лицо майо-

ра стягивала какая-то сухость. Или это оперативные заботы?

— Боря, так в отпуске и не был?

— Хочу пойти.

— И куда двинешь?

— Туда, где начисто отбивает память.

Я понял. Нет, не бокс, не пьянство, не наркота... Леденцов хотел освободить голову от цифр, адресов, имен, разработок операций и указаний Главка. Он хотел отдохнуть.

— Значит, на пляж в Турцию, — опрометчиво предположил я.

Майор усмехнулся ядовитой желтоватой усмешкой, которая такой показалась из-за рыжеватых усов. Эту улыбку он подкрепил словами:

— Неужели я похож на человека из стада?

— Тебе надо сменить окружение. Какая-нибудь турпоездка...

— Есть у меня три адресочка. В горах Кавказа сто лет назад женщину засыпало. Хочу съездить.

— Куда?

— К этой женщине. Она до сих пор появляется в пещере. Молодая, вся в белом.

— Ты холостяк, но разве здесь, на равнинах, мало женщин?

— Мне с ними скучно, как в морге.

Мы отдыхали. Я варил кофе, точнее, кипятил воду, сыпал растворимый порошок и бросал сахар. Надо бы покультурнее, сливок, что ли, купить. В процессе кофепития майор удивлял меня двумя качествами: кофе он мог выпить столько, сколько я чашек налью, и как бы напиток ни был горяч, хоть кипел, проглатывался единым глотком.

— А второй адресочек? — заинтересовался я.

— Съездить в Дубаи на верблюжьих бегах.

— Какая ерунда.

— Не скажи: есть верблюды ценой в четыре миллиона долларов.

— Ну, еще куда?

— В Африку, поиграть в модную сейчас игру элф-полло.

— Что это?

— Поло, только на слонах.

— Банджи-джампинг не пробовал? — съехидничал я, вспомнив вычитанное современное развлечение, прыжки с высоты на веревке.

Леденцов глянул на часы — время оперативника плотнее, чем время следователя. Он спешил на совещание, на котором намечалась программа борьбы с преступностью в районе. По-моему, эта программа давно изложена и зовется уголовным и уголовно-процессуальным кодексами. Видимо, эта плотность времени толкнула озвучить мысль:

— Сергей, пора закругляться.

Я понял, что он имел в виду не кофепитие, а расследование дела о художнике. Закруглиться — значит задержать причастных лиц, арестовать, предъявить обвинение и передать в суд. Майор не хуже меня знал о недоделках и белых пятнах, но надеялся доделать на ходу, пока я буду вести допросы и оформлять процессуальную писанину.

— Боря, где картина, отобранная у студента гейшей с напарником?

— Ищем.

— Где картины, отобранные у старушки?

— Найдем.

— Где рисунки Рериха, украденные у девушки по любовному объявлению?

— Сергей, мы знаем, кто это сделал и как. Ты же не раз вменял кражу, хотя похищенная вещь не находилась.

— Мы почти ничего не знаем ни про гейшу, ни про ее напарника. Да и о художнике...

— Палладьев работает, завтра материалы будут у тебя на столе.

Понятие «раскрытие преступления» и «расследовать преступление» не совпадают. Майор раскрыл — указал на преступников. Мне оставалось разобраться. Он знал, что без его оперативной поддержки я не справлюсь, а он без моего процессуального оформления будет работать впустую. Тогда к чему он завел разговор? К тому, чтобы я не погряз в ненужной и лишней писанине.

— Боря, мы лишь предполагаем, кто украл картину из музея и продал за рубеж.

— Возможно, она в музее и висит, а за рубеж попала копия.

— Во всех случаях надо дождаться заключения экспертов. Боря, а труп в желтых подтяжках? Нет даже подозреваемого.

Золотистые усики майора при всей своей малости сумели взметнуться. Лицо покраснело так, словно он выпил не пару чашек порошкового кофе, а хватил стакан водки. Заговорил он другим тоном, который предвещал переход от деловой беседы к деловой ссоре.

— Неужели, Сергей Георгиевич, нет подозреваемого? Фигуранты, причины, способ, мотив известны.

— А какой мотив? — прикинулся я.

— Ревность. Женщина — Моница — ушла от убитого к художнику. Ведь он бросался с ножом на художника в ресторане.

— Полагаешь, убил художник?

— Ну, может, не лично.

Для ревности нужна любовь, да сильная. Художник не казался мне обуреваемым страстью — равнодушным он мне казался. Пропала натурщица и пропала. Палладьев утверждает, что Анатолий Захарович в театральном институте нанял другую. И мне вспомнились не лишние некоторое изящества слова художника: любовь — это нарядный секс.

— Боря, есть обстоятельство, без которого следствие кончить нельзя.

— Какое?

— Надо отыскать Монину.

— Если ее нет в живых?

— Тогда отыскать труп?

— Сергей, ты прекрасно знаешь, что труп можно искать годами и не найти.

По следующей чашке мы выпили молча. У меня тоже был упрек наготове: по взрыву боулингового шара в клубе уголовный розыск не дал мне никакой зацепки. Но мобнльник в кармане Леденцова меня опередил. Майор его вынул и, сказав раза четыре «да», встал торопливо.

— Боря, что случилось? — спросил я бессмысленно, поскольку ничего, кроме происшествия, у начальника убойного отдела случиться не может.

— Я в музей.

— По поводу?..

— Непонятная колбасня. Вечером звякну...

27

В музее должен быть свой запах — музейный. Старого, старинного, даже древнего. Застойного дерева, лежалой ткани, ветхой кожи. В музее должен быть запах ушедшего времени. Валентина Казимировна принюхалась: духи и дезодоранты. От посетителей музея. Чем, кроме духов, может пахнуть девица в замшевых брюках, замшевом пиджаке и в замшевой кепке? Точнее, кепи. Или это парень?

Смотрителем музейных залов Валентину Казимировну взяли не сразу. Из-за ее семидесяти лет. Но возраст определяется не количеством лет, а количеством болезней. Она рассказала кадровикам, как выносила мусор, дверь захлопнулась, и пришлось лезть по пожарной лестнице до балкона третьего этажа. И ведь справилась...

Подросток ходил по залу спотыкаясь. Валентина Казимировна догадалась — он смотрел не на картины, а на свой мобильник и дисплей. Играл в одну из мобильных игр. Все посходили с ума: телевизор показывал бесконечные игры. Угадывались слова, буквы, страны... Боролись за миллионный выигрыш... Неужели людям нечего больше делать?

Девушка в кепи... или парень в кепи — в общем, оно — стало у картины странной. Их тут полно, странных, но эта выглядела нагло: надгробие, на котором сидит голая женщина. «Попраие смерти». Уж больно очевидное попраие — толстым розовым задом.

Валентине Казимировне показалось, что «кепи» хочет что-то узнать. Надо подойти.

— Вам помочь?

— Нет, спасибо.

— Я вижу, вы озираетесь...

— Голая на могиле, — буркнуло «кепи».

— Да, мораль падает. Неужели скоро голые станут ходить и по улицам?

— Не станут.

— Но к тому идет.

— Будут ходить в кальсонах.

По голосу Валентина Казимировна определить половую принадлежность «кепи» не смогла, но определила по упоминанию кальсон. Значит, парень.

И она подумала, что зря пошла дежурить именно в этот зал. Какой тут может быть запах времени, если экспонируется современное искусство? Для молодежи. Вон одна девушка не может оторваться от картины, на которой не то удав свернулся, не то пожарный шланг завязан бантиком. А девушка перешла к другой картине под названием «Кактус» — из глиняного горшка торчала блестящая игла шприца. Чего удивляться, если сама девушка выглядела «а ля чучело».

Которое «кепи» зал покидать не спешило. Теперь оно стояло у картины и, казалось, хотело что-то спросить. Валентина Казимировна подошла.

— У вас вопрос?

— Это кто?

— Тут надписано: «Портрет муниципала».

— Скелет?

— Почему же... Служащий мэрии.

— Ископаемый?

Валентина Казимировна вопросов побаивалась, так как никакого художественного образования не имела. Ей надо бы стоять не в этом зале, а в петровском, где восемнадцатый век. Крановые пейзажи, собрание резного камня, коллекция русских лаков, фарфоровые канделябры...

Теперь «кепи», поманив рукой, указало на полотно:

— Лапшу на уши вешают?

— Называется «Обнаженная в ромашках».

— Где обнаженная, где ромашки? Куча цветного мусора.

Валентина Казимировна хотела объяснить, как рисуются картины: грунт, красочный слой, лак. Но она не знала, как обратиться — девушка или молодой человек? Ей и самой мало что здесь нравилось. Например, полотно «Кирпич»: бурый прямоугольный брусок — кирпич он и есть кирпич. «Пастух» оказался не пастухом, а Дон Кихотом. Уж не говоря о небольшой картине, на которой, по ее представлению, изображался початок кукурузы, оказавшийся ракетой.

«Кепи» хихикало. Уж полчаса ходит по одному залу и долго стоит у каждого полотна. Валентина Казимировна опять подошла. С картины улыбался пухленький человек благообразного вида. Работа называется «Нечто».

— «Нечто» — это что? — спросило «кепи».

— Наверное, трансвестит, — необдуманно предпо-

ложила Валентина Казимировна первое, что пришло на ум.

— А трансвестит — кто?

— А не рыба и не мясо.

— Как?

— Не мужик, не баба.

— В каком смысле?

— Вернее, и мужик, и баба.

Валентина Казимировна отошла к своему стулу. Конечно, она не знаток, но хорошую живопись любит. Ей нравились натюрморты, пейзажи... Левитан, от которого сердце замирало. Она любила и батальные полотна; например, картина голландского живописца Абрахама ван Хуфа, говорят, мастера редкого, в Эрмитаже единственная картина.

«Кепи» подошло само:

— Тетя, где тут можно хлебнуть кофейку?

— В музее буфета нет, но рядом коктейль-холл.

— Это на той стороне улицы?

— Да, где магазин «Рыба».

— Ха-ха, рыба.

— Не поняла...

— Если, тетя, коктейль-холл, то рыбный магазин надо обозвать «Килька-холл».

Остроумное это «кепи». Губы и нос видны, а глаза и лоб заслонены широким козырьком. Что-то вроде распахнутого утиного клюва. Оно, «кепи», уже скрылось в других далеких залах...

Валентина Казимировна ощутила тревогу, словно видела спину уходящего друга. Что?... Чем-то пахнет? Нет, скрытый звук? Ни то ни другое... Валентина Казимировна пошла вдоль стены, вдоль картин, подгоняемая мистическим страхом, и споткнулась о ровный пол...

Одну из картин окутал туман. Наискось, от угла к углу, ее пересекал дымный след, будто проползла огненная головешка...

После ухода майора выпало называемое мною «белое пятно», когда в кабинет не заходят коллеги, не влетает секретарша, не являются вызванные повестками и не звонит телефон. Я этим воспользовался и налил себе третью чашку кофе.

Леденцов прав, дело о хищении картины в музее следовало закруглять. И мое раздумье переключилось на личность художника. Кто он?

Ремесленник, поскольку стоит и красит. Но тогда и писатель ремесленник — сидит и пишет. Нет, художник — это прежде всего интеллигент, создающий духовные ценности. С переходом к капитализму каждый истинный интеллигент оказался перед пустотой, а вернее, оказался с исконным русским вопросом «что делать?». Потому что власть опустила массы — или разрешила опуститься? — на самую последнюю ступень, где разгул алкоголя, секса, мата, пошлости, кровавых телесериалов, откровенной дури... Не эта ли волна утащила Анатолия Захаровича на криминальную дорожку?

«Белые пятна» крохотны: не белые пятна, а белые кляксы. Звонил телефон. Я ждал голоса майора, но не такого глухо-раздраженного:

- Сергей, приезжай, машину тебе послал.
- Что случилось?
- Нашу картину облили.
- Нашу, это?..
- Да-да, Кандинского.
- Чем облили?
- Серной кислотой, концентрированной.
- Еду...

Редко мне выпадали тихие места происшествий. Музей закрыли. Человек пять стояли растерянной гурьбой, как на кладбище, и бросали пугливые короткие взгляды на картину. Ее словно опалила разлапистая молния, просекла по диагонали, оставив вспух-

шую краску и черный след. Видимо, кислота бежала, растекаясь капиллярными ручейками.

— Все залы прочесали, — сообщил Леденцов.

Директор музея, охранник, еще какая-то женщина, какой-то мужчина, старушка... Последняя отвечала на вопросы майора испуганно и нервно:

— Я дежурила с утра. Никаких безобразий...

— А подозрительные лица?

— Обычные редкие посетители.

— Но злоумышленник подошел к картине, достал емкость с кислотой, плеснул, убежал. И вы не видели?

— Я разговаривала с «кепи»...

— Что за кепи?

— Ни он, ни она, но скорее она, чем он.

Я прошелся по залу, осматриваясь. С какой стати поместили сюда Кандинского? Нет реалистов и модернистов, а есть хорошее и плохое. Я смотрел на какое-то полотно: здоровенький загорелый торс. Что тут модернистского? Ага, в названии: «Скелет, обросший мясом».

Ко мне подошел мужчина, оказавшийся атрибутором. Почти виноватым голосом он сказал:

— Буквально через час Кандинского бы сняли для проведения экспертизы.

— Еще не начинали?

— Кое-что уже очевидно. Например, картина подверглась вакуумной дублировке.

— Что это такое?

— Рельефные мазки разглаживаются, и полотно выглядит глянцевым...

Атрибутор рассказал, что кражи в музее случались, но вандализм впервые. А вот за рубежом подобные случаи не редкость. Уродуют, как правило, истинные шедевры. На полотна же всевозможных сюрреалистов частенько плюют: в Лувре дежурит специальный человек с мокрой тряпкой для стирания плевков.

Я задал главный вопрос:

— Кислота не помешает экспертизе?

— Для определения ее подлинности нам достаточно отколотупнуть краски.

В подмогу приехали два оперативника и эксперт-криминалист: на раме и стене могли быть отпечатки пальцев. Свидетелей найти не удалось. Лишь дежурная по залу, взволнованная старушка. Допрашивать я предпочитаю в своем кабинете, где помогают родные стены. Но сейчас требовались крохи информации для оперативной работы. Я подступился к старушке:

— Валентина Казимировна, вопрос...

— Все рассказала вашему товарищу.

— Меня интересуют глаза этой «кепи».

— Не видела их, дорогой мой человек.

— Да не может быть.

— Это почему же?

— Она подходила и на вас смотрела.

Старушка не так смутилась, как удивилась: если на нее смотрели, то ведь глазами. Открытыми. Чтобы стимулировать ее память, я сменил ракурс: новые обстоятельства для нашего сознания — что рытвина для бегущих колес.

— Валентина Казимировна, эта «кепи» часто к вам обращалась?

— Раза три.

— По поводу чего?

Пожилая женщина задумалась беспомощно. Запоминается то, что достойно памяти. И смотрительница мою мысль подтвердила:

— Спрашивала о разной ерунде.

Мы с майором переглянулись — «кепи» ее отвлекала. Значит, был второй, исполнитель. И мне пришла оперативная мысль: сегодня же организовать проверку больниц и поликлиник города, поскольку серная кислота могла сильно ошпарить руки преступника. Валентина Казимировна сама вернулась к моему первому вопросу:

— О глазах... Разве в музее цвет глаз рассмотришь?
— А мне нужен не цвет глаз, а их форма.
— Размер?
— Круглые, прямоугольные, квадратные, ромбиком?

— Какое там... Неуловимые.
— С булавочную головку, что ли?
— С бритвочку...
— Узкие, значит?
— Того и гляди слипнутся.

Мы с Леденцовым вновь переглянулись. Не знаю, какими стали мои глаза, но у майора — узкими с бритвочку. Они значили лишь одно: до каких же пор будем идти по следу гейши? Мы с ним слегка разные охотники. Уголовному розыску надо поймать, а следовательно еще и доказать. Чтобы охладить майора, я отвел его в сторону и спросил о смысле этой варварской акции. Скорее всего, назовет мотивы явно несусветные типа мести, хулиганства... Но майор ответил кратко:

— Чтобы сорвать экспертизу.

— А зачем ее срывать? — спросил я уже просто так, для проверки своих мыслей.

— Нет экспертизы — нет подлинника, а нет подлинника — нет кражи.

Рыжие усики майора дергались, словно он хотел оскалиться, да сдерживал себя. Хождение вокруг да около было не в его характере, и он не терпел препятствий глупых, на которые приходилось тратить время. Я успокоил:

— Боря, экспертизу сделают.

Майор усмехнулся и обвел зал, как мне показалось, презрительным взглядом. Не уважал он все эти измы, считая их блажью бездельников. Подтверждая мои мысли, он показал на картину:

— Что за чудо?

— Кентавр.

— Значит, кто?

- Ну, туловище коня, голова человека.
- Почему коня, а не коровы?
- Боря, странный вопрос... Представь, туловище коровы и голова человека? С рогами?
- Да, и с выменем.

29

Палладьев занимался реализацией отпечатков пальцев, добытых в ресторане. Благодаря компьютерным данным они вывели на личности. Точнее, благодаря тому, что эта удалая пара была судима. Лейтенант удивлялся: почему судимый идет на новое преступление? Дурак? Наказание не испугало? Работать неохота?.. Художник к уголовной ответственности не привлекался — интеллигентный человек.

День Палладьев промотался по городу, по архивам судов, по инспекциям, по прокуратурам, по следователям, ведущим дела малолеток. Собирал информацию. Ксерокопировать не везде удалось, тем более снять копии. Делал заметки, выписки, конспекты... Лишь вечером сел за обработку собранного, потому что следователю Рябину подавай дотошные характеристики личностей. Начал с гейши.

Нонна Ивановна Печенюк.

Специальности нет, работы нет, семьи нет... Образование восемь классов, возраст юный. Кроме школы кончила модные курсы телохранителей: дралась, стреляла, ныряла, прыгала с парашютом... Впрочем, там же получила навыки секретаря-референта, чтобы оформиться к охраняемому клиенту.

Лейтенант пожалел художника, который, видимо, не знал, что телохранитель от киллера не спасет. Или Анатолий Захарович боялся похищения? А из этой девицы, будь она человеком с другим знаком, вышла бы приличная оперативница.

Палладьев начал изучать ее раннюю деятельность. Сколько ей тогда было — лет пятнадцать-шестнад-

цать? Его удивило, что инспектор детской комнаты разрешил подростку писать собственноручные показания. Видимо, для контакта...

«Воровать я начала не от хорошей жизни, но и не от очень плохой...»

«Стянуть у пенсионера бутылку пива — жуткое преступление? А меня в тринадцать лет поставили на учет в милицию...»

«Вы, гражданин капитан, уже в возрасте. Не можете представить, как трезвой прийти на дискотеку. Что тогда там делать — ширяться?..»

«Спрашиваете про мать... Клуша. Была бы теткой с головой, а не с тыквой на плечах, Жорку бы выгнала, которого я привела ночевать...»

«Машину у пузатого торгаша мы не украли, а взяли прокатиться. Вернули бы...»

«Отец был, только не отец, а самец. Я его ни разу не видела. Мамаша, вдев два литра пива, призналась, что родилась я от японца по имени Самсунг, миллионера. Люди мне показали его: на рынке сухофруктами торгует...»

«Почему воровала? Жрать нечего, за квартиру не плачено, мамаша в больнице... Ларек я ломанула с голoduхи. Разве это кража? Взяла пепси да чипсы...»

«А из спецшколы сбежала потому, что там козлы...»

Палладьев суммировал ее биографические листки — пусть следователь разбирается. Сам же принялся за криминальные перипетии судьбы гражданки Нонны Печенюк. Сколько их, перипетий?

...Вместе с неустановленным лицом грабила на улицах. Если грабила женщину и та кричала, то подоспевшим гражданам Нонка объясняла: «Она моего мужа увела». Если жертвой был мужчина, то плакала: «Он с другой спутался». Уголовное дело не возбуждалось.

...Вымогала десять тысяч долларов у топ-менеджера фирмы «Авеню-плюс» за моральный ущерб, который заключался в том, что топ-менеджер предложил ей

сопровождать его в Австралию в качестве секретаря. Уголовное дело не возбуждалось ввиду того, что фирма никаких дел с Австралией не вела.

...Украла, увезла младенца в коляске от универсама. Задержана была в близлежащем парке. Уголовное дело прекратили, так как похитительница объяснила, что привезла ребенка в парк подышать свежим воздухом.

...Подозревалась в убийстве своей знакомой путем удушения веревкой. Гражданка Печенюк заявила, что ее знакомая повесилась сама, пойдя на самоубийство. Однако в комнате нашли кусок веревки с волосами потерпевшей, которую она спрятать после смерти, естественно, не могла. Но адвокат доказал, что могла, поскольку вешалась не первый раз. Уголовное дело прекратили за отсутствием состава преступления.

...Женщина побежала на чердак за своей кошкой. Нонна Печенюк замкнула за ней чердачную дверь и, пока женщина стучала и кричала, обчистила ее квартиру. За что и была осуждена на полтора года.

Палладьев отложил бумаги и сделал перерыв. Чтобы позлиться. Сколько газетчиков и разных борцов за права готовы разорвать уголовный кодекс и распахнуть тюрьмы? А сколько человек должен сделать зла, чтобы его посадили? Вот Нонка... Пять старых эпизодов, да плюс новые, да еще не все похождения известны. И на свободе, а Рябинин тянет.

Лейтенант взялся составлять справку на ее напарника, Степана Степановича Жеребного, по кличке Сухой (Дохлый), тут никаких данных о детстве и юности не было — у мужика пять судимостей по разным статьям уголовного кодекса. Да ведь есть поступки, не мягче преступлений...

Мать этого Сухого копила деньги на какую-то сложную операцию, на них взяла сыну защитника. Адвокат добился — мать при смерти, — Сухого выпустили на подписку о невыезде. Он вышел, оставшиеся

деньги матери пропил и совершил новое преступление — грабанул таксиста... Мать через день умерла.

И наркоман. Палладьев в дури плохо разбирался, но Сухому вроде бы обычная наркота приелась, и он готовил свое зелье, смешивая таблетки разных транквилизаторов, и варил. То ли пил, то ли вкалывал.

На его личном деле в колонии была пометка «Склонен к побегу». И ведь бегал. При помощи шприца взял из вены кровь, выпил ее — и к врачу: мол, открылась язва желудка. Его поместили в больницу. Там он гитарной струной перепилил что-то в окне и вылез...

Поздний телефонный звонок оперативников пугает — вдруг происшествие. Но голос почти добродушный поинтересовался:

— Игорь, ты еще на работе?

— Пишу справку для прокуратуры, товарищ майор.

— Палладьев, ты манерами владеешь?

— Рукописного боя?

— Не приемами, а манерами. Например, человек в лифте рядом с тобой напевает. Что надо делать?

— Подпевать, товарищ майор.

— Верно. Запиши адрес. Там живет Коптелина Элеонора Ефимовна. Посети ее. Это бывшая актриса.

— У нее украли бриллианты?

— Поцелуй ручку и поговори.

— Ручку не умею.

— Игорь, это родная сестра умершей жены художника Анатолия Захаровича.

30

Утром Палладьев размышлял: зачем нырять в глубины, когда рыба на мелководье? Зачем искать, если все уже найдено? У художника была жена, которая умерла несколько лет назад, а у покойной осталась сестра... Наверняка идея следователя Рябинина — копнуть глубже. Информация может оказаться там, где ее не ждешь, но лейтенант по своему малому опы-

ту знал, что информации больше всего там, где ее ждешь...

— Проходите, — сказала хозяйка. — Насчет вас мне звонили.

Лейтенант огляделся. Сахарная комната: белый стол, белая чайная посуда, белый фарфоровый шар висячей лампы и белые легкие занавески.

— Кофе хотите?

— Нет, спасибо.

— А я хлебну.

— Хлебните, — вырвалось у лейтенанта.

Элеонора Ефимовна выглядела моложе своих лет. Вальяжно-крупная, лицо широкое и тяжелое, губы покрашены бордовой помадой с захватом прилегающей кожи. Черная, в противовес всему белому, просторная туника облегла тело складками.

— Это Большой бриллиантовый вальс Шопена, — объяснила хозяйка звучащую из угла фортепьянную музыку.

Все-таки без бриллиантов не обошлось. У нее на груди блестит какое-то украшение. Не бриллиантовые ли бусы? Тускловаты. Палладьев задался вопросом: бывают ли поношенные бриллианты?

— Молодой человек, вы спешите?

— Да нет.

— Спрашиваю, потому что сама в молодости спешила. А куда? К свободе. Хотела стать независимой от начальника, от родителей, от мужа... Их никого нет. Думаете, я теперь независима? Я теперь метеозависима. От погоды.

Палладьев видел ее другую зависимость — от кофе. Допив чашку, тут же наполнила ее вновь.

— Молодой человек, сейчас в моде восточные гимнастики. Занимаетесь?

— Так точно.

— Какой?

— Рукопашкой.

— А я китайской гимнастикой тай-чи. Глубокое диафрагмальное дыхание.

Майор говорил о целовании ручки. У нее не ручка, а сдобная булка с пальцами. Но цветочки бы купить не помешало. Опер с цветами? Каких и сколько? Говорят, это имеет значение. Так, девять цветков значит «Я у ваших ног». А каких и сколько скажут «Я пришел вас допросить»?

— Молодой человек, думаете, я всегда была такой расплывчатой? — вдруг спросила она.

— Отнюдь.

— В молодости моя фигура стройно порхала. Но жизнь... Я трижды пострадала от культа. В тридцать седьмом репрессировали отца. В пятьдесят третьем на похоронах этого палача Сталина толпы меня так давили и топтали, что очнулась в больнице, между прочим, с выкидышем.

— Зачем же вы пошли на похороны убийцы своего отца? — глухо спросил Палладьев.

— Юной была. Своим стилем сделала обольщение.

— Обольщение кого?

— Мужчин.

Ее большие темные глаза на рыхловатом лице казались нарисованными черной масляной краской, в которую масла переложили. Видимо, вопросы оперативника показались ей горьковатыми, в которые переложили горчицы. Она налила еще кофе и горделиво его выпила мелкими глотками.

— Молодой человек, я всю жизнь пела, служила в областной эстраде.

— Какой репертуар? — спросил лейтенант послаще.

— Я пела о любви.

Он хотел уточнить, что больше ни о чем и не поют. Или песни блатные, теперь культурно именуемые «русским шансоном». Но сказал иначе, потому что предстоял разговор серьезный:

— Элеонора Ефимовна, петь о любви — это прекрасно.

— Но теперь о любви не поют.

— Разве?

— Поют о сексе. «Люблю тебя тысячу раз...» О любви в разгах? Теперь не любят, а занимаются любовью. Песня «Дом, в котором ты меня любила...». Разве чувства связаны с местом — с местом связан секс. Когда-то шло кино «С любимыми не расставайтесь». Вчера прочла в журнале статью под названием «С презервативом не расставайтесь». Это про любовь?

Тема интересная, но сугубо молодежная. Палладьев находил смешным говорить о любви с пенсионеркой. Он мог бы ей порассказать о другой любви — о криминальной, где секс кровавый. Но время утекало.

— Элеонора Ефимовна, я к вам по делу...

— Знаю, хотите поворошить опавшие листья.

— Именно. Расскажите о сестре, о ее муже.

— Она была моложе меня значительно. А по характеру любила выводить людей на чистую воду.

— И мужа?

— Первое время они жили хорошо. Но месяцев за шесть до ее смерти Анатолий Захарович признался сестре, что часто заниматься сексом ему нельзя.

— Почему же?

— Якобы творческая работа забирает потенцию.

— И верно забирала?

— Натурщицы ее забирали.

— Натурщицу Елизавету Монину знали?

— Нет.

Палладьев спохватился: сидит, как в гостях за приятной беседой, и ничего не пишет. Ее рассказ следовало оформить протоколом, точнее объяснением. Но что писать? Никакой оперативной информации. Следователь допросит ее дотошнее.

— Элеонора Ефимовна, что скажете о художнике?

— Ничего не скажу. Не любила его и к ним не ходила.

— Почему не любили?

— За спесь. Придешь к нему... Сидит: широкие красные штаны, пояс с металлическими бляшками, сюртук, борода... Похож на состоятельного турка прошлого века.

Вдаваться в мотивы неприязни лейтенант не стал. Ее ведь не всегда объяснишь. Художника он видел и под словами женщины подписался бы с готовностью. Именно состоятельный турок, только не черный. Пора было переходить к главному, за чем и пришел.

— Элеонора Ефимовна, расскажите о смерти сестры...

— Загадка! Молодая здоровая женщина скончалась за месяц.

— Что показало вскрытие?

— Отравлена неуставленным ядом.

Палладьев вновь пожалел, что не пишет. Братся же за бумагу сейчас, когда пошла суть, значило притормозить желание и память свидетеля.

— Кем отравлена, Элеонора Ефимовна?

— Белое пятно до сих пор.

— Уголовное дело возбуждалось?

— Нет, но прокуратура вела проверку.

— И что?

— Подозреваемых нет.

— Элеонора Ефимовна, а у мужа, у Анатолия Захаровича, были мотивы для убийства?

— В том-то и дело!

Лицо женщины показалось еще мясистее за счет прилившей крови. Видимо, такое заявление она еще не делала, решившись на него теперь. После драки кулаками не машут... Но правда частенько запаздывала, потому что во время драки своих кулаков она стеснялась.

— Элеонора Ефимовна, какие же были мотивы?

— Анатолий хороший копиист. Он делал копии с

шедевров и продавал за рубеж. Сестра была против, грозила заявить.

— А что плохого — делать копии?

— Не знаю деталей, но копии уходили контрабандным путем. Уголовщина, сестра боялась.

Палладьев задумался. Нужно разбираться. Вроде бы все понятно, но чего-то не хватает. Копии полотен, контрабанда, жена отравлена, яд не определен... Полный сюжет. Но почему...

— Элеонора Ефимовна, а разве мужа не заподозрили?

— Нет. Дело в том, что его месяц не было в городе.

Лейтенант встал: этот ребус он загадает следовательно прокуратуры Рябинину.

31

У следователя в производстве несколько уголовных дел. От пяти до пятнадцати. Значит, следователь свое рабочее время должен распределять между ними. Ладно, время разделить можно, а как быть с интересом? Одно преступление закручено ложью, подлостью и коварством, как громадный клубок ржавой колючей проволоки, — хочется разобраться. Другое, например, убийство по пьянке, противно до тошнотворности, но элементарно.

Мог ли я заниматься взрывами боулинговых шаров — один предприниматель вредил другому, — когда Палладьев мне сообщил о версии отравления жены художника?

Поскольку уголовного дела не возбуждалось, материал изучался помощником прокурора нашего района. Я копнул архив. Папочка легкая, словно пересушена. Несколько объяснений: Анатолия Захаровича, сестры, соседей... Акт вскрытия, заключение врачей... И постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Форма последнего документа меня всегда удивляла — в отказе кому? Вроде бы возбудить никто не просит.

Я углубился в медицинское заключение. Кровавый понос, рвота, судороги... И врачебный вывод: смерть наступила от острой кишечной инфекции. Откуда же взялась мысль, что жена художника отравлена?

В Бюро судебно-медицинских экспертиз пришел молодой специалист, который интересовался наукой и следил за прогрессом. Ему и позвонил.

— Гена, это Рябинин.

— Узнал, Сергей Георгиевич.

— Проконсультируй...

Я изложил ему суть. Он задумался: мне нравятся люди, которые умеют задумываться — не пустые они.

— Сергей Георгиевич, я не токсиколог, но, по-моему, это таллий.

— Ядовит?

— В высшей степени. Соли таллия не имеют ни вкуса, ни запаха, их при вскрытии не засечешь.

— А лаборатория?

— По-моему, только специальными методами.

— Как же распознают?

— Ну, врачи токсикологического центра уже знакомы с клинической картиной отравления таллием.

Жена Анатолия Захаровича попала не в токсикологический центр, а в обычную больницу.

Если она отравлена... Я понял, что готов добровольно сигануть в очередную волокиту: еще не разобрался с одними эпизодами, как подыскал очередной. Материал помощником прокурора изучен и закрыт, и пусть лежит. Таллий яд непонятный...

Но кто сказал, что я хочу взяться за расследование этого отравления? Я просто вышел на проспект размять задеревеневшие ноги.

Жизнь, по крайней мере, визуально менялась на глазах. Нет очередей в магазинах, из общественных мест пропали алкоголики, почти нет военных, зато улицы запружены автомобилями... А мода? Обнимаются с такой страстью, что того и гляди завалятся на

панель, ребята с бутылками пива, девицы с обнаженными пупками...

Если я вышел размять ноги, то зачем в руке портфель с бланками протоколов?

Жизнь изменилась. Бывало, в концертах по заявкам просили исполнить песни для солдат в армии, для моряков в океанах, для геологов в маршрутах... Просили исполнить песню для тех, с кем вместе служили в армии, были на стройке, работали в шахте... Теперь просят передать весточку такому-то, с кем вместе отдыхали в Турции, или такому-то, который сидит в Крестах...

Если я разминаю ноги, то почему оказался у дома художника?

Я позвонил в дверь. Да она и не закрыта. В мастерской деловито хозяйничала фигура, ничуть не походившая на хозяина. И на меня она внимания не обратила. Вор? Я спросил властно:

— Вы кто?

— Я-то хозяин, а вы кто?

— Хозяин тут Анатолий Захарович.

— Эту мастерскую мы снимали на двоих, но я съехал. Вот зашел за своими вещичками.

— А я знакомый Анатолия Захаровича, — поостерегся я обозначить свою должность.

Похоже, назовись я хоть Генеральным прокурором, его бы это не тронуло — укладывал в пластиковый мешок небольшие деревянные рамочки. Тонкотелый, тонкошей, тонколицый, но с вздыбленной шевелюрой белых и пушистых волос, в которые почему-то хотелось дунуть. Ну да, потому что издали он походил на одуванчик. Это толкнуло меня на вопрос:

— Вы тоже художник?

— Я «лошадник».

— Занимаетесь коневодством?

— Пишу только лошадей. А вы что пишете?

Так и хотелось брякнуть — протоколы. Удержавшись, скромно поделился:

— Я потребитель живописи.

— Торгуете?

— Нет, смотрю.

— Разбираетесь?

— Не очень. Импрессионистов и реалистов понимаю и люблю, сюрреалистов и всяких модернистов не понимаю и не люблю.

— Значит, на выставку детского рисунка не пойдете?

— Почему?

— Все рисующие дети — сюрреалисты.

Любая работа кладет на человека свою печать. За собой я давно заметил, что не могу говорить с человеком ни о чем. Поболтать не умею. Ищу информацию или какой-то смысл. А уж с приятелем художника...

— Почему съезжаете?

— У Анатолия жена умерла, квартиру он начал сдавать и переехал сюда.

— Почему же не хотите жить вместе?

— Пошел коньячок, натурщицы...

— А вас натурщицы разве не интересуют?

— Лошади-то? — рассмеялся он.

Верно, лошадь в мастерскую не приведешь. Неужели он рисует в конюшнях? Нужно перевести разговор с лошадей на женщин, на тех же натурщиц, но не прямо, а каким-то обходным путем. Чего проще расстегнуть портфель, достать повестку и вручить. Явиться завтра в прокуратуру. Но там будет допрос, а не свободная беседа. И чтобы задать этой беседе нужный вектор, я как бы за художника обиделся:

— По-моему, кроме женщин у Анатолия Захаровича есть возвышенная цель.

— Блистать — вот его цель.

— Где блистать?

— Везде. В ресторанах, в компаниях, на собраниях, на выставках...

— Таланту это позволено.

— Какому таланту? — удивился художник.

— Который у Анатолия Захаровича.

Одуванчик не то защелкал, не то зацокал — смеялся так. Над чем? Над моими словами? И я догадался, кто передо мной и почему он не смог ужиться с другим художником — это завистник. Среди творческих личностей дело обычное, но и мнение завистника интересно.

— У вашего Анатолия Захаровича таланта не больше, чем у обученной мартышки.

— Ну уж слишком... Я видел его работы.

— Да, он неплохой копиист.

— Я видел оригинальную работу в музее, не копию.

— Какую?

— Он зовет ее «Моной Лизой».

Одуванчик бросил свою упаковку и подскочил ко мне почти разъяренно. Узкое лицо покраснело, волосы легли на плечи, словно их примял сквозняк. Задал вопрос он сипло, почти простуженно тем сквозняком, который смял прическу:

— Мужик, ты ему кто?

— Никто, захожу, выпиваем...

— Тогда слушай: «Мона Лиза» — не портрет, а автопортрет.

— Кого?

— Ее.

— Рисовал-то кто?

— Она.

— Натурщица?

— Сам ты натурщик... Елизавета отменный само-бытный художник, не одну ее картину Захарыч выставлял под своим именем.

Одуванчик, видимо, ждал моей реакции. Но я молчал, грубо выражаясь, обалдело. Для ответной реакции мне нужно было прийти в себя и подумать. Лишь хватило воли на вопрос:

— Как вас звать?

— Иннокентий.

— Мы с вами еще встретимся, — заверил я.

Как не встретиться, если я даже про смерть супруги Анатолия Захаровича не расспросил!

32

В психике человека масса парадоксов. Хотя бы гипноз. Я веду многолетний дневник, потому что в конце своей следственной карьеры хочу написать книгу о мытарствах следователя. И там непременно будет глава о парадоксах, где приведу несколько загадочных случаев. Например, как я мыслью вызываю на допрос. Стоит о человеке подумать, как он является. Притягиваю, что ли?

Клял себя, что у художника-одуванчика, этого самого Иннокентия, ничего не спросил о жене Анатолия Захаровича. Теперь надо отыскивать его адрес и посылать повестку.

Еще ни адреса не нашел, ни повестки не выписал, как дверь открылась и притянутый волшебной силой — а какой еще? — вошел человек-одуванчик. Пока я соображал, какая во мне сила — не мистическая ли? — он сел перед столом и раздраженно проскрипел:

— В мастерской могли бы представиться.

— Как вы узнали?

— Анатолий Захарович сказал, кто вы. Иди, мол, все равно вызовет.

И художник выложил на стол паспорт. Или он тщательно причесался, или за ночь слегка облысел, но сегодня одуванчиком не выглядел: одуванчики-цветы от ветра облетают и тоже, так сказать, лысеют. Спросил он грубовато:

— Чего от меня надо?

— Повторите, что вчера говорили, — предложил я с некоторой опаской, потому что на официальных допросах люди непроизвольно зажимаются.

Он не зажался. Сказал, что в музее висит автопортрет Елизаветы Мониной, самобытной художницы,

подписанный именем Анатолия Захаровича. Как и другие ее работы, которые называть не хочет, потому что он не стукач.

— Почему же Мони́на не выступает самостоятельно? — удивился я.

— Кому она известна? Таланту пробиться, что лбом расшибить ветровое стекло автомобиля. Знаете, сколько художников в нашем городе? Тысячи.

— Похоже, она и не пробовала...

— Девица с тараканом.

Я слышал выражение «тараканы в голове», но про одного таракана не понял. Поэтому уточнил:

— Вы говорите... образно?

— Да, про таракана.

— И что за таракан?

— Любовь к Анатолию.

Мне показалось диковатым, что человек искусства обзывает любовь тараканом, то есть каким-то психическим заскоком. Тем более в своей будущей книге одну из глав я отводил под любовь, правда, криминальную.

— Иннокентий, — назвал я художника по имени, как он представился в мастерской, — разве любовь... того... таракан?

— А вы заметили, что в любви женщины к мужчине есть что-то рабское?

Я заметил. В моих криминальных историях как раз рабская психология женщин и способствовала преступлениям. В историю любви следовало немного углубиться:

— Анатолий Захарович пил, ее работы выдавал за свои, бесталанный... А Мони́на от него без ума?

— Кто вам оказал, что Захарыч бесталанный?

— Вы, — удивился я.

— Когда?

— В мастерской говорили, что он всего лишь копист...

- Выдающийся копиист!
- Разве слово «выдающийся» идет к копиям?
- А разве копия пустяк?

Мне всегда казалось, что копия есть нечто второсортное и ненастоящее. И дешевое, поскольку их можно изготовить сколько угодно. Но лицо Иннокентия протестующе побурело, а длинная тонкая шея стала походить на красную подпорку для светло-кудлатой головы.

— Следовательно, в Москве есть официальный союз копиистов. Работают по классическим картинам, и эти копии очень дорогие. В Италии создана ассоциация, в которую вошли триста копиистов, а в городе Кремоне открыли картинную галерею фальшивых шедевров. В Сан-Себастьяне на узаконенные подделки выдаются сертификаты...

— Почему же люди гоняются за подлинниками? — перебил я.

— Вопрос психологический, — нехотя отозвался художник.

Затянул я разговор, хотя на языке трепыхались вопросы существенные, ради которых его и ждал. Задавал не спеша и по одному:

— Иннокентий, откуда вы узнали, что Анатолий Захарович продавал за рубеж копии, как подлинники?

— Информация носилась в воздухе.

— Откуда узнали, что Мониная и жена выступали против этих махинаций?

— Из воздуха.

«Из воздуха» я понимал: слухи, которых не проверить и сочинителей не найти. Источник слухов он и сам не знал. Этим займется уголовный розыск. Но вот на следующий вопрос ответить он должен:

— Иннокентий, что Анатолий Захарович говорил о Мониной?

— Ничего не говорил.

— А о жене?

- Тоже ничего.
- Вы же друзья.
- Мы коллеги.
- И ни слова о них не сказал?
- Видите ли, я не пью.!

И опять его ответ показался мне ясным, как та водка, которую он не пил. Не водил с Анатолием Захаровичем застолий и, значит, не имел задушевных бесед. Допрос не получался. И вот почему: все-таки допрос — это общение двух. Если один заледенел, как сосулька, то никакого контакта не выйдет. Я искал поворот в нашем разговоре. Художник сообщает лишь то, что знает наверняка. Слухи он называл слухами. Нам бы поменяться ролями...

— Иннокентий, о причинах смерти жены Анатолия Захаровича не знаете?

— Нет.

— Ко мне поступила информация, что она отравлена мужем. Но его в городе не было. Что вы думаете?

Иннокентий вдруг уставился в сейф, будто там было написано, что он думает. Я ждал. Художник ухмыльнулся как-то в мою сторону:

— Отравить можно и на расстоянии.

Я поверил сразу, потому что знал случай, когда человек надел рубашку и скончался. В суде тогда дело шло трудно, поскольку адвокат доказывал, что ткань рубашки еще на фабрике обрабатывалась соединениями ртути, пестицидами и красителями. Но художника я заверил:

— Это невозможно. Анатолий Захарович был от нее слишком далеко.

— А что она делала в мастерской?

— Что могла делать...

— По поручению Анатолия растирала краски.

— А они... ядовиты?

— Нет.

— Тогда это не версия.

— Краски не ядовиты. А если в них намешать каких-нибудь цианидов? — не то спросил, не то хохотнул Иннокентий.

В моей голове вспыхнула и тяжело осела мысль о предстоящей работе: долгой, нудной и противной. Новые допросы, экспертизы и, главное, эксгумация трупа жены Анатолия Захаровича.

33

У майора в кабинете стояла библиотечная тишина — лишь бумаги шелестели. Он готовил информационные материалы для Рябина: предстояли запросы, экспертизы, исследования. Например, давал ли департамент культуры Анатолию Захаровичу право на реализацию антиквариата? Что такое «оценочная стоимость», кто ее делает, кто взимает, в какой сумме?.. Он узнал, что произведения искусства и старины можно вывозить бесплатно, если им меньше ста лет. Кстати, сколько лет пропавшему полотну Кандинского?

Леденцов удивился количеству зарубежных картинных заведений: «Сотби», «Кристи», «Метрополитен» в Нью-Йорке, музей Пола Гетти в Калифорнии, Центр Помпиду и музей «Орсэ» в Париже, галерея Тейт в Лондоне... «Кристи», «Мэнсон энд Интернэшнл», акционерное общество в Женеве, Риме... «Суотби энд Компани» в Лондоне на Нью-Бонд-стрит... А сколько частных коллекционеров, знаменитых, как кинозвезды? Миссис Лаллемор Мальстром из Стокгольма, княгиня Мари де Бройль из Парижа...

У майора рука устала выводить иностранные слова русскими буквами. Рука отдохнет, потому что звонил телефон. Леденцов откашлялся, чтобы рыкнуть на Палладьева, который исчез, как вор в розыске. Рык не пригодился.

— Майор Леденцов? — услышал он женский голос.

— Так точно.

— Директор музея. Есть новость. Правда, не совсем определенная...

— Определим, — заверил майор.

— С испорченной картиной работают реставраторы и эксперты. И представьте, нашли яркий отпечаток пальца.

Усы были слишком малы, чтобы в них усмехнуться, — усики, поэтому Леденцов усмехнулся в трубку:

— Госпожа директор, наш криминалист нашел не один отпечаток, но они либо смазаны, либо принадлежат реставраторам.

— Где он их нашел?

— И на раме, и на холсте.

— Господин Леденцов, — обозвала и она его господином, — отпечаток пальца не на раме, и не на холсте.

— На стене?

— Не угадали.

— Тогда сдаюсь.

— Вообще-то на холсте, но под краской.

— Туману вы добавили.

— В одном месте краска положена в два слоя. При исследовании лазером на первом слое под вторым отпечаток и проступил.

— Чей же? — не мог понять Леденцов, как он попал под слой краски.

— Разумеется, того, кто писал картину.

Майор умолк, как заглох. Это копия, которую сделал талантливый копиист Анатолий Захарович. Значит, отпечаток его. Если так, то преступление будет раскрыто изяшно, при помощи лазера, при помощи вещественного доказательства. Если только его отпечаток...

— Маргарита Николаевна, — мгновенно вспомнил он ее имя, — а подобные эпизоды в истории живописи бывали?

— Неоднократно. В Италии, в галерее Барберини на картине «Форнарина» нашли отпечатки пальцев Рафаэля. Рембрандт и Ван-Гог делать на полотне лицо помогали пальцами.

— Спасибо, Маргарита Николаевна. Сейчас к вам подъедет эксперт.

Майор не сомневался, что криминалисту снять отпечаток с картины удастся — он умел обрабатывать различные поверхности вплоть до шершавых и пористых, вплоть до тканей. И дактилоскопировать художника не надо, поскольку отпечатки его пальцев были сняты с того бокала, который Палладьев добыл в ресторане. Криминалист пообещал дать заключение к концу дня.

Майор потянулся натужно, разминая тело. Не привык он сидеть. Впрочем, век бы не сел за стол, если бы не бумаги. Приходилось отписываться, как обороняться. В обществе росла социальная злоба. Леденцов столкнулся с явлением, когда преступники отстаивали право на преступление. Политики, СМИ, юристы и деятели искусства твердили, что виновато общество, а не человек. Тогда «мент, за что?»

Леденцов позвонил в уголовный розыск аэропорта, который контактил с таможней:

— Гушин, что выяснил?

— Борис Тимофеевич, этот негр из Замбии.

— Есть о нем информация?

— Во-первых, он не дипломат, а студент. Во-вторых, летает почти ежемесячно.

— Куда летает?

— Куда теперь негры летают? В Париж.

— В контрабанде замечен?

— Нами не пойман, но по негласной информации знаем о двух нарушениях. Сперва вывоз гравюры Дорэ...

— Подожди, вы же там просвечиваете?

— В папке, среди книг, а бумага однородна. Второй раз вывоз икону семнадцатого века.

— Тут-то как зевнули?

— Он распилил ее на кубики, якобы детская игрушка.

Майор помолчал, обдумывая, как эту информацию превратить в доказательство. Путем допроса Гушина,

оперативника? Который в суде станет ссылаться на «негласную информацию»?

— Леденцов, дело в другом, — замялся таможенник.

— В чем?

— Вчера он улетел.

— Куда?

— Куда улетают чернокожие? В Париж.

Майор едва удержался от крепких русских слов, поэтому трубку положил осторожно, точно она была стеклянной. Этот Гушин не виноват — виноват Рябинин, хотевший добиться ясности и четкой сопряженности всех деталей уголовного дела. Но этого не добиться ни при одном расследовании.

Леденцов ощутил голод, который от раздражения казался острее. На обед не сходил. Да и куда идти, если рядом с отделом милиции только фитобар. Он выдвинул ящик стола: ни бутерброда, ни хлеба. Впрочем, хлеб был, жидкий, полбаночки пива. Выпить он не успел...

Звонил телефон. Майор схватил трубку: не опять ли Гушин? Но голос эксперта-криминалиста, громкий и воспрявший, отчеканил:

— Есть, товарищ майор.

— Что?

— Отпечаток пальца на картине совпадает с отпечатком пальца художника. Полнейшая идентификация!

— Молодец. С меня бутылка хлеба.

— Какого хлеба, товарищ майор?

— Жидкого.

34

Одного за другим я допрашивал завсегдатаев клуба «Бум-Бараш». Какое там допрашивал — спрашивал. Пара вопросов, пара ответов. Меня удивляло... В клубах идет ночная жизнь, с десяти вечера до шести утра. Вход, выпивка, закуска, разные бильярды стоят денег.

Где их берут молодые люди? А ведь есть такие, которые ходят в подобные заведения почти ежедневно.

Впрочем, больше удивляло другое... Как же эти ребята потом учатся или работают? После ночного рейва и пива? Как слушают хорошую музыку, смотрят интересные спектакли, посещают музеи и читают умные книги? Или они обходятся футбольными матчами, дамскими детективами и кинопорнухой?

Мое сознание, ожидавшее очередного молодого рейвера, как-то не сразу переключилось на вошедшего, поскольку он был в годах, кряжист и с прямоугольной светло-палевой бородой.

— Анатолий Захарович? — удивился я.

— Как таковой, — подтвердил художник.

— Что вас привело?

— Хочу сообщить, что каждый вечер я принимаю три грамма амитала натрия, чтобы отключиться.

— Это вредно и опасно.

— Принимаю из-за вас, из-за той напраслины, которую вы мне шьете.

В моей голове бежала череда версий. Зачем он пришел? Сообщить какой-нибудь факт? Почувствовал опасность? Угрожать? Сделать чистосердечное признание? Разведать? Похоже, пришел нападать.

— Господин Рябинин, вы вообще не имеете права расследовать это дело.

— Почему же?

— Не разбираетесь в живописи. Вы гуашь от сангины не отличите, мольберт перепутаете со стиральной доской, натурщица для вас всего лишь баба...

— Анатолий Захарович, у меня есть эксперты, которые установили то, что вы подделывали...

Он не дал мне кончить фразу, возмущенно дернувшись торсом. Борода задрожала, глаза блеснули медным отсветом, красное лицо стало мокрым, словно кровь просочилась сквозь кожу. Я слегка отпрянул, хотя нас разделял стол.

— Рябинин, лезешь туда, где ни ухом, ни рылом? Великие художники делали копии своих картин, которые не отличить от подлинников. Подделки имеют право на жизнь. Во время второй мировой войны на рынках Осло появились поддельные картины Гейнсборо, Курбе и Тернера — писали местные безработные художники. Вы знаете, что есть сомнения в подлинности Моны Лизы: не моей, а той, настоящей? Музеи мира набиты подделками...

Его дыхание прервалось — от злобы. Но злость вонзилась и в меня. Наглость преступника особенно цинична. Захотелось его остановить резко и грубо. Не криком же? Ведь не допрос, хотя ему пора предъявлять обвинение и допрашивать в качестве обвиняемого.

— Анатолий Захарович, за что вы убили жену? — все-таки не выдержал я.

— Ха-ха!

— Нечего ответить?

— Она скончалась от желудочной инфекции.

— Ее отравили.

— Ваша очередная безумная версия?

— Анатолий Захарович, вы, наверное, не знаете, что многие яды сохраняются в теле очень долго?

— Где, где возьмете ее тело?

— Проведу эксгумацию.

— А я не дам согласия, ясно?

Выкапывать тело умершего человека нельзя без разрешения родственников. Умершего. А погибшего в результате уголовного преступления? Не за этим ли и пришел: пугнуть меня и расследование притормозить? Он вообще вел себя для убийцы нетипично. Например, почему...

— Анатолий Захарович, Елизавета Мони́на была вашей натурщицей. Почему же нет ни одной картины, где бы она позировала? Ни у вас в мастерской, ни в галерее музея?

— Писать ню я вообще не люблю. Обнаженное дамское тело возбуждает.

— Анатолий Захарович, а не потому ли, что Монина не была натурщицей?

— Иннокентий трепанулся? — почти беззлобно заключил художник.

Если Иннокентий трепанулся, то я сегодня разболтался. Точнее, пробалтывался. Выходило, что не я получал от него информацию, а он от меня. В допросе это допустимо, когда одни сведения как бы меняешь на другие. Тут на что выменял?

— Анатолий Захарович, так кто же Елизавета Монина?

— Какое это имеет значение, когда ее нет.

— Почему же вы о ней не беспокоитесь, не ищете?

— Искать ваша обязанность.

Наша. Но я повидал мужей, убивших своих жен. Они были нервны, суетливы и суперэмоциональны. Переживали свое горе уж слишком нарочито, и бывало, что им верили. Один супруг, задушивший жену, две недели с горя не ел — тошнило от вида пищи. Правда, имитация горя получалась тогда, когда убивали своими руками. По моей версии, бойфренда Мониной и ее саму художник загубил при помощи Нонки со товарищем. Поэтому он оставался спокоен. Ну, коли пошло в открытую, я рубанул:

— Парня в желтых подтяжках грохнули из ревности. А Монину-то за что?

Художник не взорвался, чего я ожидал, а выжал улыбку почти снисходительную:

— Рябинин, не боитесь попасть впросак, как тот следователь, который вел дело Ореста Кипренского?

— Художника позапрошлого века?

— Именно. Его тоже обвинили в убийстве натурщицы. Кипренский вынужден был покинуть Италию и вернуться на родину. Но клевета его преследовала и в России.

— А Кипренский не убивал?

— Убил его слуга Анжело.

К разговору я охладел — не из-за Кипренского. Из-за бессмысленности этой непроцессуальной встречи. Я не уличал, не приводил доказательств и, главное, не вел протокола. Поэтому спросил вроде бы о другом и как бы отстраняясь от его визита:

— Анатолий Захарович, не понимаю... Художник не без таланта, известный, все есть — и замешан в криминале. Вам денег не хватало?

— Денег всегда не хватает, — обронил он.

— Мне всегда казалось, что для человека искусства деньги не главное.

— Деньги — это право.

— Право блистать в ресторанах, на презентациях, в компаниях?

— В том числе.

Он встал и отошел к двери. Мне показалось, что там, у порога, его борода взметнулась дыбом. Голосом, тоже взметнувшимся, он изрек:

— Сергей Георгиевич, такого непрофессионализма я от вас не ожидал.

Если бы он меня обругал, даже бы обматерил, я бы лишь отмахнулся. Но упрек в профессиональном упущении всегда задевает. Поэтому спросил я с раздражением:

— Что еще выдумали?

— Сергей Георгиевич, Елизавета Мониная вернулась.

— Где... она?

— Дома, в моей мастерской.

35

Часто удивляюсь: как мне удалось столько лет поработать следователем? При моем-то характере — при моей обидчивости, мнительности и ранимости? Следователь должен уметь сбрасывать неприятности одним движением бровей, потому что проколов на дню больше, чем горошин в стручке.

Я сидел понуро. Где и в чем я дал маху? Работал, как и положено, по выбранной версии. Но ведь любая версия — это упущенные другие версии.

Я считал, что художник организовал два убийства — Мониной и ее бывшего сожителя, человека в желтых подтяжках. Сделал это руками Нонки и Дохлого. Если Мониная жива, то версия пошатнулась. Да и подозрение насчет отравления жены ослабло. Мотивы у художника были веские — боялся разоблачения, — но достаточные ли для столь тяжкого преступления, как убийство?

Вот работенка у меня: человек нашелся, жив, а я как в воду опущенный... Видите ли, моя версия не сработала.

Леденцов и Палладьев вошли в кабинет шумно, будто на улице маршировали и никак не могли остановиться. Я их остановил, предложив сесть. Майор улыбнулся самодовольно и разложил передо мной дактилоскопические таблицы. Я принялся изучать заключение эксперта. Оперативники выжидали, разумеется, с самодовольными выражениями лиц.

— О! — вырвалось у меня, если и не самодовольно, то довольно. — На картине, на первом слое краски, отпечаток пальца Анатолия Захаровича.

Если с убийствами еще надо думать, то от хищения картины ему не отвертеться. Впрочем, какое убийство, если Мониная вернулась. Мою беспокойную мысль Леденцов засек:

— Теперь отыскать бы труп Мониной...

— Зачем же труп, когда можно живую.

— Живую... что? — не понял майор.

— Отыскать.

— Где?

— Я покажу.

Оперативники переглянулись. Видимо, хотели спросить, но я поднялся, потому что машина отдела уголовного розыска стояла под окном.

...Звонок я надавил почему-то с опаской. Дверь открыла девушка, которая сообщила сразу и коротко:

— Анатолия Захаровича нет.

— А где он?

— Ушел по делам.

— Пригласила бы, — посоветовал майор, оттесняя ее и как бы впуская нас.

— А вы кто? — вполголоса спросила она.

— Мы из милиции, — в полный голос рыкнул Леденцов.

В передней возникла молчаливая заминка. Три пары мужских глаз въедливо изучали девицу. Она не выдержала:

— В чем дело?

— А вы кто? — спросил я.

— Натурщица.

— Имя?

— Елизавета Мониная.

— Ваши документы.

Она сходила в соседнюю комнату и принесла паспорт. Елизавета Мониная... Ни подделки, ни подчисток. И Леденцов проверил. Впрочем, откуда взяться подделкам и подчисткам, если в лес она его не брала? Здесь лежал, в мастерской.

Я смотрел на девушку и в моем сознании шел сложный химический — или фотографический? — процесс. Портрет Мониной, который видел в музее, я примерял на лицо этой, живой, Мониной. Она? Конечно она. Те же брови — только нет над ними двух угловатых бороздок; те же серые глаза — только в их уголках пропали «гусиные лапки»; те же очертания губ — только разгладились морщинки в уголках рта; те же нависающие веки — только не придавали усталости... Она?

Я глянул на Палладьева. Казалось, оперативник проглотил что-то такое, когда нельзя шевельнуться. Леденцов его шевельнул:

— Ну?

— Это студентка из театрального института. Я докладывал: художник ее долго искал, а в буфете института вручил пачку денег.

— Так, подставная фигура, — сурово заключил Леденцов.

— Что же вы молчите? — упрекнул я девицу.

— Собирайся, милая. Поедешь с нами, — не дождался ее слов майор.

— Куда... поедем?

— Ясно, куда — в милицию.

Девушка сделала шаг назад, потом второй... Палладьев же сделал шаг вперед, заподозрив умысел к побегу. Но ее ноги наткнулись на стул, подкосились — она села и заплакала.

Мы, трое мужиков, запереминались — рыдала девчонка лет восемнадцати. Я положил руку на ее плечо:

— Пока еще ничего страшного не произошло.

— Я дура...

— Успокойся. Анатолий Захарович решил выдать тебя за Моницу?

— Нет.

— А что же?

— Сыграть роль натурщицы Мониной. Пару дней.

— Где сыграть?

— Здесь, в мастерской, и везде...

— За деньги?

— Нет, обещал устроить на съемки фильма.

Видимо, она не знала, что играет роль убитой. Какая будущая актриса не будет согласна перевоплотиться? Да еще у художника, да еще за обещание кинороли?

— Кончай плакать, — велел я. — Сейчас поедем в прокуратуру. Там все расскажешь, я запишу.

— А потом?

— Пойдешь домой.

— Тут у меня одежда, сумка...

— Забери.

Она принялась снова по мастерской. Мы ждали. Майор удивился вслух:

— Наивность. Неужели художник надеялся на очевидную туфту?

— Если бы Мони́на погибла, то на какое-то время подстава удалась, — мудро решил Палладьев.

— Братцы, гейшу и Дохлого-Сухого пора брать, — заключил я.

36

Пора брать... Звучит как взять конфетку из вазы. Следователь прокуратуры делает это просто: вызывает повесткой и в кабинете арестовывает. Но не таких, как Нонка с Дохлым. Их сперва надо отыскать.

Майор размышлял...

По месту прописки они, разумеется, не жили. Нонка числилась в общежитии какого-то строительного лица, где ее никто не видел и ничего о ней не знал. Дохлый ночевал, главным образом, у любовниц, которых у него было немерено, и Нонку водил с собой.

Их пути оперативники прослеживали. Но теперь ситуация изменилась: нужна была конкретика. Где брать, когда, как, какими силами?.. Про силы майор думал не зря. Вроде бы, пустяк — девчонка да наркоман. Но девчонка умела завалить мужика, а у Дохлого имелось оружие. Пистолет, и нож-выкидуха, и, может быть, что-то еще. Главное, эта парочка была готова на все, почувствовав, что уголовный розыск взялся за дело.

Уже два дня опера металась по городу. Трудность была в том, что не хватало сотрудников. Следовало нагрянуть одновременно во все адреса и ни в коем случае не посещать их в порядке очередности. Поэтому информация бежала впереди оперативников: любовницы Дохлого предупреждали его по телефону, что, мол, были менты, ищут тебя.

На третий день отменный негласный агент — Леденцов не любил слова «стукач» — по кличке Даун,

сообщил точный адрес очередной ночевки Дохлого. Майор решил, что при кадровом голоде жирновато бросать много сотрудников на задержание этой парочки. Но, учитывая содеянное ими, а также хитрость их руководителя, художника, поехал сам. Разумеется, прихватив Палладьева...

Многэтажный кирпичный дом. Однокомнатная квартира на предпоследнем этаже. Сперва оперативники отыскивали дворничиху, поскольку приятельница Дохлого дверь милиции могла не открыть. Дворничиха удивилась брезгливо:

— Шурку-то? Знаю. По-моему, она дома, гуляет с утра.

— С кем? — спросил майор.

— С каким-то гопником. Она их меняет, как пивные бутылки.

— Опишите его внешность.

— Неужели я разглядывала?

— Ну, что-нибудь характерное...

— С девкой он пришел.

— С какой?

— Не то китайка, не то кореянка.

— Так, попрошу вас пойти с нами, позвонить в дверь, придумайте причину...

— Нет! — не дала она кончить фразу. — Вы уйдете, а Шурка на меня какого-нибудь бомжа натравит. Ментов привела...

— Ладно. Кто ее соседи?

— На площадке еще две квартиры. Из одной уехали в отпуск, из второй сейчас на работе, молодежь.

— А кто над Шуркой живет?

— Пенсионер.

Оперативники поднялись на предпоследний этаж и осмотрели лестничную площадку. Шуркина дверь обескуражила — металлическая. Ногой не вышибешь. Обычно у пропойц двери висят на ниточках.

— Позвонить? — спросил лейтенант.

— Только насторожишь, тут надо наверняка.

Наверняка — это спецназ, резка металла, или взрыв, или пожарная лестница и через окно, или с крыши, или из окна вышерасположенной квартиры... Шум и толпа на улице.

— Поднимемся к пенсионеру, — предложил Леденцов.

Задержания бывают разные, и одно на другое не похоже. Майор вспомнил последнее, когда по лесу бродил сбежавший рецидивист с автоматом. Группа захвата могла бы его взять, но ведь и он мог одного-двух полоснуть очередью. Леденцов два дня не брился, резиновые сапоги, ватник, кепка, корзина. Оперативница тоже в задрипанном прикиде и с корзиной — супружеская пара собирает грибы. Подстава настолько удалась, что когда они вышли на бандита, он у майора попросил закурить. Леденцов дал, заодно надев наручники.

Но бывают захваты и с жертвами...

Пенсионер, изучив удостоверение, не только впустил их в квартиру, но и проникся готовностью к помощи. И объяснил:

— Взорвет меня эта стерва.

— Почему? — удивился майор.

— Пьют на кухне, газ не закрывают. Дважды была утечка.

— Юрий Семенович, она в квартиру вас пустит?

— Да я даже с ней не разговариваю.

Оперативники прошли на кухню, где поведение майора Палладьеву показалось загадочным. Леденцов ногой потрогал плинтус, который болтался, словно был на одном гвоздике.

— Юрий Семенович, скоро отскочит...

— Это точно.

Майор носком пнул линолеум на полу.

— Истерт, даже порвался...

— Да, надо менять.

Майор попробовал ладонью разгладить бумажный горб на обоях.

— Того... коробятся.

— Надо поклеить новые.

Леденцов заглянул под раковину:

— О, тут пол прогнил.

— Ремонт нужен всему, — уже раздражаясь, буркнул пенсионер.

Лейтенанту пришла сумасшедшая мысль: майор хочет разобрать пол и спрыгнуть вниз, в Шуркину кухню. Эту мысль, как сумасшедшую, следовало отогнать, но майор ее укрепил, предложив хозяину квартиры:

— Юрий Семенович, ремонт нужен всему... Почему не делаете?

— Пенсия знаете какая?

— Мы вам поможем с ремонтом.

— Как?

— Завтра же придет бригада из жилконторы и все сделает.

Пенсионер смотрел на гостей, видимо, усомнившись, что они из милиции. Палладьев тоже хотел усомниться, но не знал, в чем. Он, привыкший схватывать мысль начальника с полувзгляда, сейчас не понимал цели разговора.

— Юрий Семенович, но есть условие, — добавил майор. — Вы сейчас пустите на пол воду.

— То есть... В каком смысле?

— В прямом.

— Какую воду? — зашел пенсионер с другой стороны.

— Обычную, из-под крана.

— Как же... кран не достает, — пенсионер тянул время, стараясь уловить смысл предложения.

— А шланг есть? — спросил майор.

Хозяин принес его из ванной. Леденцов тут же приладил шланг к крану, второй конец опустил за раковину и воду открыл. Брызнув, она хлынула ровной струей и побежала по полу.

— Да что вы делаете! — охнул старик.

Майор протянул ему бумажку:

— Вот мой телефон. Готовлю вашу кухню к ремонту. Воду без моей команды не отключайте.

Пенсионер начал панически собирать то, что лежало на полу: сумку, пакеты, какие-то бумажные рулончики... Вода журчала радостно, подкатываясь под паровую батарею.

— Пойдем, — велел майор Палладьеву, а за дверью спросил: — Ну, ты-то врубился?

— Не совсем, — признался лейтенант, хотя не врубился совсем.

— По шуму уловил, что гуляют на кухне. Телефона у них нет. Если с потолка начнется ливень, хозяйка побежит к верхнему соседу. Тут мы и войдем.

Лейтенант промолчал, найдя план оригинальным, но уж слишком. Залить нижнюю соседку, как суслика в норе... Материальный ущерб сразу двум квартирам... Но другая мысль, противостоящая, его укорила: материальный ущерб или жизнь двух сотрудников? Вооруженный рецидивист-убийца способен на все.

Оперативники спустились на нижнюю площадку и замерли. Им оставалось только вслушиваться. Шурка с гостями гуляла аккуратно. Ни криков, ни песен — лишь монотонный гул крепкого разговора.

Палладьев смотрел на майора, боясь упустить командный знак. Леденцову же пришла уже ненужная мысль: надо было бы привлечь спецназ. С другой стороны, Дохлый и девчонка, пусть даже вооружены, — неужели двум оперативникам их не взять?

За стеной глухо скрежетнуло. Видимо, двинули стулья. Затем отчетливый топот с кухни в переднюю. Беззвучная заминка и поворот замка. Леденцов извлек пистолет. Лейтенант потянулся за своим, но майор шепнул:

— Не надо, держи Шурку.

Дверь распахнулась. На лестничную площадку выскочила женщина, как крупная растрепанная птица:

руки вразброс, волосы в разные стороны, халат полураспахнут. Она крикнула куда-то вверх:

— Эй ты, пенсионная сволочь!

Лейтенант схватил ее в охапку, но в передней, куда вбежал майор, увидел Дохлого и Нонку. Палладьев выпустил Шурку и ринулся в переднюю на помощь.

Майор был уверен, что извлечь оружие он Дохлому не даст. Но тот, схватив Нонку за плечо, рывком бросил ее в глубину комнаты, куда прыгнул и сам. Они встали у окна, которое высветлило их отменно.

Леденцов на какой-то миг скосил глаза, чтобы убедиться, кто оказался рядом с ним — лейтенант или хозяйка квартиры; да и не скосил, а сдвинул криминальную пару куда-то на край обзора. Когда взгляд вернулся, то увиденное заставило руку дрогнуть и еще крепче сжать пистолет... Дохлый держал в руке гранату.

— Мент, дай уйти, а то сам зажмурюсь и тебя разнесу в клочья!

— А я не хочу в клочья, — испуганно бормотнула Нонка.

— Тебя, сявка, не спрашивают.

— А я уйду...

Она лишь успела сделать полушаг, как Дохлый хлестко обвил ее рукой и прижал к себе, как прибил. И в этой руке блеснул металл, нож, острие которого он прижал к горлу Нонки. От ужаса она задохнулась:

— Дохлый,пусти...

Майор хотел сказать, но увиденное отшибло все слова... Чека из лимонки была выдернута и прижата: стоило Дохлому отпустить руку, как граната взорвется.

— Мент, уйди с дороги, а то лимонкой угощу.

— Дохлый, а я при чем? — крикнула Нонка.

У майора заломило виски. Что делать? На уговоры нет времени, да и бесполезно. Стрелять в руку с гранатой? Даже если попадешь, лимонку он выронит и взрыв неминуем. Стрелять в грудь — не промахнешься, но Дохлый рухнет и опять-таки взрыв. Майор по-

нял, что пошел краткий отрезок особого времени — не физического, не астрономического и, может быть, даже не человеческого...

Майор вскинул руку и спустил курок...

Одновременно с выстрелом — не раньше ли? — Палладьев метнулся смерчем, поймал выпавшую из руки Дохлого гранату, добежал до ванной, швырнул ее туда, прикрыл дверь и распластался на полу. Все-таки сорванной дверью его по спине припечатало...

Нонка стояла там же, у окна, в позе, словно ее оглушило взрывом. У ног бездыханно лежал Дохлый с аккуратной дырочкой посреди лба...

Понаехало народу много и разного, поскольку была пущена информация о террористическом акте. Рябинин, кончив писать протокол осмотра, спросил майора:

— Как же это вышло?

— Сам удивляюсь, что сумел попасть аккуратно.

— Лейтенант, как все-таки?

— Решил майору помочь.

— Ребята, я не о том. Как вы бессловесно и в секунду достигли синхронности действий? Без нее погибли бы.

37

Я не знал, что взгляд зависит от размера глаз: похоже, узкие этот взгляд уплотняют до лазерных лучиков. Она меня изучала, но это не ее, а моя работа — изучать человека на допросе.

— Будете записывать? — спросила Нонка.

— Буду.

— Давайте сама напишу.

— Что напишешь?

— Добровольную исповедь девушки, сбившейся с пути.

— Спасибо, но мне нужен протокол допроса.

Гейша, Нонка, Нонка-экстремалка... В камере изолятора временного содержания она просидела всего

одну ночь, а на лицо и одежду легла незримая тюремная печать. Как бы пропал экстремализм вместе с гей-шизмом. Лишь узкие глаза.

— Ну, рассказывай про свою жизнь, — начал я издалека.

— А то вы компромат не собрали.

— Собрал, но есть белые пятна. Например, за что тебя исключили из школы?

— За пустяки.

— Например?

— Директора Семена Агеевича звала Семеном Гечем.

— За что?

— Обозвала его мудантом...

— Мутантом?

— Нет, мудантом. Прикольная школа. Одну девчонку исключили за то, что родила на уроке.

— Почему же на уроке?

— Было очень жарко.

Я понял, что в деталях ее криминально-раздраенной жизни можно утонуть — никаких протоколов не хватит. Нащупать бы в ней главное, если оно только есть.

— Нонна, как же все-таки ты встала, мягко выражаясь, на скользкий путь?

— А вы с кем меня сравниваете?

— С девушками, которые учатся, работают, заводят семью...

— А они где родились?

— Ну, кто где...

— А я родилась в деревне Нижние Мошонки. Оттуда пути в правильную жизнь нет.

Обычно преступники ссылались на пьющего отца, гуляющую мать, худое влияние приятелей — она винила географическое место.

Не верилось, что эту остроглазую, крепкоскулую и крутоплечую девицу мог кто-то сбить с пути. Разбираться в ее жизни можно сутки, а времени в обрез: на-

до готовить материалы для прокурора, брать санкцию на арест, да и художником заняться. Я решил пласт ее жизни оставить на потом и перейти к художнику.

— А разве твоя жизнь не изменилась, когда попала к Анатолию Захаровичу?

— Чего ей меняться?

— Живопись, искусство, картины... Например, позировать он не предлагал?

— Кому позировать?

— Ему, скажем, для новой «Сикстинской мадонны»...

— А я не религиозная.

— При чем тут религия?

— Сами же сказали про сектантскую мадонну.

Меня удивляло не то, что она не слыхала о «Сикстинской мадонне» Рафаэля, а удивляло спокойствие — ведь на глазах застрелили ее друга. Как же достучусь до души? А стучаться я обязан. Надо задеть самую тонкую струну, которая трепещет в любой женщине, но сделать не впрямую, издалека.

— Нонна, что ты любишь?

— Все крутое, — усмехнулась она, понимая, что я затеваю душещипательную беседу.

— А именно?

— Крепкие напитки, дорогие сигареты, громкую музыку, острые приправы...

— Ну, а мужчин? — грубо задел я тонкую струну. — Любишь крутых?

— Не угадали. Мужчин люблю молчаливых, рукастых, пахнущих сигаретами и бензином...

Отвечала она неохотно и с затаенной усмешкой, которую я старался не замечать. Ради сохранения контакта, необходимого для допроса:

— Нонна, если не тайна, влюблялась?

— Было дело в шестнадцать лет. Чуть руки на себя не наложила.

— И чем кончилось?

— Турнула паренька.

— Почему же?

— Из-за имени, его звали Аденоид.

— Так. А вторая любовь?

— Тоже под зад коленом.

— И тоже из-за имени?

— Ага. Выдавал себя за скинхеда, а сам торговал в ларьке секонд-хэнд, поношенным барахлом.

Она вдруг глубоко вздохнула, словно ей предстоял подводный нырок. Глаза блеснули... Да они никак зеленые? Не хочет ли она резануть меня двумя узкими лучами надвое? Я притих, ожидая выходки.

— Следовательно, хватит дрожать, как хрен на терке! Хочешь развести лабуду про любовь, труд, совесть и честность? Давай по делу.

Как в план мой заглянула. Да, хотел лабуду. Ее слова, вернее, окрик, вонзился в сознание каким-то электрическим разрядом, который помог глянуть на мою работу пристальнее и мгновенно увидеть то, что до сих пор проступало в общих смазанных чертах. Именно, лабуда. Я, следовательно прокуратуры, есть слуга закона и государства. Но государство и общество не только меня не поддерживают, а идут против меня. Я говорю преступнику, что воровать грех, — государство же общенародную собственность и недра отдало в частные руки безвозмездно, тем и воровать не потребовалось; я призываю к полезному труду — государство учит наживаться на всяких играх, банках, процентах; я убеждаю не пить алкоголь — реклама назойливо зовет бежать за пивом; я говорю о любви — СМИ о сексе и презервативах; я о духовности — телесериалы и дамские романы дурманят примитивностью...

Не лабуда ли?

— Так. Расскажи о хищении картины художника Филонова у студента. Признаешь?

— Нет. Сделала для Захарыча и по его наводке.

— А СПИДом пугала студента?

— Пугал и силу применял Дохлый. СПИДа у меня нет.

— Так, подмена эскизов Репина у пенсионерки, когда выдала себя за работника японского консульства?

— Захарыч придумал.

— Так, а продать нетрезвую девицу кавказцам тоже он придумал?

— Нет, Дохлый.

— Так, кража из музея «Натюрморта» Кандинского?..

— Из реставрационной увела по просьбе Захарыча. Сказал, что вернем, и вернули.

— Уже копию?

— Меня это не колышет.

— А кто кислотой картину в музее облил?

— Дохлый.

Ее тактика была очевидна: все валить на Дохлого и на художника.

Я не сомневался, что и Анатолий Захарович вину по всем кровавым эпизодам переложит на Дохлого. Удобно, человека нет.

— Ну, а история с объявлением о замужестве и кража рисунков Рериха?..

— Захарыч с Дохлым. Я только была на вокзале.

— Так, а убийство бывшего друга Мониной, мужчины в желтых подтяжках... ты, конечно, ни при чем?

— Не отпираюсь, присутствовала. А душил и палец рубил Дохлый.

— И, само собой, к покушению на жизнь Елизаветы Мониной отношения ты не имела?

— Лепить горбатого не буду... Я вела машину. Натурщица сидела рядом со мной, Дохлый сзади. Он ее по голове и шандарахнул.

— Подробнее. Куда ехали, зачем, почему шандарахнул?

— Захарыч дал свою машину и приказал Дохлому.

— Убить?

— Поезжайте, говорит, за грибами, но возвращайтесь без нее. Понимай как хочешь.

— За что ее убивать? — вырвалось у меня не последственному.

— Захарыч говорил, что она много знает и трепется.

Звонил телефон, а я не шевелился — прерывать допрос хуже, чем прерывать обед. Когда и Нонка стала поглядывать на аппарат, готовый подскочить от нетерпения, трубку я взял. Голос, высокий до визгливости, почти вызвал звон в моем ухе.

— Следователь Рябинин! Куда вы дели Елизавету Моницу?

— Анатолий Захарович, приезжайте.

— Зачем?

— За Мониной.

38

Нонка виду не подала, что слышала разговор. Будто ее не касалось. Скулы крепки, губы сжаты, взгляд не дрогнут... Она даже не моргала — или в узких глазах я не смог рассмотреть? Физически здоровая, энергичная, не дура, волевая... И на что все это употреблено?

— Нонна, ты что же — преступницей себя не считаешь? Мошенничество, кражи, убийства — и ты ни при чем?

— Частично виновата. Как там у вас называется... Участие, соучастие...

— Нонна, меня другое удивляет. Милиция тебя задерживала не раз, ты привлекалась, сидела в камерах... И не страшно?

— А женщине срок давать нельзя.

— Почему же?

— Ей тяжелее, чем мужику. Она слабее, стареет побыстрому, замуж потом не выйти, упускает детородное время.

— Этого легко избежать: вести честный образ жизни. Мне казалось, что весь наш разговор ей хочется

прервать каким-то вопросом. Я это замечал по губам, плотность которых иногда слабела, размыкаясь на краешке, как створка раковины. Хотела спросить или сделать заявление? Скорее всего, потребовать адвоката.

Осторожно вошел Леденцов и сел в сторонке. Его в протокол я уже внес, потому что все участники допроса должны быть обозначены. Похоже, его приход Нонке придал уверенности. Она спросила:

— А сколько время?

— Зачем оно тебе? — удивился я, потому что время теперь для нее пошло другое, безразмерное.

— У меня встреча.

— С Анатолием Захаровичем?

— Хватит, отвстречалась.

— Тогда с кем?

— С ЗАГСОМ.

— Замуж собралась?

— Ага, в три часа должна расписаться.

— Жених-то знает, что ты задержана? — согласился я потрепаться и отдохнуть.

— Должен подойти сюда, в прокуратуру.

— Как же он узнал, если ты со вчерашнего дня в камере?

— Мне разрешили позвонить.

— И он придет?

— Думаю, уже сидит в коридоре.

Я глянул на Леденцова. Над тем, что проверяется оперативным путем, он привык не размышлять. Майор встал и вышел в коридор. Нонка ждала заметно: огладила грудь, подобрала ноги, впустила челку... Неужели и правда жених? Впрочем, чего ей стоит договориться с кем-то из прибалтанных? Неужели она думает, что этот фиктивный жених сможет повлиять на ход следствия? Вошел майор с каким-то парнем, то есть с женихом... В моей голове произошла непонятная сшибка. Память и сознание — разве они не вместе? Но вот сшиблись, не уступая друг другу. Память говорила,

что это студент художественной академии Геннадий, потерпевший, над которым Нонка с Дохлым издевались и отобрали картину художника Филонова... А сознание возмущалось: женихом он не мог быть, поскольку в жизни есть обстоятельства несочетаемые. Неужели она его запугала, чтобы изменить свои показания? Мол, ничего не было и картину подарил.

— Ты жених? — задал я неуместный вопрос.

— Да.

— Хочешь зарегистрировать брак?

— Да, в три часа.

— Когда же вы успели сговориться?

— После эпизода с картиной Нонна пришла ко мне и попросила прощения.

Майор не выдержал. Вскочив, он навис над сидевшим парнем и почти крикнул ему в ухо:

— Она же преступница с малолетства!

— Знаю.

— На ней висит половина статей уголовного кодекса.

— Знаю.

— Она испорчена до мозга костей...

— Неправда.

— Дурак ты, а не студент!

Майор плюхнулся на стул так, что кабинет вздрогнул. И стало тихо, как после цунами. Мое сознание автоматом искало в памяти нечто подобное. Было, конечно, было. Например, насильник отбыл срок и женился на изнасилованной...

Я смотрел на студента. Ему вроде бы девятнадцать. Самый подходящий возраст, чтобы испортить собственную жизнь.

— Геннадий, она же получит срок.

— Буду ждать.

Голосок тонкий, почти детский и незнакомый, прозвучал невнятно:

— Вот вы, менты, какие... Лапшу на уши вешать

про добро да совесть умеете... А если человек надумал завязать, то вам надо его посадить...

— Неужели ты думаешь, что замужество тебя спасет от наказания? — повысил я голос.

— Не думаю! Но я хочу сидеть замужней, порядочной женщиной!

Она плачет? Слез не было, но щеки повлажнели. Присмотрелся ли я, на мокрой ли лучше видно, но различил веснушки. Разве веснушки высыпают летом и бывают ли они у гейш?

К поискам истины я охладел после того, как понял, что она не кристальна и не прозрачна. Для меня всегда бесспорной истиной оставался закон силы против зла. А если против зла не силу? Величайшая глупость помещать всех преступников в одно место, и государство это делает только потому, что нет ничего иного.

— Геннадий, а если она сбежит? — спросил я студента.

— Ручаюсь, — вспыхнул он.

Майор проскрипел стулом. Или зубами? Кожа на его лице натянулась, словно распятая скулами. Глаза сделались уже Нонкиных. И удивили рыжеватые усики: казалось, они двигаются по верхней губе, пробуя уползти на щеки.

— Подождите в коридоре, — велел я жениху с невестой, проводив их под надзор сидевшего там сержанта.

— Сергей, никак хочешь отпустить ее бракосочетаться? — злобно поинтересовался майор.

— Хочу.

— Спятил? — уже спокойнее, уже по-дружески спросил он.

— Девушка запуталась...

— Сергей, есть девушки, есть женщины и есть бабы. Нонка не девушка, не женщина и не баба. Она — преступница.

— Боря, что нужно бросать утопающему?

- Спасательный круг, но у нас его нет.
- Боря, тонущий поблагодарит и за соломинку.
- Да Нонка сделает подсечку студенту и смоемся!

Ответить я не успел, потому что появился Палладьев. Он в протокол допроса включен не был, но уже и не было допроса. Меня озарило:

- А в ЗАГС с Нонкой поедет лейтенант.
- Зачем? — удивился Палладьев.
- Жениться, — объяснил Леденцов.
- На Нонке? — всерьез опешил лейтенант.

Я изложил ему задачу. Неохотным кивком майор подтвердил мои слова. Все-таки лейтенант уточнил с легким недоумением:

- В качестве кого же еду?
- Свидетелем со стороны невесты. Часа через два-три ждем обратно.
- Прихвати с собой сержанта, который в коридоре, — велел майор.

39

Мы с Леденцовым остались вдвоем. Точнее, втроем: я, он и тишина. Говорить не хотелось, потому что разговор наверняка бы обернулся спором. Мы наслаждались тишиной. Майор все-таки не утерпел подать краткую реплику:

- Сбежит — ловить не стану.

Я не ответил, потому что наслаждался тишиной. Впрочем, тишина возможна в поле, в лесу, в квартире, даже на улице, но только не в следственном кабинете.

Дверь приоткрылась, и в проеме заалело. Вернее, полыхнуло безжарным огнем. Дверь отъехала нараспашку, впустив огонь в кабинет...

Пиджак розовый, галстук красный, рубашка ярко-красная, Брюки «бордовый металлик». И рубиновое лицо.

- Садитесь, — предложил я художнику.

- Где Лиза? — спросил он, озираясь в моем крохотном кабинете и майора не заметив.
- Какая Лиза, первая или вторая?
- Никакой первой нет.
- Куда же она делась, Анатолий Захарович?
- Ее забрали краски.
- Откуда вы знаете? — глупо спросил я, как бы поверив, что краски могут забирать.
- Следовательно, помнишь мою акварельку, ромашки на длинных стеблях?
- Да, похожие на голенастых школьниц...
- Теперь не похожи, длинные стебли надломились, и ромашки поникли.
- Я не понял — поникли на картине? Или художник выражался иносказательно? По-моему, не дошло и до майора, сидевшего истуканисто.
- Анатолий Захарович, — уточнил я, — и что это значит?
- Елизавету забрали красные краски.
- В каком смысле?
- Вы ничего не знаете о красном цвете?
- Знаем, — встрял майор, — в Японии туалеты красного цвета, чтобы не засиживались.
- Я попробовал его остановить взглядом, потому что в серьезном разговоре шутки неуместны. Майор мой взгляд понял и добавил:
- Но красный цвет вызывает аппетит.
- И агрессию, — подхватил мысль художник. — Знаете цвет корриды? Бычья кровь на песке.
- Отклонение от логики вопроса я допускал. В человеке кроме ума, чувств, воли и всяких интуиций есть что-то еще, неопределимое и неуловимое. Душа, что ли? Сейчас это неопределимое и неуловимое было в художнике, но не душа — какая-то энергия, которая, похоже, ему не подчинялась.
- Анатолий Захарович, да вы сядьте.
- Елизавета...

— Какая? — перебил я.

— Которую забрала краска. Носила одежду только красного цвета. Искала шубу с мехом цвета бордо.

— Но вы тоже носите все красное...

— У меня есть замысел написать картину человеческой кровью. Красную Мону Лизу. А?

— Разве... — начал было я.

Остановил его взгляд, направленный вроде бы на мое лицо, но я не сомневался, что он идет мимо, в окно, на ту сторону улицы. Мою заминку Анатолий Захарович воспринял как неверие в красную Мону Лизу.

— Следовательно, есть шведская художница Наталья Эденмонт. Она режет кроликов, а их окровавленные головы выставляет в вазах.

— Неплохо.

Взгляд художника переместился с окна во двор и начал как бы стекленеть. Туда же повернул голову и майор.

— Дверь у меня бесшумная...

У порога стояла девушка-старушка. Тяжело нависающие веки, морщины у рта, плачущий взгляд... И два белых цвета: кожа на щеках и повязка на голове.

— Уйди! Тебя нет! — крикнул ей художник почти визгливо.

— Добрые люди меня отходили, — тихо оказала Мониная. — Я же не могла вспомнить ни имени своего, ни фамилии...

— Врешь, тебя взяла красная краска!

— Она взяла твою жену. Ты велел мне подсыпать ей и в краску, и в пищу. А я, дура, не понимала.

— Что подсыпать? — не удержался майор.

— Таллий. Он и сейчас есть в мастерской, в банке, смешан с манной крупой.

— Не слушайте ее! — опять крикнул художник.

— Почему же, Анатолий Захарович? — спросил я.

— Это не Мониная! Ее взяла красная краска. Там, в лесу, вместе с моей машиной!

В организме — не в горле, а именно в организме художника — мелко заклекотало. Нет, не мелко, а с такой силой, что в такт этому клекоту его взгляд заметался по кабинету ошарашенно, как случайно залетевшая птичка.

— А-а, эта тоже Елизавета Мониная? И ее заберет красная краска. Таллий-то у меня кровавого цвета...

В уголках его губ мелко запузырилась слюна. Белки глаз порозовели. Бороду дергала конвульсия, словно ее шевелила воздушная струя.

Я глянул на Леденцова. Он понял и выдернул из кармана мобильник...

«Скорая» приехала мгновенно. Анатолий Захарович что-то выкрикивал и бросал на меня красно-воспаленные взгляды, в которых я увидел страх и боль, как у собаки, бегущей от побоев с куском краденого мяса.

— Буду сопровождать, — бросил на ходу майор.

Еще бы, «скорая» повезет убийцу. Я глянул на Елизавету, стоявшую безмолвно, устало, даже бесчувственно:

— Мониная, давать показания можете?

— Лучше завтра...

— Хорошо. Одна доберетесь?

— Меня отвезут знакомые.

— В поселок Кивалово?

Она кивнула. В городе ей теперь жить негде.

40

В кабинете я остался один. Без тишины: казалось, что нервный шум дня еще висит, зацепившись за сейф и стены. И от этого подрагивает воздух, ставший сухим до колкости.

С точки зрения уголовного розыска дело закончено, потому что все фигуранты определены: один убит, второй в психушке, третья выходит замуж. А у меня, у следователя, работа, похоже, только начинается: обыск в мастерской, изъятие таллия, десятки допро-

сов, очные ставки, экспертизы медицинские, психиатрические, химические... Одна эксгумация чего стоит. Еще брать санкции на арест...

Звонил телефон. Пободревший голос майора сообщил:

— Сергей, все в порядке. Художник у врачей. Ему сделали уколы и тому подобное. Охрану я обеспечил.

— Ко мне заедешь?

— Только сперва в ГУВД, хлопочу деньги на ремонт развороченной кухни...

Я пошевелил затекшими плечами. Набегающих лет не видно, но я заметно расширился. Чего переживать? Евросоюз расширяется, НАТО расширяется, Вселенная расширяется... Только Россия сжимается. Ядовит я стал, как бледная поганка...

Телефон звонил. Голосом человека, получившего деньги на ремонт кухни, Леденцов уведомил:

— Сергей, я освободился.

— Теперь куда?

— К тебе.

— Боря, заскочи в ЗАГС. Уж пора бы им жениться...

Последнее слово выдавил с сарказмом, ибо я стал ядовит, как бледная поганка. Не только потому, что задубел на следственной работе. Да, тут кровь, изнасилования... Но ведь пошлости и глупости с каждым годом в жизни прибывает. Вчера глянул телепередачу, думал, что о здоровье. Нет, о продолжительности сексуальных контактов. А где о продолжительности интеллектуальных контактов?

Телефон опять звонил, и наверняка опять майор.

— Сергей, все в порядке — поженились.

— А где лейтенант, Палладьев?

— Побежал за шампанским для молодоженов.

Михаил СТАРЧИКОВ

РАЗРЕЗАЮЩИЙ ВРЕМЯ

фантастика

Уже много месяцев продолжал свой кровавый поход завоеватель сотен больших и малых народов Шемуши-хан, и одержал он немало славных побед. Лишь дымящиеся развалины оставались от городов, посмевавшихся оказать ему сопротивление. Стрелы, пущенные ханскими воинами, порой затмевали солнце. Никто не мог устоять под бешеным натиском его армий, не знавших страха.

Однажды войско Шемуши-хана достигло огромной пустыни, и после наступления темноты велел он сделать передышку и разбить лагерь. С радостью исполнили его приказ уставшие за день воины, и вскоре тишина воцарилась кругом.

Вдруг что-то кроваво-красное низверглось с небес на землю, пронзая предрассветную муть, словно яркая вспышка пламени. Испуганно встрепонулись кони, и вздрогнули, просыпаясь, люди, и снова полумрак вступил в свои права.

Только трое отважных воинов решились подойти к месту, куда упал небесный огонь. Вел их сам Шемуши-хан, сильный, как леопард, и хитрый, как шакал, крадущийся ночью. Недруги называли его страхом пустыни, потому что безумным мужеством своим в бою внушал он ужас противникам.

Посветив факелами вокруг себя, храбрецы увидели обломки неведомого им серебристого металла и тела двоих погибших чужеземцев, облаченные в странные блестящие одежды. Один из них и после смерти сжимал в руке продолговатый мерцающий жезл. И взял этот жезл Шемуши-хан, и закрылся с ним в своем шатре, приказав всей свите покинуть его на время.

Поутру вышел он к войску и, обратившись к лучшему кузнецу, повелел выковать меч из своей находки. И выполнил тот повеление властелина, и изготовил страшное оружие, блеск лезвия которого ослеплял врагов. Небесный клинок рассекал любые доспехи, и не было ничего страшней него в лютом бою.

Долго еще жил на горе врагам Шемуши-хан, завоевал

он половину мира, однако настало и ему время закончить свой земной путь. Собрав в походном шатре верных друзей и военачальников, могущественный властелин, готовясь к последнему вздоху, взял в руки свой чудесный меч. Но вдруг ярче солнца засветился он, и исчез грозный хан. И вскричали от страха все его приближенные, и упали ниц.

Прошло еще немало лет, прежде чем люди стали забывать Шемуши-хана и блеск его кровавых побед. Но вдруг он снова появился в своем царстве, молод и полон сил. Хотя был хан в новом облике, однако по-прежнему сжимал в руках свой страшный клинок. И опять пошла по свету грозная слава непобедимого воителя и его меча, прозванного «разрезающим время»...

2

— Не правда ли, очень интересная и вместе с тем странная легенда? — обратился профессор истории Иван Иванович Васильев к своему гостю, известному ученому-востоковеду Петру Николаевичу Орлову. — Кстати, гробница Шемуши-хана так и не была найдена.

Посмотрев на тонкую арабскую вязь на страницах небольшой книги, которую Васильев держал в руках, Петр Николаевич утвердительно кивнул.

— Мне рассказывал эту историю Алеша. Давно, еще до войны... Ты сам знаешь, он верил в нее от начала до самой последней буквы. Все же, согласишься, это как-то нереально — меч, разрезающий время....

— Я отчасти разделяю твое мнение, однако Шемуши-хан — реально существовавшая личность, а потому какая-то доля правды во всей этой красивой легенде имеется.

— Ты прав в одном — нельзя отрицать все, что невозможно объяснить логически, — сразу же откликнулся Орлов. — В конце концов, что такое сегодня или вчера? Прожив долгую и интересную жизнь, я, тем не менее, до сих пор не могу точно ответить на вопрос, существует ли одновременно, как в сказках о машинах времени, настоящее прошлое и будущее. И самая большая загадка: воз-

можно ли при определенных обстоятельствах вырваться из мира, в котором мы живем?

Взяв у Ивана Ивановича книгу, он пролистнул несколько ее страниц и, положив на стол, молча посмотрел в окно. Наступила четвертая послевоенная весна, ярко светило солнце, и во дворе весело чирикали воробьи. Казалось, все живое стремилось как можно скорее насладиться покоем, счастьем и мирной тишиной — всем тем, чего так не хватало долгие четыре года войны.

— Но это еще не все, Петя, — продолжил Васильев, снова взяв в руки старинный манускрипт. — Эту книгу нашел в одной из антикварных лавок и впервые показал мне Алеша. Продавец не смог ничего пояснить о ее происхождении и не знал действительной ценности этой рукописи.

И тут в памяти Орлова всплыли события 1941 года, когда при невыясненных до сих пор обстоятельствах в песках Каракумов таинственно пропал вместе с экспедицией московских археологов сын его друга профессора Васильева — Алексей Васильев.

В июне 1941 года он в составе небольшого археологического отряда пытался найти место захоронения известного в древности воителя Шемуши-хана. Именно Алексей рассказал ему, что, согласно сохранившимся древним легендам, с помощью найденного во время одного из походов звездного меча Шемуши-хан завоевал бесчисленное количество городов и царств. В расцвете своей славы он вдруг бесследно исчез, а потом, словно разрезав время (так говорилось в легенде), вернулся на землю предков и продолжил свой кровавый поход.

Изучив сохранившиеся старинные сказания, Алексей считал, что именно в этом клинке скрыта какая-то неведомая сила и страшная, неземная энергия. Он верил в существование таинственного звездного меча Шемуши-хана и безумно хотел найти его, это желание превратилось просто в какое-то наваждение.

Отправившись в свою последнюю экспедицию, Алексей был уверен, что теперь уж находится у самой цели. Незадолго до исчезновения он послал отцу телеграмму из районного центра, в которой писал, что до осущест-

вления его мечты остались считанные дни. А ровно через неделю пришло короткое сообщение, что ученые бесследно пропали вместе со всеми нанятыми ими для работы местными жителями. Лишь только спустя месяц где-то в песках случайно было обнаружено снаряжение археологов. И ни одного человека из состава экспедиции. Все они как будто провалились сквозь землю.

Эта удивительная и странная новость быстро облетела весь московский научный мир. Все сочувствовали Ивану Ивановичу, сам же он просто не находил себе места и собирался, бросив все, пуститься на поиски сына.

Но на дворе стояла вторая половина июня 1941 года, и уже спустя неделю все происшедшее заслонила другая беда. Огромная, как вселенская пустота, она вскоре вычеркнула навсегда из жизни не одну, а десятки миллионов человеческих судеб. Через месяц Иван Иванович и сам Орлов добровольцами вместе ушли на фронт, однако изменчивая военная судьба снова свела их только весной сорок четвертого.

— Видишь ли, Петя, я не все рассказал тебе тогда, перед войной, — продолжил Васильев. — Во время тех поисков на месте последних работ экспедиции нашли дневник сына. Он начал вести его за неделю до того, как... Ну, ты сам понимаешь, что я имею в виду.

Закурив, он жадно затянулся и, выдохнув клубы дыма, продолжил:

— Теперь же я хочу, чтобы ты прочел его. Может быть, ты поймешь в этих обрывочных записях больше, чем я. Удивительно, но в последнее время при мыслях об Алеше мне все время вспоминается его последний день рождения, за два дня до отъезда, — тут его голос предательски дрогнул. — До сих пор перед глазами почему-то стоит мой подарок к его двадцатилетию — часы «Слава» в золотом корпусе. Он тогда так был рад, долго пожимал мне руку и обещал больше не прогуливать лекций.

— Хорошо, Ваня, я сегодня же вечером прочитаю этот дневник, хотя очень сомневаюсь, что мне удастся понять в нем что-то такое, что не смог понять и разглядеть ты сам. До завтра.

Петр Николаевич, взяв протянутую другом тонкую пожелтевшую тетрадку, спрятал ее в карман плаща.

Спустя два часа после ужина, сделав чашку крепкого кофе, он закрылся от жены в ночной тишине кухни и перевернул первую страницу короткого дневника.

3

Дневник Алексея Васильева

Понедельник,
9 июня 1941 года

Как замечательно интересна эта штука — жизнь! Еще вчера я был в Москве и всю ночь напролет бродил по ее улицам вместе с Галей — лучшей девушкой на свете, а сегодня поезд уже уносит меня в пески. Я проспал целый день и, открыв глаза, под стук колес вдруг обнаружил, что все, чем я жил до этого — и Москва, и друзья, — остались далеко позади. Не правда ли, это, по меньшей мере, странно! Впрочем, пора ужинать, подробнее напишу об этом завтра.

Да, я решил вести дневник нашего путешествия в пустыне — как только выдастся свободная минутка, буду записывать в него обо всех интересных событиях этой экспедиции.

Суббота,
14 июня 1941 года

Неделя пронеслась так быстро, что взяться «за перо» я смог лишь сегодня. Мы уже почти на месте. Нас устроили в какой-то третьеразрядной гостинице на окраине. Но это ничего — здесь мы задержимся ненадолго. Наш путь — в Каракумы!

Да, хочу уточнить для истории, что мы — это я и четверо сотрудников столичного института археологии. Совсем забыл написать еще о семерых нанятых нами подсобных рабочих. Все они из местных жителей, хорошо, с их слов, знают пустыню.

Один из них, молодой парень по имени Али, в ответ на мои вопросы о местных достопримечательностях рас-

сказал уже известную нам легенду о Шемуши-хане и его таинственном мече. Я сказал ему, что его-то мы как раз и ищем. Али сразу же посоветовал мне ни в коем случае не искать этот клинок — якобы не всякий смертный сможет выдержать его сияние, а, взяв в руки, непременно погибнет.

Все это, конечно же, сказка; я пытался растолковать ему, что нам нечего бояться, но Али даже не стал прислушиваться к моим словам. Кстати, наутро он рассчитался и ушел из гостиницы.

Вторник,
17 июня 1941 года

Представьте себе, нам ужасно повезло! Я уже чувствую себя почти Шлиманом! Один из проводников пообещал привести нашу экспедицию к руинам какого-то древнего города, по его словам, занесенным песком. После недельного блуждания по пустыне мы уже собирались повернуть обратно, но тут он, подойдя к одному из барханов, вдруг заявил, что под нами — старинный город, об этом ему якобы рассказывал отец его отца.

Естественно, мы сначала ему не поверили и хотели даже поднять на смех. Но он настаивал на своих словах, и мы сдались. Однако каково же было наше удивление после того, как, побросав песок не более дня (если бы кто-то только знал, какая здесь ужасающая жара!), мы натолкнулись на каменную кладку крепостной стены. Через два дня работ стало ясно, что, по всей видимости, нами найдены руины крупного средневекового города, возможно, столицы одной из провинций империи самого Шемуши-хана. Но пока это только предположение!

Еще спустя трое суток мы обнаружили развалины монументального сооружения круглой формы, похожего на мавзолей. Все здесь очень древнее, раствор между камнями порой рассыпается в пыль, вздымаемую ветром. Вчера вечером была небольшая песчаная буря, она быстро засыпала все отрытое нами за три дня. Похоже, пустыня не хочет просто так, без борьбы, отдавать нам свои тайны.

Писать больше некогда, я иду работать. Вчера ночью

мне приснилось, что мы нашли меч — тот самый, переносящий во времени. Это очень странно, но во сне я отчетливо видел, как взял его в руки и даже ощутил теплоту небольшой ребристой рукояти. Даже не знаю, где бы я с его помощью хотел оказаться. Может, стать современником самого Шемуши-хана?

Среда,
18 июня 1941 года

Я, кажется, был абсолютно прав! Сегодня в найденном мавзолее мы открываем погребение знатного воина, возможно, правителя этого древнего города. Именно я буду описывать каждую деталь обнаруженного захоронения.

Перед нами останки мужчины, на нем то, что называлось когда-то доспехами, я отчетливо вижу отделанный золотом шлем. У правой руки воина меч без ножен. Странно, что он полностью сохранился, как будто еще вчера его кто-то держал в руках.

Клинок таинственного меча сделан из какого-то непонятного беловатого, словно мерцающего, металла. Он почти такой, каким я видел его во сне. Я первый возьму его в руки после многовекового сна. Итак...

Далее записи в дневнике обрывались, и история пропавшей экспедиции оставалась недосказанной.

4

Петр Николаевич бережно закрыл последнюю страницу этой короткой рукописи и задумался. Итак, меч, разрезающий пространство и время? Но это все — не более чем легенда. Однако куда же могла подеваться экспедиция и почему так внезапно оборвались записи Алексея? Увы, дневник не дал ему никаких новых предположений или версий о случившемся в пустыне.

«Значит, они все-таки отыскиали в песках какой-то древний город, возможно, столицу государства самого Шемуши-хана, — подумал он про себя. — Однако тогда странным является тот факт, что на месте обнаружения имущества археологов и этого дневника больше никто

ничего не нашел. Ни города в песках, ни какого-либо мавзолея. Как будто все это вместе с археологами переместилось в иное пространство или измерение. Смешной вывод для такого здравомыслящего человека, как я, не правда ли? Неужели и меня, как когда-то Алексея, очаровала старинная легенда о сказочном мече?»

Хрустнув пальцами, Орлов свел руки в замке за головой. Часы пробили один раз, за окном скоро начнется новый день. Он встал со стула и, не желая будить давно спавшую жену, тихонько ступая, прошел в свой рабочий кабинет. Положив прочитанный им дневник на стол, Петр Николаевич наскоро постелил себе на стоявшем в углу кожаном диване. Разделся, лег на него и укрылся теплым полосатым пледом, после чего сразу же забылся беспокойным сном.

Всю ночь Орлова мучили странные и дикие видения, полные кровавых зарев и страшных ночных набегов неведомых всадников.

Неожиданно Петр Николаевич явственно увидел себя в незнакомом большом средневековом городе, осажденном неприятелем. Он — воин, и поэтому его место — рядом с товарищами на крепостных стенах. Они отбивают приступ за приступом, засыпая телами убитых врагов рвы вокруг полуразрушенных укреплений. Вскоре участь города решена, последняя атака нападающих оказывается роковой.

Вот Орлов уже стоит в замершем от томящего напряжения пешем строю на одной из улиц города. Кругом полыхают пожарища, но ханская гвардия будет драться до последнего бойца. Покрытый доспехами, сжимая до боли в онемевших руках древко копья, он словно пытается загородиться им от невыносимого ужаса вылетающей из-за угла и быстро приближающейся к ним лавины всадников.

Бешеный топот копыт их коней заполняет все вокруг, заставляя содрогнуться землю под ногами. Хрипло кричащие что-то, вооруженные длинными мечами конные воины в блестящей броне все ближе и ближе, и первые ряды гвардии уже смяты ими, изрублены и раздавлены.

Закрываясь щитом, Петр Николаевич поднял взгляд —

и неожиданно отчетливо увидел под прорезью отделанного золотом стального шлема одного из атаковавших их всадников до боли знакомые светло-серые глаза.

«Неужели это Алексей? — вдруг мелькнула у Орлова нелепая до одури мысль. — Что же с нами сейчас происходит?»

Сильный и безжалостный воин, поднявший перед Петром Николаевичем коня на дыбы, слегка откинулся назад в седле, готовя для последнего удара свой меч с мерцающим, как пламя, узким клинком. Вдруг на запястье его левой руки из-под кольчужной сетки что-то блеснуло золотом и стеклом с тонкими стрелками.

Спустя секунду Орлов почувствовал острую боль, словно разрывающую его на части, и тут же все происходящее вокруг словно погрузилось в темноту.

Внезапно проснувшись, весь в холодном поту, он увидел за окном привычную с детства московскую улочку, окрашенную розовой дымкой рассвета. Жизнь снова медленно входила в его уютную маленькую квартиру.

Вдруг что-то снова зловеще сверкнуло сталью на его ковре над диваном. В страхе вскочив, Петр Николаевич тут же вспомнил, что это всего лишь дедовская шашка, привезенная им с гражданской войны.

«Господи, как же расшалились нервы, — подумал он, снова засыпая. — Что это мне снилось, никак не могу вспомнить. Наверное, опять война».

Время, по чьей-то непонятной прихоти только что сжавшее для него века в тугую спираль, снова продолжило свой обычный бег, покотившись привычной неспешной чередой дней.

А. ГЕРАСИМОВ
ВЕГА
С ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ
фантастика

Я всегда гордился тем, что отношусь к разряду так называемых неугомонных людей. Куда только не бросала меня жизнь за последние двадцать лет. В арсенале моих увлечений были и разработка плантаций растений-людоедов на Меркурии, и археологические раскопки на Марсе, и двухлетнее заточение в капсуле-лаборатории в кольце Сатурна, и ловля контрабандистов за орбитой Плутона, и многое другое.

Мне доставляло удовольствие чувствовать себя сильным, свободным, не отягощенным обременительными привязанностями и долгами перед себе подобными. Я был одинок, легок на подъем, еще далеко не стар и жаден до новизны с ее непредвиденными случайностями и опасностями. Это давало ощущение полноты жизни, резкого и яркого чувства бытия. Избранный образ жизни меня устраивал, и я не сменил бы его ни на какой другой.

Иногда, правда, я доходил до крайностей в своих исканиях. Таким было и последнее решение, которое привело меня на борт этого гигантского межсистемного звездолета, совершавшего свои рейсы раз в пятьдесят лет между Землей и одинокой планеткой отдаленной остывающей звезды. Такие полеты я называл «рейсами отчаяния», ибо только им можно объяснить решение человека добровольно провести большую часть жизни в Богом забытой дыре. Я, как вы понимаете, был исключением из этой категории. Просто единственное, что мне еще не приходилось испытывать в полной мере, — это испытание временем. Вернуться на Землю я смогу в лучшем случае лишь через пятьдесят лет. И понимание своей беспомощности приблизить срок возвращения, если бы мне этого захотелось, придавало особую остроту путешествию. Возможно, это было проявлением какого-то скрытого мазохизма, не знаю. Копаться в себе я не собирался. Просто захотелось лететь, вот я и лечу.

Лечу уже второй месяц. Почти все пассажиры ушли спать до окончания полета, а я и еще несколько человек бодрствуем, любуясь грандиозной картиной космоса.

Этого человека я давно приметил. Высокий, чуть суту-

ловатый, со скорбными складками умного, волевого лица, он в начале полета, как маятник, ходил взад и вперед по салону, не замечая никого и ничего вокруг. Затем уселся в кресло, устремив взгляд своих пепельно-серых глаз в окно, и так сидел уже двое суток.

Иногда лицо его искажала гримаса страдания и боли, а губы беззвучно шевелились. Мне с трудом удалось разобрать одно слово: «Вега». Я проследил направление его взгляда. В бездонной глубине, словно на лотке, покрытом черным бархатом, драгоценными камнями переливались тысячи звезд. Большие и маленькие, белые, голубые и розовые, они мерцали, струились, переливались, горели и тлели, притягивая взгляд и наполняя душу восторженным умиротворением. Среди этой роскоши выделялась и сверкала особым алмазным блеском огромная белая-голубая звезда. Я узнал ее — это была Вега.

Я пробовал читать, но мысли постоянно возвращались к странному пассажиру. Что бросило его в этот рейс? От чего или от кого он бежит? Что связывает его со звездой, имя которой он повторяет с отчаянием обреченного? Чужая душа — потемки. И чем дольше я думал, тем загадочнее он казался. Это меня и притягивало. Наконец я не выдержал и подсел к нему.

— Вегой любуетесь?

Он с трудом оторвался от своих мыслей и медленно перевел взгляд на меня.

— Простите, вы что-то спросили?

— Да нет, это я так. Думаю, лететь далеко, а спать не хочется. Правда, ведь? Так можно всю жизнь проспять. — Я указал на иллюминатор: — Красота! Вот ради чего стоит жить.

— Вы думаете? Вы серьезно думаете, что только ради этого надо жить?

— А почему бы нет. Все остальное суетно, а здесь вечность. Открыть еще одну звезду, еще одну планетную систему. Проникнуть в самые сокровенные тайны космоса. Что может быть заманчивее и прекраснее. Слабый человек и необъятная бездна. Мгновение и бесконечность. Давид и Голиаф. И именно слабый покоряет бездну. Прекрасно! Это ли не торжество разума. Чем же еще за-

ниматься людям? Копаться, как муравьи, в своем заштатном муравейнике? Общаться друг с другом, вроде как они, усиками, и это общение ставить во главу угла. Стоит ли? Мелковато для разума.

— Может быть, в этом общении и есть весь смысл бытия, — тихо ответил он. — Поиск не должен быть самоцелью. А люди и есть миры. Близкие, далекие, простые, сложные, часто не познаваемые, но всегда миры.

Постепенно мы разговорились, но наш разговор касался лишь отвлеченных тем. Выяснить что-либо, относящееся непосредственно к этому человеку, мне не удавалось. Единственно, что я узнал, это его имя — Олсен, по специальности он инженер-строитель и на той планетке, куда мы летим, надеется найти применение своим знаниям.

Исчерпав две-три темы, мы замолчали. Первым нарушил молчание Олсен:

— Я говорил тут о людях-мирах, о загадках человеческой психики. Ответьте мне, что такое любовь?

Вопрос был неожиданный и вроде бы неуместный, и в первый момент я даже слегка растерялся.

— Простите, но что вы имеете в виду, то есть я хотел спросить, какую любовь? К матери, другу, планете Земля, работе? Какую конкретно?

— Любовь между мужчиной и женщиной.

Я усмехнулся. Тема явно не имела ко мне никакого отношения. Не то чтобы я был женоненавистником, ничто человеческое, как говорится, мне не было чуждо. Естественно, были в моей жизни женщины. И на Земле, и на Меркурии, и на Марсе. Но только появлялись они, когда мне это было нужно, и уходили, когда потребность в них исчезала. Ни о какой длительной привязанности не могло быть и речи, тем более о какой-то любви. Да и есть ли она? Возможно, этот термин просто придумали поэты и писатели. Я снисходительно и немного с жалостью посмотрел на своего собеседника, а тот, не получив ответа, продолжал:

— Странно все-таки, человек уже летает на другие солнечные системы, решены проблемы энергетики, долголетия, а вот, что такое любовь... Я вам расскажу одну историю, случившуюся не так давно с моим другом и его невестой. Друга звали... Собственно, какая разница, как его

имя. Ее звали Вега. Особой красотой она не отличалась. Самое обычное лицо. Смуглая. Чуть вздернутый носик. Темноволосая. Вот только глаза необыкновенные — огромные, добрые и со своим внутренним, лучистым светом. Но для Олсена она была, конечно, самой прекрасной и желанной на свете. Кроме того, у них было необыкновенное душевное родство. Они могли без слов понимать друг друга. Их желания, увлечения часто настолько совпадали, что это приводило даже в некоторое замешательство. Словом, это о них сказано, что люди созданы друг для друга. И тут произошло непредвиденное.

В институт, где работала Вега, привезли женщину-археолога с тяжелым, доселе неизвестным заболеванием мозга. Вначале полная амнезия — потеря памяти, затем горячка, бред. Говорили, что она вскрыла и в одиночку обследовала одну из запечатанных ритуальными знаками запрета погребальных камер.

Женщина была необыкновенно хороша собой. Ее внешность обладала той удивительной и редкой гармонией, которая возникает лишь при сочетании классических пропорций и духовного обаяния, превращающем красивое в прекрасное. И вот это свое чудесное творение природа решила уничтожить, причем весьма изощренным способом, поразив только мозг и совершенно не тронув ничего другого. Врачи боролись за ее жизнь как могли, но все было тщетно. Женщина умирала. Оставался единственный выход, чтобы выиграть время, — анабиоз. К нему и прибегли. Но на одной из стадий погружения в анабиоз неожиданно наступила смерть. Мозг извлекли для исследования, а поскольку родственников у женщины не было, тело должны были кремировать. Казалось, конец трагической истории, однако у нее было драматическое продолжение. Вега!

Представить невозможно, на что может пойти женщина во имя любви. Я уже говорил вам, что археолог была поразительно красива. И вот Веге пришла мысль одарить своего любимого, то есть стать для него такой, какой мечтала быть всегда, — самой красивой на свете. Вы, наверное, представляете, что было дальше. Да, да, она пошла на это. Такие операции в их институте и раньше успешно делали, но на животных. Конечно, были дебаты, противни-

ки операции, но она добилась своего. До сих пор не представляю, как можно на такое решиться. Вы скажете смелость ученого, дерзость экспериментатора? Нет, не в этом дело. Для Веги это был второй план. Отчаянная смелость любящей женщины? Да, фактор риска был немалый. Но я сейчас не об этом, я другого не могу понять.

— Чего же? — удивился я.

— Логики. Житейской логики. Как она могла пойти на эту подмену. Ведь он любил ее, понимаете, любил. Не другую, более красивую, а ее.

— Вы сами сказали, что во имя любви к нему. Все логично. Человеческое «Я» — это его мозг. Перенеси мозг в другое тело, и «Я» перенесется вместе с ним, помести мозг в стеклянную колбу и не дай ему умереть, и «Я» будет жить в этой колбе. В чем трагедия или драма? Вега осталась Вегой, только приняла другой, более совершенный, внешний вид. Мне кажется, что вообще за этим будущее, только в несколько иной форме. Осмысленный выбор своей внешности в зависимости от вкуса, необходимости, даже прихоти, если хотите, должен стать возможным и доступным для человека — венца природы. Но, простите, я отвлек вас. Эта история меня крайне заинтересовала. Так что же было дальше?

— Дальше? Операция прошла блестяще. Мозг Веги подключили к телу женщины-археолога. Затем применили методы ускоренного приживления и восстановления жизненных функций.

— Ну, а потом, что было потом? Они встретились?

— Да, встретились. Он прослышал кое-что про операцию и прибежал в институт. Сотрудники встретили его, как заговорщики, и с таинственными намеками, улыбочками, похлопываниями по плечу провели в пустой холл, попросив подождать. Вы можете представить его состояние в тот момент? Гнетущая неопределенность, эти идиотские улыбки и предчувствие непоправимого. Он ходил из угла в угол холла и ждал, вздрагивая от звуков шагов и шелеста дверей.

Она вошла незаметно. Легкой походкой приблизилась к нему сзади и закрыла ладонями глаза. Он резко, пожалуй, чересчур резко отнял ладони и обернулся. Перед ним стояла и радостно улыбалась незнакомая женщина.

Удивительно красивая, легкая, изящная, она вся струилась ему навстречу; каждой черточкой лица, изгибом тела излучала волнение, нетерпение, счастье.

— Здравствуй, милый. Ты не узнаешь меня? Это я, твоя Вега.

Ее руки обняли его за шею. Яркие губы, большие зеленые глаза приблизились вплотную.

И тут он понял все. А поняв, содрогнулся. Четко и обнаженно он увидел чудовищный обман, фальшь происходящего. Ему не нужна была эта женщина, не нужна ее красота, чужие глаза и губы.

«Где Вега, где моя Вега?» — мысленно спрашивал он. Все окружающее стало чужим, далеким. Звонящая пустота окружила его. Дыхание перехватывало судорожными рыданиями. Глаза стали безумными, а губы чуть слышно повторяли лишь одну фразу: «Где моя Вега?»

Тут уже содрогнулась она, почувствовав и поняв непоправимость случившегося. Отчаянно пытаясь объяснить, она обняла его безвольно опущенную голову, прижала к себе и, обливаясь слезами, шептала, что сделала это во имя любви к нему, что она прежняя его Вега, только изменилась внешне. Она шептала подробности, которые могли знать только они двое. Она доказывала, убеждала.

Внезапно он отстранился, спокойно и отрешенно попросил: «Покажите мне ее». Вега зарыдала сильнее. Потом с безнадежной покорностью взяла его за руку и повела: Они шли длинными коридорами, залами. Шли как сомнамбулы, и встречные в испуге расступались перед ними. Вот она раскрыла одну дверь, вторую и, пропустив его вперед, осталась в пустом холодном шлюзе, не смея следовать дальше.

Перед ним на мраморном столе под стеклянным колпаком лежала Вега. Он медленно подошел к столу, жадно вглядываясь в любимое и родное лицо, хотел наклониться, чтобы поцеловать, но натолкнулся на холодное, равнодушное стекло. Вега была рядом, но недоступна, и это обостряло безнадежность и отчаяние. Сколько пробыли они там вместе? Бесконечно мало для прощания и бесконечно много для одиноко рыдающей в шлюзе Веги.

Вышел он уже внешне спокойным, собранным, приняв-

шим решение. Твердо отстранив бросившуюся за ним Веги, он почти бегом преодолел бесконечные коридоры и исчез за стеклянной дверью института. Больше его не видели.

Олсен замолчал и отвернулся к окну, вновь уйдя в свои мысли. Молчал и я, не то чтоб потрясенный — меня уже давно ничто не потрясало, — но немного удивленный и, как бы это сказать точнее, встревоженный, что ли.

— Так что же мы любим? — внезапно прервал затянувшееся молчание мой спутник. — Внешность? Внутренний мир? Или их сочетание? Почему, если бы несчастный случай, например, изменил внешность Веги, мой знакомый никогда не отказался бы от нее, а здесь так произошло? Объясните это противоречие.

Я впервые не знал, что ответить. Этот мир психологической неопределенности не был моим миром. Я привык к ясности и трезвой логике. Но ответить сакраментальной фразой «Чужая душа — потемки» сейчас уже не мог. В глубине моего мозга зародился и, видимо, развивался какой-то процесс, который беспокоил меня и не давал собраться с мыслями. Но отвечать было все же надо, и я промямлил:

— Видимо, для вашего приятеля все-таки определяющее значение имела внешность. Не так ли? Но, возможно, я ошибаюсь. — И неожиданно для себя брякнул: — Чужая душа — потемки.

Олсен взглянул на меня, ничего не ответил и опять отвернулся к окну. Я был несколько смущен и озадачен. Не своей несообразительностью, нет. Оказывается, рядом с моим геометрически строгим и четким миром мужественных людей, искателей, пионеров, миром планет, систем и галактик, существует мир людей и их отношений. Яркий, но очень сложный. И, с очевидностью, интересный.

Мой взгляд упал на светившийся красным светом экран внешней связи корабля. Сектор радиомолчания! Минуты, когда межпланетные корабли не имеют права на прием и передачу информации, а слушают эфир — не подает ли кто сигнал бедствия, не нужна ли кому-нибудь помощь. Я знал, эта традиция имеет многовековые корни и воспринята космическим флотом еще от морского флота Земли. За сотни лет она была нарушена только один раз незадол-

го до начала Эры Воссоединения. Тогда какой-то безумец, спасая свою любовь, бросил в эфир в «минуту молчания» отчаянный призыв к своей возлюбленной. За такое полагалось жестокое наказание. Сотни кораблей слышали этот «SOS» любви, вполне могли запеленговать источник и определить нарушителя. Но ни один капитан не сообщил в морскую инспекцию о передаче, не выдал радиста.

Впервые услышав эту историю, я подумал, что оторвал бы руки и ноги эгоисту, который ни в грош не ставил чужие жизни. А что я думаю сейчас? Может быть, я был не прав и на свете есть нечто выше логики, сильнее формального понятия о долге.

Я смотрел на экран и думал о людях, которые могут пожертвовать собой во имя других. Не человечества в целом, а конкретного, отдельно взятого человека. Невольно возникли в памяти строки рубаи древнего поэта Омара Хайяма, запомнившиеся мне еще с Академии: «Чем за общее счастье без толку страдать — лучше счастье кому-нибудь близкому дать. Лучше друга к себе привязать добротой, чем от пут человечество освобождать».

Я смотрел на экран и словно заклинал его в чем-то. На душе стало тревожно. Олсен сидел рядом, сгорбившись, устремив неподвижный взгляд в одну точку. Кровавый, живой, пульсирующий экран опять притянул мой взгляд. Время молчания еще не прошло, еще двадцать минут. Что же меня так встревожило? И почему Олсен, вдруг оторвавшись от своих раздумий, тоже напряженно и растерянно смотрит на экран.

И тут экран начал бледнеть. Это было невероятно и нереально, как наваждение. Вот он стал из розового голубым, и по этому фону побежали, понеслись, полетели такие знакомые и теперь рвущие душу слова, повторяемые динамиком: «Олсен, родной, любимый, это была ошибка! Я жду! Твоя Вега ждет тебя!»

И всё. Экран опять стал краснеть. У меня все плыло перед глазами. Проскочили обрывки мыслей о переселении душ, повторяемости прошлого и еще чего-то такого же. Олсен рванулся с кресла. Я сидел рядом и явно мешал ему.

— Пустите, ну пропустите же меня скорее! — крикнул он и, сбивая колени о кресла, ринулся прочь из холла.

Через некоторое время, нарушая все законы космических полетов, наш гигантский межзвездный лайнер стал тормозить. Потом я увидел, как от борта корабля отвалила одна из двух запасных ракет и стартовала по направлению к Земле.

Прошло несколько месяцев. Я все еще летел в свое никуда, по временам погружаясь в сон на две-три недели и пробуждаясь в заданное собою же время, чтобы просмотреть газетные новости, полученные с Земли, поразмяться и, так сказать, оглядеться вокруг. Тогда я шел в холл, сиделся перед экраном и во всех деталях вспоминал историю, свидетелем которой невольно стал. При этом я все время смотрел на экран, особенно когда он наливался красным цветом. Чего я ждал от него?

Однажды, развернув газету, в разделе «Коротко о разном» я прочитал небольшую статью, в которой говорилось о двух людях, потерявших и нашедших друг друга в нашей мешанине времени и пространства; об успешном опыте двойной пересадки мозга, его мотивах и результатах. Под заметкой был помещен снимок мужчины и женщины. В мужчине я сразу узнал своего бывшего попутчика Олсена, а женщина была самая обыкновенная с чуть вздернутым носиком, водопадом темных волос и большими лучистыми глазами, так похожими на... Я взглянул в окно. Прямо передо мною сияла Вега, чистая и прекрасная, как глаза тех единственных, которых мы любим.

И вдруг потрясающее чувство одиночества и пустоты обрушилось на меня. Я с трудом проглотил подступивший к горлу тугой комок. Миры, галактики отступили далеко-далеко. Я был один. Ничтожная биологическая пылинка, возомнившая себя покорителем Вселенной. Кто ждал меня? Кому я был нужен? Перед глазами спокойно и насмешливо алел экран внешней связи, а впереди был путь по времени сравнимый почти со всей моей оставшейся жизнью — путь в НИКУДА.

Кирилл БЕРЕНДЕЕВ
СРОЧНЫЙ ВЫЗОВ
фантастика

Таможенник мрачно смерил взглядом подошедшего к нему благообразного седого старца с длинной бородой, в просторных белых одеждах, порядком измятых. И молча покачал головой.

— Но почему? — возмутился старик, размахивая регистрационной карточкой. — Ведь дело первостепенной важности. Я и так проторчал на контроле уже целый час, опаздываю неимоверно.

— Не имею права. — Таможенник отвлекся от обслуживания очередника и, щелкнув клавишами компьютера, обернулся к собеседнику: — Вы же не милиция, не налоговая инспекция и не служба спасения. Ведь так?

— Да, но...

— Тогда извините, но без очереди пропустить вас я не могу.

— Но я потеряю еще как минимум час! А у меня сейчас каждая минута на счету. Ну, пожалуйста, что вам стоит... К тому же вещей с собой я взял только этот чемодан, и все.

— Становитесь в очередь, — безучастно отреагировал таможенник, заполнив бланк и распечатывая его.

Прошедший нелегкое испытание черноволосый молодой человек с бородкой клинышком, в яркой, пожалуй, даже вызывающей одежде, небрежно поклонился и прошел вперед. Его место занял следующий в очереди. По-кряхтев, таможенник поднял его чемодан, поставил за стойку и занялся проверкой багажа.

Старик, все еще не решаясь отойти, подавленно стоял рядом, безучастно наблюдая за процедурой, грозившей сорвать его планы. Затем неожиданно ловким движением сунул руку за пазуху. Его движение было тут же приостановлено. Старик поднял глаза.

— Не советую давать взятку, — медленно выговаривая каждое слово, произнес доброжелатель. — Не берет совершенно. Более того, может обидеться и начать придирается по пустякам. Еще больше времени потеряете. А

нынче он и подавно не в духе, вы же сами его раздражали, так что он и милицию может вызывать.

Рука старца задержалась на полпути.

— А что, были случаи? — шепотом спросил он.

— В том-то и дело, что не раз и не два. Вот хотя бы со мной, например. Это года два назад случилось. Я тогда по важному делу ехал, тоже очень спешил, вроде вас. Но, кроме того, в моем багаже таможенник усмотрел кое-какие запрещенные к провозу товары. Так, ерунда, я уж и не помню, что было-то. Не суть важно. И я же по дурости своей и по нахальству предложил ему закрыть на все выявленные несуразности глаза. А к тому времени он уж и протокол собрался составлять, об изъятии, значит. Я подсунул сотню. Что тут началось!

— Вы предложили сотню?! — изумленно воскликнул старик, оценивая финансовые возможности собеседника и поневоле сравнивая их со своими. Последняя цифра была явно неутешительной. — И что же он?

— Поступил быстро и ясно. Нажал на кнопку, и меня в мгновение ока взяли под белы ручки два бугая. Препроводили в отделение и остаток дня мурыжили, все дознаться хотели и насчет попытки незаконного провоза товара, и насчет взятки. — Тут доброжелатель улыбнулся. — Собственно, эту сотню, да еще с лишком, я там и оставил. Только уже в виде штрафа.

— Хорошо, что отпустили.

— На следующее утро, — заметил собеседник. — Благодаря моему адвокату.

— Вот как, — пробормотал старик и медленно стал пробираться к концу очереди. Отыскав свое место в ней, он покорно его занял и молча стал продвигаться вместе со всеми до таможенного терминала.

Спустя по меньшей мере полтора часа дошла очередь и до путешественника в белых одеждах. Правда, за это время они изрядно пропылились в некондиционируемом зале и отдавали больше в серый цвет. Но старик не обращал на это никакого внимания. Он вообще не обращал

внимания ни на что происходящее вокруг себя, полностью погрузившись в невеселые мысли.

— Вот и вы, — поприветствовал его таможенник. — Видите, вы быстро добрались.

— Я подам на вас жалобу, — устало произнес старик.

— На обратном пути, — ответил тот, протягивая руку. — А то вы и так опаздываете. Давайте ваши карточку и билет.

Несколько минут ушло на заполнение бланка. Проверка багажа заняла чуть больше времени.

— Тоже на Землю, — заметил таможенник. — Интересно, почему же все туда так стремятся? Вы вот уже седьмой за день. Что вас туда влечет, просто не понимаю.

Старик поднял глаза.

— У меня срочный вызов. Кое-какие неотложные дела с местными.

— Так вы миссионер, — лицо его просветлело.

— Что-то в этом роде, — уклончиво ответил старик. В тоне, каким были сказаны эти слова, он почуял неладное. — Очень разнообразная работа.

— Тогда предъявите свидетельство миссии, пославшей вас, и заявочную карточку. Надеюсь, ваше задание прошло соответствующую проверку.

Старик поспешно извлек из бумажника подтверждающие свои слова документы. Таможенник удовлетворенно кивнул.

— Хорошо, все в порядке. Заполните вот этот бланк, — он протянул путешественнику авторучку. Но тот воспользовался своей, постаравшись заполнить форму как можно быстрее и аккуратнее, чтобы не к чему было придраться.

Усилия не прошли даром. Таможенник, бросив беглый взгляд на бланк, вернул старику его документы и милостиво указал в сторону прохода.

— Все. Пройдите в телепортационную кабину номер шесть. Перемещение займет минуту.

— Я помню, спасибо. — Старик ожил и, поспешно

побросав документы в карман, быстро пошел в нужную сторону.

— Инструкция висит на видном месте. Если что, вызовите технарей... Да и вот еще что... Подождите минуточку.

Старик замер и медленно обернулся. Таможенник закрыл проход, подбежал к путешественнику.

— Послушайте, Яхве. Вы, мне кажется, собираетесь воспользоваться капсулой темпорального переноса, ведь так?

Ответом был холодный-кивок.

— Должен вас предупредить, она у нас на ладан дышит.

— Меня и так задержали здесь невесть на сколько. Я давным-давно выбился из графика. А на месте, между прочим, я должен быть строго в определенное время.

— Перенести никак нельзя?

Старик покачал головой, но таможенник продолжил:

— Я все же не советую вам. Мало ли что может случиться. Хоть короткое замыкание, хоть темпоральный разрыв. Это ж такой фейерверк вы по прибытии устройте! Чудо, если никто не пострадает. Зато в суд и на вас, и на меня подадут, будьте уверены.

— Не подадут, — упрямо ответил старик. — Местные в курсе, я предупредил, чтобы к месту моего появления близко никто не подходил.

— Даже так? Ну ладно. Только, Яхве, все равно будьте осторожны. Мне же потом за это влетит.

— В крайнем случае, воспользуюсь огнетушителем.

Посчитав беседу оконченной, старик развернулся и зашагал прочь к названной ему кабинке. Таможенник устало вздохнул, глядя ему вслед, и отправился на свое рабочее место, проверять багаж следующего путешественника из внушительной очереди.

...16. На третий день, с наступлением утра, были громы, и молнии, и густое облако над горою, и трубный

звук весьма сильный; и вострепетал весь народ, бывший в стане.

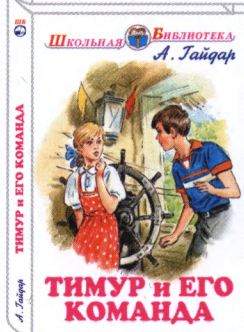
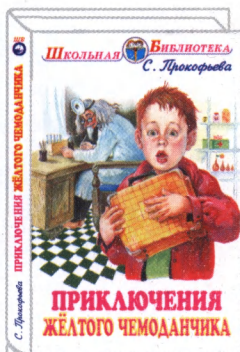
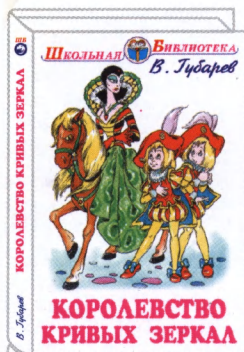
17. И вывел Моисей народ из стана в Сретенье Богу, и стали у подошвы горы.

18. Гора же Синай все дымилась оттого, что Господь сошел на нее в огне; и восходил от нее дым, как из печи, и вся гора сильно колебалась.

19. И звук трубы становился все сильнее и сильнее. Моисей говорил, и Господь отвечал ему голосом.

20. И сошел Господь на гору Синай, на вершину горы, и призвал Господь Моисея на вершину горы, и возшел Моисей...

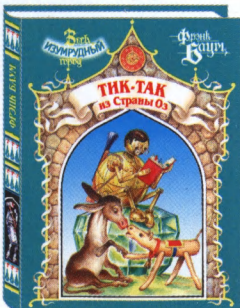
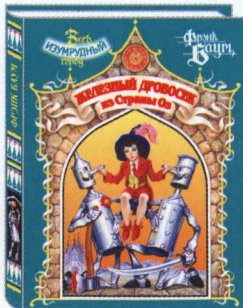
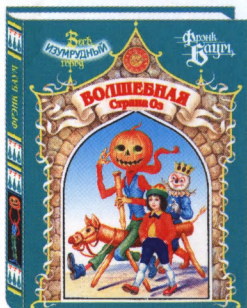
НОВИНКА!

СЕРИЯ: МОЙ ПЕРВЫЙ УЧЕБНИК

СЕРИЯ: ВЕСЬ ИЗУМРУДНЫЙ ГОРОД

детектив • фантастика • приключения

ИСКАТЕЛЬ

журнал «Колокольчик»

